АЭТЕРНА
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

ISSN 2541-8076

№ 10-1/2026

НАУЧНЫЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ

ЖУРНАЛ

Академическая Публицистика

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА»

ISSN 2541-8076

Главный редактор:
Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

Редакционный совет:

Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с.-х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зиля Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с.-х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н., проф. РАЕ
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с.-х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н., заслуженный эколог РФ
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Кониковская Наталья Олеговна, к.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Малышкина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половеня Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филол. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зиля Забировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н., академик РАЕН
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ
Трифонова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдивалиевич, д.с.-х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н., член РАЕ
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н., член-РАЕ
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ.-мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэллович, д.э.н., член РАЕ

Учредитель, издатель и редакция научного электронного журнала «Академическая публицистика»:
Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна»

450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120 +7 347 266 60 68 https://aeterna-ufa.ru info@aeterna-ufa.ru

Верстка / корректура: Мартиросян О.В. / Некрасова Е.В.

Подписано для публикации на сайте https://aeterna-ufa.ru 12.10.2026 г.
Формат 60x90/8. Электронные текстовые данные (6.20 Мб). Усл. печ. л. 50.00.

Цена свободная. Распространяется по подписке.

Все статьи проходят экспертную оценку.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Учредитель, издатель и редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gadyrov A. 11
QUANTUM DYNAMICS AND CIRCUIT ARCHITECTURE: ADVANCED PHYSICAL PRINCIPLES, SEMICONDUCTOR ELECTRONICS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MODERN PHYSICS AND ELECTRONICS SPECIALISTS

Kakyshova H. 16
UNIVERSAL ARCHITECTURE OF QUANTITATIVE THOUGHT: ADVANCED MATHEMATICAL PEDAGOGIES, ABSTRACT STRUCTURES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MATHEMATICAL SCIENCES

Двойников З.М. 21
ВЛИЯНИЕ ЧИСЛА СТОКСА НА ИНЕРЦИОННОЕ ОСАЖДЕНИЕ ТВЁРДЫХ ЧАСТИЦ В ПОВОРОТНОМ ГАЗОВОМ КАНАЛЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Arkhipova N. A. 30
MAIN RPGS AND ADVENTURE GAMES INSPIRED BY SLAVIC FOLKLORE

Мавлембердин А.С. 34
РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ SQUEEZE ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЁЖНОСТИ РАБОТЫ УЭЦН НА ПЛАСТЕ АС12

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Atayeva B., Yoldashov G., Geldiyev S. 40
BRIDGING CLASSROOM AND CROPLAND: ADVANCED AGRONOMIC PEDAGOGIES, SMART FARMING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Atayeva M., Yoldashov G., Muhammetgulyyeva T. 45
ARCHITECTURAL PARADIGMS OF PUBLIC HEALTH: ADVANCED EPIDEMIOLOGICAL METHODOLOGIES, HEALTHCARE ADMINISTRATION FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN MEDICAL CARE SYSTEMS

Garyagdyyeva G., Yoldashov G., Berdiyeva S. 51
AGRARIAN TRANSFORMATION AND EDUCATIONAL METHODOLOGY: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING PEDAGOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Maksadova M., Yoldashov G., Atagylyjov A. 57
PEDAGOGICAL INNOVATION IN AGRO-INDUSTRIAL EDUCATION: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Shajanova A., Yoldashov G., Baymyradova A. 63
CULTIVATING AGRARIAN EXPERTISE: ADVANCED AGRICULTURAL PEDAGOGIES, VOCATIONAL TRAINING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL EDUCATION MODELS FOR MODERN AGRICULTURAL SPECIALISTS

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Abdyyeva M., Gurbanov A., Gulova A. 69
CREDIT AND DEBIT: KEY CONCEPTS IN MODERN FINANCIAL SYSTEMS

Abdyyeva M., Gurbanov A., Palvanova G. 72
EFFECTIVE ORGANIZATIONAL MANAGEMENT

Abdyyeva M., Gurbanov A., Hojagurbanov M. 75
MACROECONOMIC ARCHITECTURE AND GLOBAL MARKET EQUILIBRIUM: ADVANCED QUANTITATIVE MODELING, MONETARY POLICY FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING PARADIGMS FOR CONTEMPORARY ECONOMIC SYSTEMS

Abdyyeva M., Gurbanov A., Saparova N. 80
THE DIGITAL ECONOMY AND BUSINESS

Chommulova M., Akmyradov A. 84
MACROECONOMIC ARCHITECTURE AND EQUILIBRIUM DYNAMICS: ADVANCED QUANTITATIVE METHODS, MONETARY SYSTEMS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR CONTEMPORARY ECONOMIC SYSTEMS

Гараз А.В. 89
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ АО «ГК «СЕВЕРАВТОДОР»)

Захаров И.В. 101
ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В СУЩЕСТВУЮЩИЕ БУХГАЛТЕРСКИЕ СИСТЕМЫ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕТ

Индура М.И. 109
БУХГАЛТЕСКИЙ УЧЕТ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ

Крылов М.Д. 114
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ – РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ В РАСЧЁТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА?

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Atayeva S., Ashyrova U. 125
COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS: STRUCTURAL TYPOLOGIES, SEMANTIC EQUIVALENCES, AND USAGE CHARACTERISTICS IN ARABIC AND HINDI LANGUAGES

Guljayev G. 130
SHAPING LINGUISTIC HERITAGE: ADVANCED PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, DIGITAL DIDACTIC METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR TURKMEN LANGUAGE EDUCATION

Meredova O. 135
CONTRASTIVE TYPOLOGIES, SEMANTIC STRUCTURES, AND USAGE CHARACTERISTICS OF COLOR-DENOTING WORD COMBINATIONS IN JAPANESE AND TURKMEN LANGUAGES

Nobatova B., Rejepova A. 140
ADVANCED INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, DIGITAL LEARNING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR KOREAN LANGUAGE EDUCATION

Saparov M. 145
ADVANCED COGNITIVE METHODOLOGIES, DIGITAL IMMERSION FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING STRATEGIES FOR RAPID FOREIGN LANGUAGE MASTERY

Saparova G., Meredova N. 150
ROOTS OF THE PENINSULA: HISTORICAL EVOLUTION, ORTHOGRAPHIC INNOVATION, AND THE DEVELOPMENTAL TRAJECTORY OF THE KOREAN LANGUAGE

Tashliyev D., Hudayberdiyeva M. 155
TRACING THE LINGUISTIC EVOLUTION OF THE RISING SUN: ORIGINS, ORTHOGRAPHIC ADAPTATION, AND THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE JAPANESE LANGUAGE

Лыков П.С. 160
ИНСТРУМЕНТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО СМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Чернышева А.Ю. 166
ПРИЕМ СЕМАНТИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АГНОНИМИЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СТАРШИХ КЛАССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Балдова А.К. 177
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Балдова А.К. 183
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ АГНЛИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ (18-19 века)

Долгоруков Д.С. 187
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Заманов А.М. 200
СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАН: НЕЗАВИСИМОСТЬ И ДОСТУПНОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ 2030 ГОДА

Морякова А.М. 208
ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Морякова А. М. 220
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Недина М.А. 227
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Плечун М.В. 231
ОБЖАЛОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ РАБОТНИКОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ: ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Сулейманов Р.Р. 245
ИСТОРИКО-НРАВСТВЕННЫЕ КОРНИ КОРРУПЦИИ И РОЛЬ РАННЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕЁ ПРОФИЛАКТИКЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Allaberdiyeva O., Shihmammedova G., Mergenova A. 255
ARCHITECTURE OF EDUCATIONAL TRANSMISSION: ADVANCED DIDACTIC METHODOLOGIES, COGNITIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN INSTRUCTION

Amanmyradova A., Shihmammedova G., Orazgeldiyev N. 260
CULTIVATING RURAL COMPETENCE: ADVANCED AGRONOMIC PEDAGOGIES, PRECISION FARMING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Balkanova B., Geldimyradova O. 266
FOUNDATIONS OF EARLY CHILDHOOD DEVELOPMENT: ADVANCED PEDAGOGICAL METHODOLOGIES, CHILD PSYCHOLOGY FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR PRESCHOOL EDUCATION

Baylyyeva B., Chommulova M., Japarova Ch. 271
THEORETICAL ARCHITECTURE OF INSTRUCTIONAL SCIENCE: ADVANCED PEDAGOGICAL DESIGN, DIDACTIC METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL COMPETENCE FRAMEWORKS FOR MODERN EDUCATIONAL SYSTEMS

Berdiyeva A., Shihmammedova G., Jumamyradova M. 277
AGRARIAN EXCELLENCE AND VOCATIONAL PEDAGOGY: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING INSTRUCTION, AND PROFESSIONAL COMPETENCE DEVELOPMENT FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Besherova N., Shihmammedova G., Durdynazarov A. 283
FOUNDATIONS OF VOCATIONAL AGRONOMY: ADVANCED EDUCATIONAL STRATEGIES, SMART FARM CURRICULUM MODELS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MODERN AGRICULTURAL SPECIALISTS

Kasimova A., Chommulova M., Jumayeva A. 289
EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF DIDACTIC DESIGN: ADVANCED INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, COGNITIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN EDUCATORS

Абдуджабборов С.А. 295
РОЛЬ ЛИДЕРА НАЦИИ В УСТАНОВЛЕНИИ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ВЫЗОВЫ

Буковцова М.А. 300
ИНТЕГРАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОСНОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Винакова А.Н. 304
ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА : КАК ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО ФОРМИРУЕТ ЭМПАТИЮ У ДЕТЕЙ

Водяницкая Н.А., Зуборева М.И., Логвинова Р.Ф. 307
КОРРЕКЦИЯ УРОВНЯ АГРЕССИИ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА МЕТОДАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

Киселев Н.В. 319
ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Легенченко О.Н. 324
КУБИК БЛУМА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ 4–5 ЛЕТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Леонтьева А.А. 328
РОЛЬ ТЬЮТОРА В РАЗВИТИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Логачева А.М. 333
КЛАССИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Овезова Дж., Гулмадова С., Хеббикулиева О. 336
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Подорванов А.Ю. 340
ОТ ТЕХНИКИ К ЛИЧНОСТИ: КАК БАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ ФОРМИРУЕТ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗРЕЛОСТЬ ПОДРОСТКА

Романова Е. А. 343
ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЗАТРУДНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ У ШКОЛЬНИКОВ-МИГРАНТОВ

Стаброва Н.А. 351
СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЭКСКУРСИЙ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Чужакина Е.Л. 356
СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ К РЕАЛИЗАЦИИ АРТ-ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Atayeva E., Shihmammedova G., Muhammetgulyyeva T. 365
SYSTEMATIC DIMENSIONS OF NATIONAL HEALTHCARE: ADVANCED CLINICAL ADMINISTRATION, HEALTH SYSTEMS ENGINEERING, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR PUBLIC HEALTH INFRASTRUCTURE

Аманова Дж.О. 371
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИЕТОТЕРАПИИ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА

Гылычмаммедова М.Ш. 374
ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ АУТОИММУННОГО ТИРЕОИДИТА

Розыев Х.А. 377
ОРГАНЫ ВЫДЕЛЕНИЯ (ПОЧКА, ЛЕГКИЕ, КОЖА, ПИЩЕВАРИТЕЛЬНЫЙ ТРАКТ И ГРУДНЫЕ ЖЕЛЕЗЫ), ИХ УЧАСТИЕ В ПОДДЕРЖАНИИ ГОМЕОСТАЗА ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ

Розыев Х.А. 380
СВОЙСТВА НЕРВНЫХ ЦЕНТРОВ. ПРИНЦИПЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Гончаров М.Ю. 387
АДАПТАЦИЯ УЧАЩИХСЯ ДЕТСКИХ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСТАНОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зайкова А. А. 392
КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПРЕПОДАВАНИЯ ТАНЦА МОДЕРН ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Маякова Е.Д. 403
СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ В ОБУЧЕНИИ НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОМУ ТАНЦУ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ

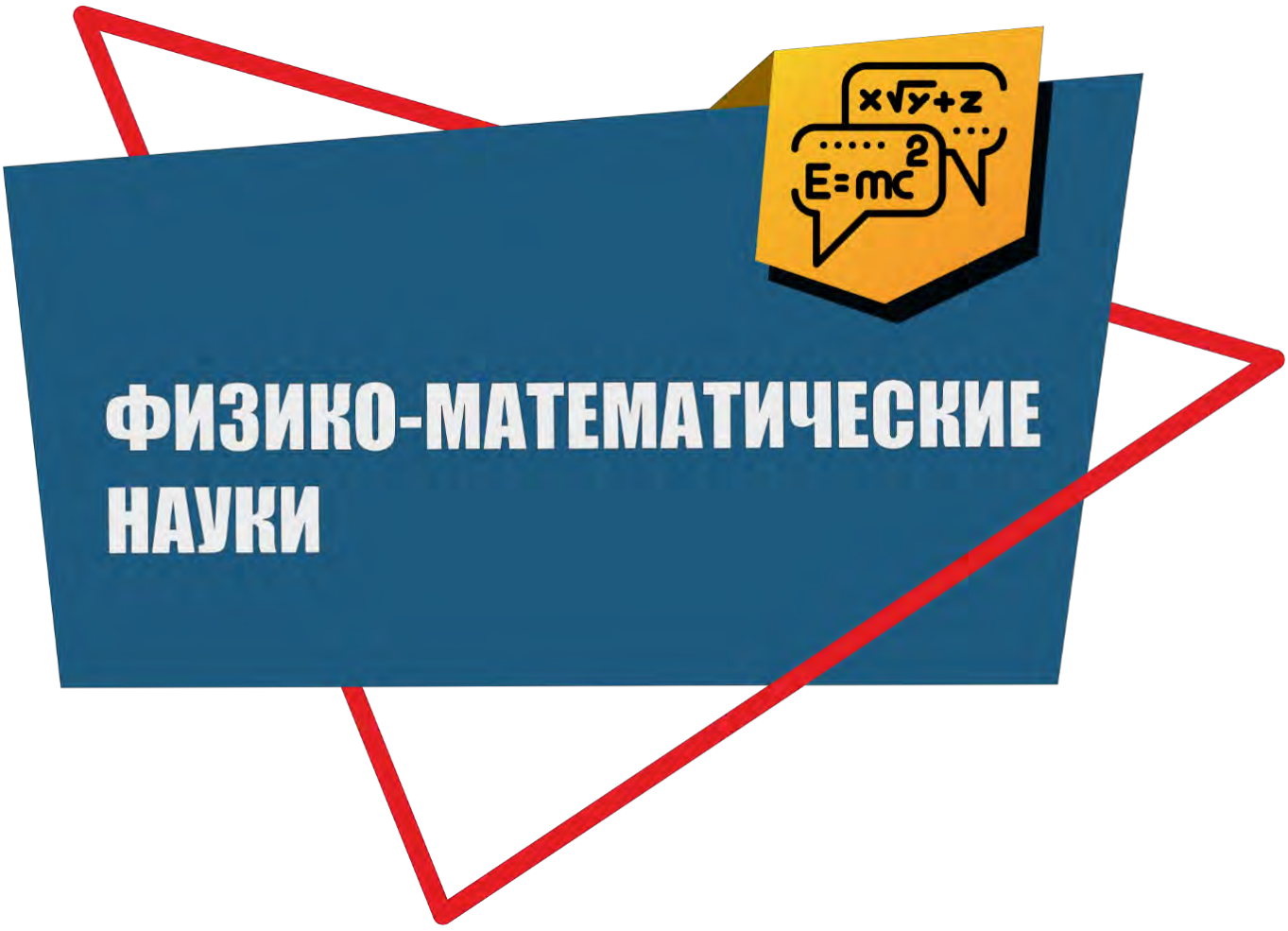
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рожков Е.В. 410
ПРОБЛЕМЫ ПЕРМСКОГО МАРАФОНА (2026)

Ткаченко М.М. 417
МОТИВАЦИЯ ТРУДА И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Смерек Ю.Л. 423
ГРОЗЫ В СУХОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ


ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 51

Gadyrov Amandurdy,

lecturer of the Department of Physics and Electrotechnics

Institute of Engineering, Technical and Transport Communications of Turkmenistan

Ashgabat, Turkmenistan

QUANTUM DYNAMICS AND CIRCUIT ARCHITECTURE: ADVANCED PHYSICAL PRINCIPLES, SEMICONDUCTOR ELECTRONICS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MODERN PHYSICS AND ELECTRONICS SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified physicists, electronics engineers, and semiconductor technology specialists (Serway & Jewett, 2024). As modern quantum computing, microelectronic device fabrication, renewable energy conversion systems, and telecommunications infrastructure encounter rapid technological transformation, nanoscale semiconductor modernization, and evolving global engineering standards, the systematic instruction of physics and electronics demands a comprehensive integration of advanced electromagnetic field theory, quantum mechanics, and rigorous circuit design principles. This study investigates how the harmonization of experiential laboratory experimentation training, interactive virtual circuit simulation software, and competency-based pedagogy optimizes analytical precision and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical thermodynamic principles and cutting-edge nanoscale electronic innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes scientific research readiness and sustainable technological development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators

to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

physics education, electronics engineering, quantum mechanics, semiconductor devices, circuit simulation, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global technological sector, semiconductor manufacturing plants, and advanced research laboratories requires a fundamental paradigm shift in how physicists, electronics engineers, and hardware design specialists are educated, trained, and prepared for dynamic analytical environments. Historically, physics and electronics instruction relied heavily on manual oscilloscope measurements, static circuit schematic memorization, and traditional paper-based calculation drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated integrated circuit design, high-frequency signal processing, and nanoscale quantum device simulations of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of advanced computer-aided electronic design automation software, quantum computing frameworks, virtual laboratory simulation platforms, and automated semiconductor fabrication testing tools demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student scientists and working hardware professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical electromagnetic and quantum principles with real-world circuit execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern physics and electronics specialists involves cultivating deep analytical flexibility, rigorous experimental error analysis discipline, and lifelong technical reflection habits. Engineering professionals enter the modern workforce equipped with core mechanics and electromagnetism foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex

multi-layer printed circuit board thermal data, adapting to rapid semiconductor material updates, and collaborating in remote, multidisciplinary research and development teams. Institutional support systems—such as university-based nanofabrication cleanrooms, continuous professional electronic design automation certification programs, and collaborative hardware research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on tool operation and real-world circuit prototyping simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise measurement proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global digital economy.

Main Part

At the core of educating modern physics and electronics specialists is the mastery of advanced computer-aided design software, rigorous semiconductor device physics protocols, and task-specific competencies that maximize signal integrity while fostering strict thermal management workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core quantum tunneling properties, transistor switching speed calculations, and regulatory electromagnetic compatibility standards, enabling them to execute complex hardware evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future electronics specialists are trained to utilize integrated virtual spice simulation suites, automated oscilloscope analysis systems, and real-time microcontroller programming database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern scientific professionals to navigate unexpected hardware anomaly updates, streamline high-speed circuit layout logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective enterprise and research practices.

Complementing technical and computational training, the integration of critical systems thinking, rigorous experimental methodology formulation, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary physics and

electronics education. Specialists in physical sciences and engineering must learn to communicate effectively across diverse stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar hardware research projects, and resolve theoretical and applied circuit design conflicts within multidisciplinary engineering and scientific teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, hardware safety regulatory compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that research directors can manage high-pressure laboratory environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young engineering professionals bridge the gap between isolated theoretical formulas and integrated industrial manufacturing strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary physics and electronics specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern electronics and semiconductor professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international hardware credentials and microfabrication standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding ethical electronic waste management practices, semiconductor supply chain security legislation, and sustainable energy-efficient hardware design principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level laboratory technicians into visionary scientific leaders who drive sustainable technological transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary physics and electronics specialists is a vital strategic endeavor that directly influences national technological competitiveness, scientific research innovation, and global digital infrastructure security. By combining robust classical and quantum physical theory with hands-on circuit

prototyping and laboratory training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern analytical and engineering challenges. The resulting development of skilled, adaptable hardware and physical experts ensures that global scientific and industrial ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated circuit optimization, quantum computing hardware architectures, and changing global energy efficiency standards will require ongoing refinement of higher education physics and electronics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of engineering professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the high-tech hardware sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional technical talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Physics for Scientists and Engineers, Serway, R. A., Jewett, J. W., Boston: Cengage Learning, 2024.

2. Microelectronic Circuits, Sedra, A. S., Smith, K. C., New York: Oxford University Press, 2024.

3. Modern Physics and Electronics Education Methodologies in Higher Practice, Gurbanov, B. M., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Solid State Electronic Devices, Streetman, B. G., Banerjee, S. K., Boston: Pearson Education, 2023.

5. The Art of Electronics, Horowitz, P., Hill, W., Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

© Gadyrov A., 2026

УДК 51

Kakyshova Haltach,
lecturer
International University of Industrialists and Entrepreneurs
Ashgabat, Turkmenistan

UNIVERSAL ARCHITECTURE OF QUANTITATIVE THOUGHT: ADVANCED MATHEMATICAL PEDAGOGIES, ABSTRACT STRUCTURES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MATHEMATICAL SCIENCES

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified mathematicians, data scientists, and quantitative research specialists (Stewart, 2020). As modern computational modeling, cryptography, artificial intelligence engineering, and global financial systems encounter rapid technological transformation, automated theorem-proving modernization, and evolving cross-disciplinary scientific standards, the systematic instruction of mathematics demands a comprehensive integration of advanced abstract algebra, rigorous analytical calculus, and computational algorithmic principles. This study investigates how the harmonization of experiential mathematical problem-solving training, interactive virtual computational modeling software, and competency-based pedagogy optimizes analytical precision and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical axiomatic rigor and cutting-edge machine learning mathematical innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes scientific research readiness and sustainable technological development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

mathematics education, quantitative training, abstract algebra, computational modeling, algorithmic problem-solving, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global technological sector, financial modeling agencies, and scientific research networks requires a fundamental paradigm shift in how mathematicians, data analysts, and quantitative researchers are educated, trained, and prepared for dynamic analytical environments. Historically, mathematical instruction relied heavily on manual blackboard derivations, rote formula memorization, and traditional paper-based calculation drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated symbolic computation, high-throughput data analysis, and complex algorithmic simulations of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of advanced computer algebra systems, machine learning optimization frameworks, virtual mathematical simulation software, and automated theorem provers demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student mathematicians and working quantitative professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical topological and algebraic principles with real-world computational execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern mathematical and quantitative specialists involves cultivating deep structural flexibility, rigorous logical proof discipline, and lifelong technical reflection habits. Quantitative professionals enter the modern workforce equipped with core calculus and linear algebra foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-dimensional data sets, adapting to rapid algorithmic updates, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and scientific research teams. Institutional support

systems—such as university-based mathematical computing labs, continuous professional computational mathematics certification programs, and collaborative quantitative research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on tool operation and real-world mathematical modeling simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise calculation proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global digital economy.

Main Part

At the core of educating modern mathematical specialists is the mastery of advanced computer algebra software, rigorous proof-writing protocols, and task-specific competencies that maximize analytical accuracy while fostering strict computational optimization workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core topological space properties, differential equation stability calculations, and regulatory mathematical modeling standards, enabling them to execute complex quantitative evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future mathematics specialists are trained to utilize integrated virtual computational suites, automated numerical solver systems, and real-time algorithmic database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern scientific professionals to navigate unexpected mathematical anomaly updates, streamline large-scale data processing logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective enterprise and research practices.

Complementing technical and computational training, the integration of critical abstract thinking, rigorous logic formulation methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary mathematical education. Specialists in mathematics must learn to communicate effectively across diverse stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar computational research projects, and resolve theoretical and applied modeling conflicts within multidisciplinary

engineering and scientific teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, scientific integrity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that research directors can manage high-pressure analytical environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young quantitative professionals bridge the gap between isolated theoretical proofs and integrated industrial engineering strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary mathematical specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern quantitative and data science professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international computational credentials and algorithmic modeling standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding ethical AI modeling practices, data privacy legislation, and sustainable computational research principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level analysts into visionary scientific leaders who drive sustainable technological transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary mathematics specialists is a vital strategic endeavor that directly influences national technological competitiveness, scientific research innovation, and global digital infrastructure security. By combining robust abstract and applied mathematical theory with hands-on computational training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern analytical and computational challenges. The resulting development of skilled, adaptable quantitative experts ensures that global scientific and industrial ecosystems remain

dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated mathematical discovery, quantum computing cryptographic systems, and changing global digital data standards will require ongoing refinement of higher education mathematics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of scientific professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the quantitative sciences sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional mathematical talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Calculus: Early Transcendentals, Stewart, J., Boston: Cengage Learning, 2020.

2. Abstract Algebra, Dummit, D. S., Foote, R. M., Hoboken: John Wiley & Sons, 2024.

3. Modern Mathematical Education and Computational Training Methodologies in Higher Practice, Atadjanov, S. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Principles of Mathematical Analysis, Rudin, W., New York: McGraw-Hill Education, 2023.

5. Introduction to Algorithms, Cormen, T. H., Leiserson, C. E., Rivest, R. L., Stein, C., Cambridge: The MIT Press, 2022.

© Kakyshova H., 2026

УДК 532.529

Двойников З.М.

студент 4 курса бакалавриата

Физикомеханический институт (направление «Прикладная механика»)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

г. Санкт-Петербург, РФ

ВЛИЯНИЕ ЧИСЛА СТОКСА НА ИНЕРЦИОННОЕ ОСАЖДЕНИЕ ТВЁРДЫХ ЧАСТИЦ В ПОВОРОТНОМ ГАЗОВОМ КАНАЛЕ

Аннотация

Актуальность: инерционное осаждение абразивных частиц в поворотных газоходах. Цель — связать долю осаждённых частиц с числом Стокса в канале на 90°. Метод: потенциальный вихрь для газа и уравнение Ньютона с силой Стокса для частицы; численное интегрирование траекторий. Результат: рост осаждения с числом Стокса и критическое значение для средней линии входа. Вывод: оценка эрозионной опасности поворотов.

Ключевые слова:

число Стокса, инерционное осаждение, поворотный канал,

двухфазное течение, сила Стокса, траектория частицы.

1. Введение

В газовых трактах энергетических установок, вентиляционных системах и пылеулавливающих аппаратах поток часто проходит через поворотные участки. При наличии твёрдой дисперсной фазы (пыль, зола, абразивные частицы) инерция частиц приводит к их отклонению от линий тока газа и к осаждению на внешней стенке поворота. Следствиями являются локальный износ, зарастание сечения и ухудшение аэродинамики канала [1, 2].

Физическая основа явления — запаздывание скорости частицы относительно скорости несущей среды. Чем больше масса и размер частицы и чем резче искривление потока, тем сильнее проявляется инерционный эффект. Удобной мерой этого запаздывания служит число Стокса St — отношение времени релаксации частицы к характерному времени пролёта поворота [3, 4].

Цель работы — построить упрощённую двумерную модель движения сферической частицы в повороте на 90° и количественно связать долю осаждённых частиц с числом Стокса. В отличие от полноценного CFD-расчёта двухфазного течения, здесь используется аналитически заданное поле газа и точечная модель частицы, что соответствует уровню учебно-исследовательской статьи и позволяет ясно выделить роль St.

2. Постановка задачи

Рассматривается плоский канал, изогнутый по дуге окружности на угол $\pi/2$ (рис. 1). Внутренний и внешний радиусы стенок:

$$R_{\text{in}} = 0{,}080\text{м}, R_{\text{out}} = 0{,}120\text{м}.$$

Характерный радиус и характерная скорость газа на средней линии:

$$R = \frac{R_{\text{in}} + R_{\text{out}}}{2} = 0{,}100\text{м}, U = 20\text{м/с}.$$

Газ считается несжимаемым, течение стационарным. Поле скорости принимается в форме потенциального вихря (свободный вихрь):

$$u_r = 0, u_\theta(r) = U\frac{R}{r},$$

что в декартовых координатах даёт

$$u_x = -u_\theta \sin\theta, u_y = u_\theta \cos\theta, \theta = \text{arctg}(y/x).$$

Такое приближение сохраняет круговые линии тока и отражает рост тангенциальной скорости к внутренней стенке; оно широко используется в учебных и оценочных моделях поворотов [5].

Частица — сфера плотности $\rho_p = 2500\text{кг/м}^3$ (кварцевая пыль) диаметром d_p. На частицу действует сила сопротивления Стокса; сила тяжести в базовом расчёте

не учитывается (горизонтальный поворот, доминирует центробежный эффект).

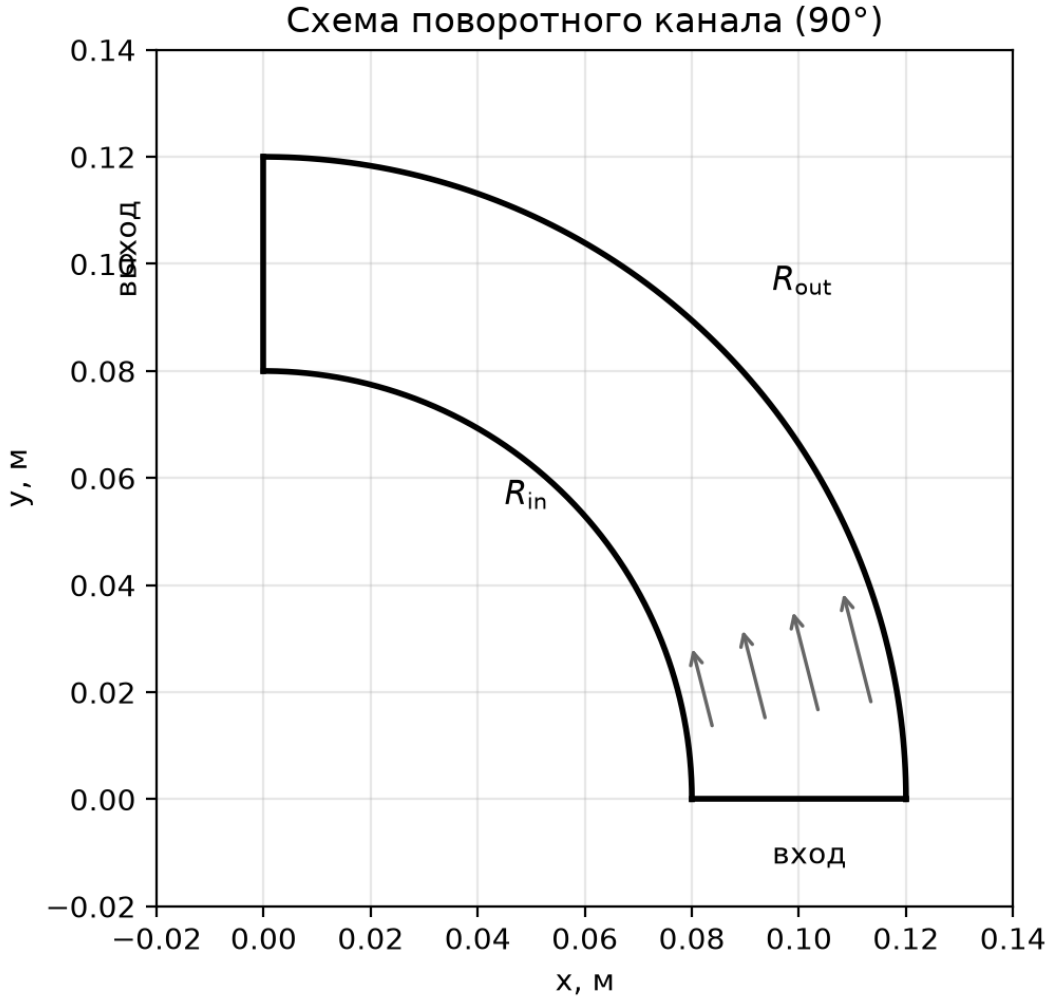


Рисунок 1 – Схема плоского поворотного канала на 90°: R_{in}, R_{out} — радиусы стенок; стрелки — направление потока

3. Математическая модель

3.1. Уравнение движения частицы

Масса частицы $m = \rho_p \pi d_p^3/6$. Уравнение движения:

$$m\frac{dv}{dt} = 3\pi\mu d_p(u(x) - v),$$

где v — скорость частицы, u — скорость газа в точке x, $\mu = 1{,}8 \cdot 10^{-5}$Па · с — динамическая вязкость воздуха.

Время релаксации частицы:

$$\tau = \frac{\rho_p d_p^2}{18\mu}.$$

Тогда

$$\frac{dv}{dt} = \frac{u - v}{\tau}.$$

3.2. Число Стокса

Число Стокса определяется как

$$St = \frac{\tau U}{R} = \frac{\rho_p d_p^2 U}{18\mu R}.$$

При $St \to 0$ частица практически следует за газом по круговой линии тока $r = \text{const}$ и не осаждается. При $St \sim 1$ и больше инерция существенна: траектория «спрямляется», и частица смещается к внешней стенке [3, 6].

Связь диаметра с St для принятых параметров:

St	d_p, **мкм (оценка)**
0,05	≈ 5,7
0,25	≈ 12,7
0,80	≈ 22,8
2,50	≈ 40,2

3.3. Начальные и граничные условия

На входе $\theta = 0$ частицы равномерно распределены по радиусу $r \in [R_{\text{in}} + \delta; R_{\text{out}} - \delta]$, $\delta = 1{,}5$мм. Начальная скорость равна локальной скорости газа. Осаждение на внешней стенке фиксируется при $r \geq R_{\text{out}}$; успешный проход поворота — при достижении $\theta = \pi/2$ без касания стенок.

3.4. Численный метод

Система ОДУ интегрировалась полунеявной (экспоненциальной) схемой по скорости с шагом, согласованным с τ, что устойчиво при малых St. Для каждого St рассчитывалось семейство траекторий; эффективность осаждения:

$$\eta(St) = \frac{N_{\text{outer}}}{N},$$

где N_{outer} — число частиц, достигших внешней стенки, N — полное число стартовых

положений ($N = 51$).

Дополнительно определялось критическое число Стокса $St^*_{\text{ср}}$ — минимальное St, при котором частица со средней линии $r = (R_{\text{in}} + R_{\text{out}})/2$ осаждается на внешней стенке.

4. Результаты расчёта

4.1. Траектории

На рис. 2 показаны траектории частицы, стартующей со средней линии, для $St = 0{,}05; 0{,}25; 0{,}8; 2{,}5$.

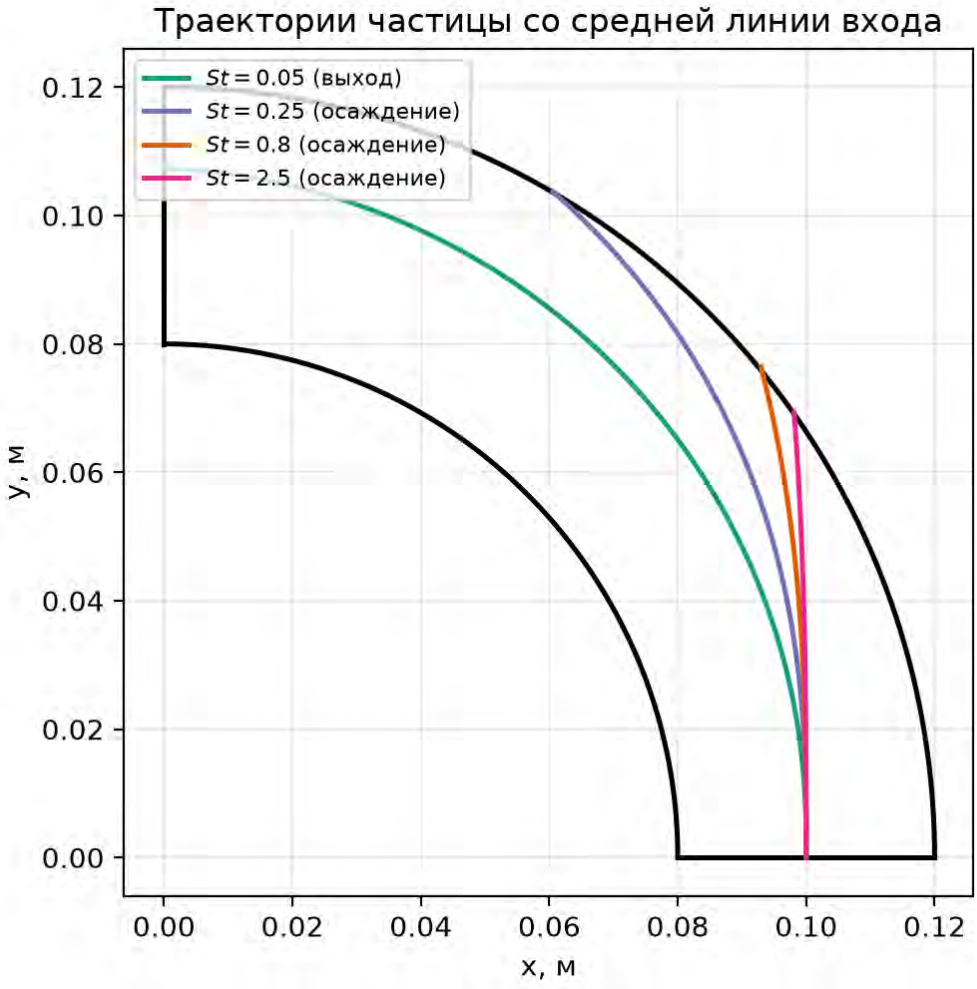


Рисунок 2 – Траектории частицы со средней линии входа при различных числах Стокса

При малом St траектория почти совпадает с дугой средней линии и выходит из

поворота. С ростом St кривизна траектории уменьшается, частица смещается наружу и при достаточном St ударяется о внешнюю стенку ещё до выхода из колена.

4.2. Эффективность осаждения

Зависимость $\eta(St)$ приведена на рис. 3.

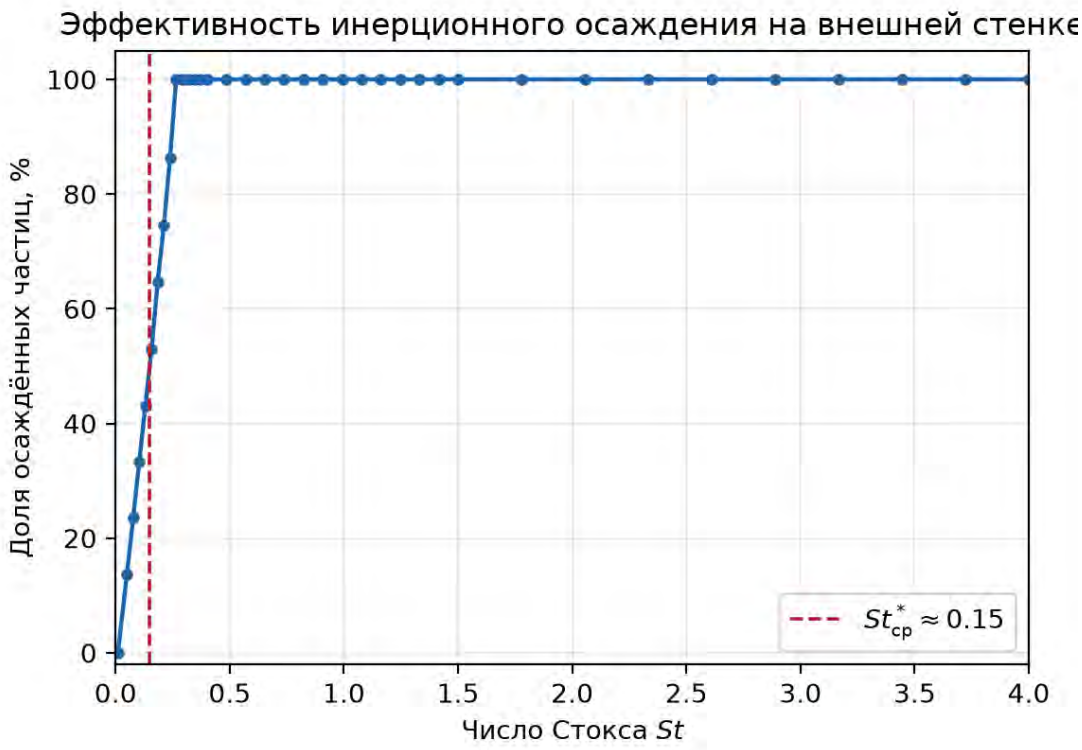


Рисунок 3 – Доля частиц, осаждённых на внешней стенке, в зависимости от числа Стокса. Пунктир — $\mathrm{St}^*_{\mathrm{ср}}$.

Основные количественные выводы для принятой геометрии ($R_{\mathrm{out}}/R_{\mathrm{in}} = 1{,}5$, $U = 20$м/с):

1. При $St \lesssim 0{,}05$ осаждается небольшая доля частиц (порядка 10–15 %), преимущественно стартовавших ближе к внешней стенке.

2. Критическое значение для средней линии: $St^*_{\mathrm{ср}} \approx 0{,}15$.

3. При $St \approx 0{,}25$ уже $\eta \approx 90\%$; при $St \gtrsim 0{,}8$ практически все рассмотренные частицы достигают внешней стенки ($\eta \to 100\%$).

Качественно это согласуется с классическими представлениями об

инерционном режиме осаждения: параметр St упорядочивает семейство траекторий и определяет порог «проскакивания» вдоль искривлённого потока [4, 7].

4.3. Практическая интерпретация

Для кварцевой пыли при указанных U и R величина $St{\sim}0{,}15$ соответствует диаметру порядка 10мкм. Частицы крупнее испытывают заметное инерционное осаждение в повороте такого радиуса. Следовательно, для снижения эрозии внешней стенки целесообразно: уменьшать скорость, увеличивать радиус поворота (снижение St) либо устанавливать износостойкие вкладыши в зоне вероятного удара [2, 8].

5. Ограничения модели

Модель намеренно упрощена и не учитывает:

- турбулентную диффузию и случайные пульсации скорости;
- взаимное влияние частиц (разбавленная фаза);
- вторичные течения Дина в пространственном колене;
- отскок и вторичный унос с поверхности стенки.

Эти факторы могут сдвигать кривую $\eta(St)$, но не отменяют ведущую роль числа Стокса как критерия подобия инерционного осаждения.

6. Заключение

1. Построена двумерная модель инерционного осаждения сферических частиц в поворотном газовом канале на 90° с потенциальным полем скорости газа и силой Стокса.

2. Показано, что доля осаждённых на внешней стенке частиц монотонно растёт с числом Стокса; для средней линии входа найдено $St^{*}_{\text{ср}} \approx 0{,}15$.

3. При $St \gtrsim 0{,}8$ в рамках модели осаждение становится практически полным.

4. Полученные зависимости дают простую оценку эрозионной опасности поворотов без тяжёлого CFD и могут служить отправной точкой для уточнённых трёхмерных расчётов.

Список использованной литературы:

1. Лойцянский Л.Г. Механика жидкости и газа. — М.: Дрофа, 2003. — 840 с.

2. Фукс Н. А. Механика аэрозолей. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 352 с.

3. Кройт Г. Наука о коллоидах. Т. 1. Необратимые системы. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 538 с.

4. Crowe C. T., Schwarzkopf J. D., Sommerfeld M., Tsuji Y. Multiphase Flows with Droplets and Particles. — 2nd ed. — Boca Raton: CRC Press, 2011. — 509 p.

5. Идельчик И.Е. Справочник по гидравлическим сопротивлениям. — М.: Машиностроение, 1992. — 672 с.

6. Maxey M.R., Riley J.J. Equation of motion for a small rigid sphere in a nonuniform flow // Physics of Fluids. — 1983. — Vol. 26, No. 4. — P. 883–889.

7. Friedlander S. K. Smoke, Dust, and Haze: Fundamentals of Aerosol Dynamics. — 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2000. — 407 p.

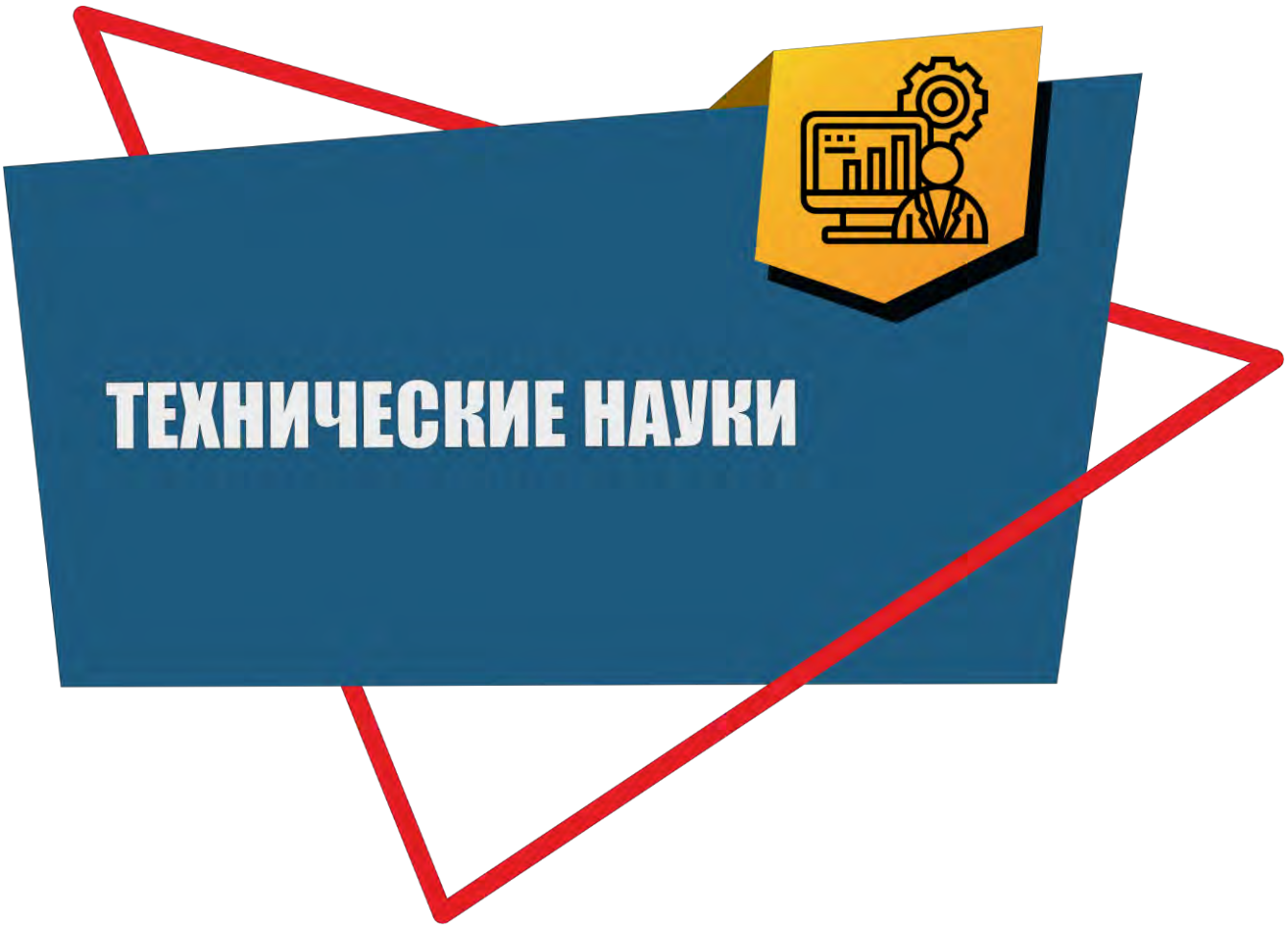
8. Гупта А., Лилли Д., Сайред Н. Закрученные потоки. — М.: Мир, 1987. — 588 с.

9. Соу С. Гидродинамика многофазных систем. — М.: Мир, 1971. — 536 с.

10. Вараксин А.Ю. Турбулентные течения газа с твёрдыми частицами. — М.: Физматлит, 2003. — 192 с.

11. Hinds W. C. Aerosol Technology: Properties, Behavior, and Measurement of Airborne Particles. — 2nd ed. — New York: Wiley, 1999. — 483 p.

© Двойников З.М., 2026


ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 004.9:398(=16)

Arkhipova N.A.,

Phd in Artistic Sciences, Docent,

RTU “MIREA”, Moscow International University,

Moscow, Russia

MAIN RPGS AND ADVENTURE GAMES INSPIRED BY SLAVIC FOLKLORE

Abstract

Role-playing and adventure games inspired by Slavic folklore transform traditional myths into interactive systems of exploration, combat, character development, and moral choice. The article examines *YAR: Forgotten Throne*, *Yaga*, *Black Book*, *Thea 2: The Shattering*, and *Svarog's Dream*, analysing how folkloric motifs function not merely as visual decoration but as the foundation of narrative, game mechanics, and world-building. It argues that these projects demonstrate how interactive media can reinterpret Slavic cultural heritage and create new forms of mythological storytelling.

Keywords:

Slavic folklore, video games, role-playing games, adventure games, interactive media, game mechanics, mythological storytelling, world-building, moral choice, cultural heritage, Baba Yaga, bogatyr, volkhv, narrative design, digital folklore adaptation.

Role-playing and adventure games based on Slavic folklore transform traditional myths into interactive systems of exploration, combat, character development, and moral choice. Folkloric motifs in these projects function not only as visual decoration but also as the foundation of the narrative, game mechanics, and world-building.

YAR: Forgotten Throne [1], previously known as *Ancient Rus*, is an open-world action RPG released in 2026. The player can choose between the path of a bogatyr, associated with martial strength, and that of a volkhv, connected with magic and ritual knowledge.

The game includes encounters with Baba Yaga, Koschei, Polkan, and other mythological beings. In addition to combat and exploration, players can practise crafts, build a house, and participate in the card game *Koschuny*. The estimated playtime may exceed fifty hours, which emphasizes the scale of its world and the diversity of available activities.

The game adapts traditional heroic archetypes to the open-world format. The bogatyr and the volkhv represent two complementary models of heroism: physical action and spiritual knowledge. At the same time, the inclusion of everyday activities expands the representation of folklore beyond battles and legendary quests. The mythological world becomes a space where the player can not only fight supernatural forces but also build, create, and interact with the environment.

Yaga [2] is an isometric action RPG centred on Ivan, a one-handed blacksmith suffering from constant misfortune. The tsar assigns him dangerous and seemingly impossible tasks, while Baba Yaga observes and influences his destiny. Unlike the traditional invincible hero, Ivan is an ordinary and vulnerable character whose transformation depends on his actions and decisions.

The game's karma system makes moral choice one of its central mechanics. The player's behaviour influences Ivan's character and the possible ending. This structure transforms the folkloric concept of fate into an interactive process: the protagonist's future depends not only on external forces but also on the player's decisions. Baba Yaga is presented as an ambiguous supernatural figure who cannot be reduced to the role of a simple antagonist. She combines danger, wisdom, unpredictability, and the ability to determine the hero's fate.

Black Book [3] is a card-based RPG with adventure elements, set in a nineteenth-century Russian village. The protagonist, Vasilisa, is a young sorceress seeking a demonic artefact that could resurrect her beloved. The game combines exploration, dialogue, role-playing progression, and card-based combat. Its world is based on Russian rural life, folk beliefs, spirits, and stories about supernatural encounters.

The historical setting allows the game to connect folklore with everyday social

reality. Supernatural events occur not in an abstract fantasy world but within villages, homes, and communities recognizable from Russian cultural history. The magical book serves simultaneously as a narrative object and a gameplay mechanism: it contains spells and organizes the protagonist's abilities. Vasilisa is an active subject rather than a passive figure. Her quest combines personal grief with questions concerning sacrifice, forbidden knowledge, and the limits of human power.

Thea 2: The Shattering [4] combines strategy, survival, RPG elements, and text-based quests. The player manages a settlement, develops its inhabitants, explores a dangerous environment, and confronts various supernatural threats. The game draws on Slavic gods, spirits, legends, and popular beliefs.

Unlike games focused on an individual hero, *Thea 2* presents mythology through the survival of a community. The settlement becomes the main object of management, and the player must make decisions concerning resources, security, exploration, and social relations. Card-based conflicts introduce uncertainty and reflect the unstable relationship between humans, spirits, gods, and fate. Textual quests also reproduce features of oral storytelling, since they are based on descriptions, dialogues, moral dilemmas, and alternative outcomes.

Svarog's Dream [5] is an RPG centred on exploration of a world inhabited by spirits and ancient gods. Its significance lies in the attempt to create a coherent mythological environment rather than simply use isolated folkloric characters. The player gradually learns the rules of this world by exploring locations, meeting supernatural beings, and reconstructing fragments of its history.

The game's exploratory structure makes mythological knowledge something that must be acquired through experience. This approach resembles an initiation narrative: the protagonist enters an unfamiliar world and gains access to its meanings by overcoming trials. Supernatural beings are therefore not only enemies but also elements of a broader cosmological system.

The games discussed demonstrate several methods of adapting Slavic folklore to

interactive media. *YAR: Forgotten Throne [1]* combines heroic archetypes with open-world exploration and crafting. *Yaga* transforms the idea of fate into a system of moral choice. *Black Book* [3] connects rural culture, magic, and personal tragedy with card-based mechanics. *Thea 2* presents mythology through collective survival, while *Svarog's Dream* [5] emphasizes exploration and cosmological world-building.

Their common feature is the integration of folklore into gameplay. Mythological characters become quest-givers, opponents, allies, or observers; traditional beliefs are converted into rules, abilities, cards, and narrative decisions. These games demonstrate how interactive media can reinterpret Slavic cultural heritage and create new forms of mythological storytelling.

Список использованной литературы:

1. Honor Games. YAR: Forgotten Throne [Electronic resource]. — Steam, 2026. — URL: https://store.steampowered.com/app/2669860/YAR_Forgotten_Throne/ (accessed: 27.09.2026).

2. Breadcrumbs Interactive. Yaga [Electronic resource]. — Steam, 2021. — URL: https://store.steampowered.com/app/888530/Yaga/ (accessed: 27.09.2026).

3. Morteshka. Black Book [Electronic resource]. — Steam, 2021. — URL: https://store.steampowered.com/app/1138660/Black_Book/ (accessed: 27.09.2026).

4. MuHa Games. Thea 2: The Shattering [Electronic resource]. — Steam. — URL: https://store.steampowered.com/app/606230/Thea_2_The_Shattering/ (accessed: 27.09.2026).

5. Andrej G. Svarog's Dream [Electronic resource]. — Steam. — URL: https://store.steampowered.com/app/2004640/Svarogs_Dream/ (accessed: 27.09.2026).

© Arkhipova N. A., 2026

УДК 622.276

Мавлембердин А. С.

магистрант, Высшая нефтяная школа ЮГУ,

г. Ханты-Мансийск, РФ

Научный руководитель: Хайруллин А. А.

Кандидат технических наук, доцент, ЮГУ,

г. Ханты-Мансийск, РФ

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ SQUEEZE ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЁЖНОСТИ РАБОТЫ УЭЦН НА ПЛАСТЕ АС12

Аннотация

Приобское месторождение (пласт АС12) - низкопроницаемый коллектор (2-3,3·10-3 мкм2) с обводнённостью 80-90 % и температурой до 96 °С. Солеотложения (кальцит, барит) вызывают до 41 % отказов УЭЦН, МРП не превышает 90-150 сут. Традиционные методы (контейнеры, УДЭ) обеспечивают МРП 180-500 сут. и не защищают ПЗП от кольматации. Целью работы является разработка методики применения технологии Squeeze с ингибитором VS-Co для повышения надёжности работы УЭЦН на пласте АС12. Проведён анализ геолого-физических условий, лабораторные испытания VS-Co (совместимость с пластовой водой, эффективность против CaCO3 и BaSO4), расчёт параметров обработки и оценка эффективности по промысловым данным. Ингибитор VS-Co совместим с водой до 10 мг/л, его эффективность составляет 97% против CaCO3 и 88 % против BaSO4. По кривой десорбции период защиты - 160-180 сут. Рассчитаны параметры: масса ингибитора 676 кг, объём 5 % раствора 12,3 м3, продавочной жидкости 169 м3, периодичность 2-3 раза в год. По промысловым данным, средний МРП вырос с 90-150 до 600-800 сут. Разработанная методика позволяет повысить надёжность УЭЦН за счёт пролонгированной защиты пласта и рекомендуется для скважин пласта АС12 с обводнённостью более 70 %.

Ключевые слова:

приобское месторождение, пласт АС12, солеотложения, технология Squeeze, ингибитор VS-Co, УЭЦН, УДЭ, межремонтный период, защита от солеотложения, низкопроницаемый коллектор.

Введение

Солеотложение остаётся одной из ключевых проблем при эксплуатации скважин на поздних стадиях разработки. Отложения солей в призабойной зоне пласта (ПЗП) и на рабочих органах насосного оборудования приводят к снижению дебита, росту энергозатрат и преждевременным отказам [5].

В условиях Приобского месторождения, пласта АС12 применение традиционных методов защиты – контейнерная закачка ингибиторов и установки дозирования – не обеспечивают длительной защиты призабойной зоны и не предотвращают кольматацию порового пространства [2].

Наиболее перспективным решение является технология Squeeze – задавка ингибитора в пласт с созданием долговременного депо реагента.

Целью работы является разработка методики применения технологии Squeeze с ингибитором VS-Co для повышения надёжности работы УЭЦН на скважинах пласта АС12 Приобского месторождения.

Солеотложения в условиях Приобского месторождения

Основными причинами являются термобарические изменения в системе «пласт – скважина» и смешение несовместимых вод системы ППД [5]. Отложения солей блокируют поровое пространство коллектора, приводят к преждевременным отказам УЭЦН (до 41 %) и сокращению МРП до 90-150 суток [6]. Для низкопроницаемого коллектора даже тонкий слой солей в порах приводит к необратимой потере проницаемости [4].

Технология Squeeze позволяет создать долговременное депо ингибитора непосредственно в призабойной зоне пласта. Для условий АС12 выбран

полиакрилат-фосфонатный сополимер VS-Co, обладающий высокой адсорбцией на глинистой породе (каолинит до 12 %) и эффективностью против CaCO3 (97 %) и BaSO4 (88 %) при концентрации 10 мг/л [7, 8].

Методика расчёта параметров Squeeze-обработки

Исходные данные для типовой скважины приведены в таблице 1.

Таблица 1

Исходные данные

Параметр	Значение	Обоснование
Дебит по воде, Qв, м3/сут	64	80 м3/сут жидкости × 80 % обводнённости
Период защиты (прогнозный), T, сут	330	Из лабораторной кривой десорбции (500 PV × 2,2 сут/PV × 0,3)
Коэффициент неравномерности выноса, ψ	1,6	Учитывает залповый вынос ингибитора
Удельный расход ингибитора, mуд, г/м3	20	МИК (5 мг/л) × коэффициент запаса
Плотность ингибитора, ринг, кг/м3	1100	Паспортные данные VS-Co
Рабочая концентрация, Сраб, %	5	Рекомендованный диапазон 3-10 %
Радиус проникновения, r, м	5	Принят для низкопроницаемого коллектора
Эффективная толщина, h, м	10	Средняя по пласту АС12
Пористость, ф, д.е.	0,18	Средняя по керну

Источник: разработано автором

Технологический расчёт включает определение массы ингибитора, объёма товарного концентрата и объёма продавочной жидкости.

Масса ингибитора для одной обработки определяется по формуле:

$$\mathrm{M}_{\text{инг}} = \frac{\psi \times Q_{\text{В}} \times T \times m_{\text{уд}}}{1000} = \frac{1{,}6 \times 64 \times 330 \times 20}{1000} \approx 676 \text{ кг}$$

Объём товарного концентрата ингибитора, необходимого для приготовления рабочего раствора, рассчитывается как:

$$V_{\text{конц}} = \frac{\mathrm{M}_{\text{инг}}}{\rho_{\text{инг}} \times \mathrm{C}_{\text{раб}}} = \frac{676}{1100 \cdot 0{,}05} \approx 12{,}3 \text{ м3}$$

Объём пор в обработанной зоне:

$$V_{\text{прод}} = \pi \cdot r^2 \cdot h \cdot \varphi = 3{,}14 \cdot 5^2 \cdot 10 \cdot 0{,}18 \approx 141 \text{ м}^3$$

Объём продавочной жидкости с коэффициентом запаса 1,2 рассчитывается по

формуле:

$$V_{\text{прод}} = V_{\text{пор}} \cdot 1{,}2 = 141 \cdot 1{,}2 \approx 169 \text{ м3}$$

По результатам расчёта построена таблица 2, отражающая сравнение показателей до и после внедрения технологии Squeeze.

Таблица 2

Сравнение показателей до и после

Показатель	До внедрения (традиционное дозирование)	После внедрения (Squeeze с VS-Co)	Эффект
Метод подачи ингибитора	Постоянное дозирование через химические линии	Периодическая задавка в пласт (Squeeze)	Отказ от дорогостоящих химических линий
Частота обработок	Ежесуточная подача реагента	2-3 раза в год	Снижение трудозатрат и простоев
Расход ингибитора на скважину в год	~467 кг/год (1,28 кг/сут × 365)	~1450 кг/год (676 кг × 2,15)	Увеличение расхода, но снижение частоты обслуживания
Период защиты скважины	Постоянно, но с риском перебоев подачи	160-180 суток непрерывной защиты	Пролонгированная защита без вмешательства
Риск солеотложения в ПЗП	Высокий (ингибитор не доходит до ПЗП)	Низкий (ингибитор адсорбируется в ПЗП)	Защита непосредственно в призабойной зоне
Эффективность против CaCO3	85 % (фосфонаты)	97 % (VS-Co при 10 мг/л)	Повышение эффективности на 12 %
Эффективность против BaSO4	50 % (фосфонаты)	88 % (VS-Co при 10 мг/л)	Повышение эффективности на 38 %
Межремонтный период (МРП) скважин	Базовый (частая очистка от солей)	Увеличение на 30-50 %	Снижение затрат на ремонты
Необходимость в химических линиях	Требуется	Не требуется	Экономия на инфраструктуре
Применимость для низкодебитного фонда	Ограничена (нерентабельна)	Высокая	Расширение охвата скважин

Выполненный расчёт параметров Squeeze-обработки позволил обосновать необходимые объёмы ингибитора и продавочной жидкости, а также определить рациональную периодичность обработок для условий пласта АС12. Применение предложенной методики обеспечит повышение надёжности работы УЭЦН за счёт

пролонгированной защиты призабойной зоны пласта и снижения солевых отказов.

Список использованной литературы:

1. ГОСТ Р 55438-2013. Нефтяная и газовая промышленность. Методы определения эффективности ингибиторов солеотложений. – М.: Стандартинформ, 2014. – 20 с.

2. Задавка ингибитора солеотложения в пласт: методические рекомендации / ООО «РН-Юганскнефтегаз». – Нефтеюганск, 2018. – 15 с.

3. Рагулин В.В., Волошин А.И., Гусаков В.Н. и др. Ингибиторы для предотвращения солеотложения в нефтедобыче // Нефтяное хозяйство. – 2018. – № 11. – С. 60–72.

4. Стрижнев К.В., Гумеров Р.Р., Алексеев Ю.В. и др. Влияние деструктированного гуарового геля на механизм формирования отложений кальцита // Нефтяное хозяйство. – 2025. – № 6. – С. 14–18.

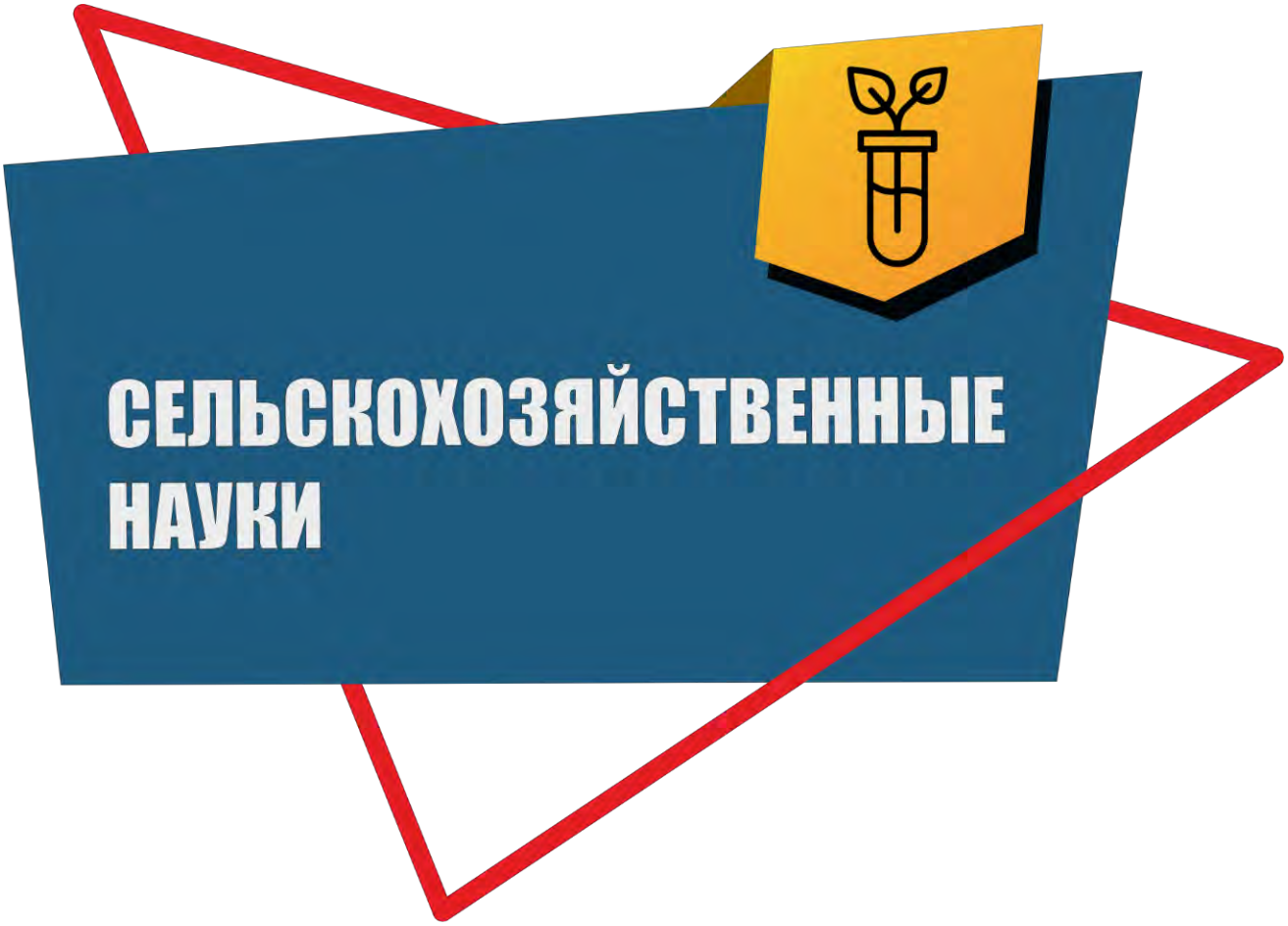
5. Трухин И.С., Полякова Н.В., Задорожный П.А., Суховерхов С.В. Прогнозирование солеотложения в нефтяном промысле // Нефтяное хозяйство. – 2025. – № 3. – С. 146–169.

6. Хайбуллин Д.М. Совершенствование технологий и технических средств для предупреждения и удаления солеотложений в добывающих скважинах: автореф. дис. … канд. техн. наук. – Уфа, 2010. – 25 с.

7. Olajire A.A. The state of the art in scale inhibitor squeeze treatment // Petroleum Science. – 2020. – Vol. 17. – P. 1579–1601.

8. Voloshin A.I., Fakhreeva A.V., Gusakov V.N., Raguilin V.V. Development and Testing of a Module for Calculating the Parameters of Scale Inhibitors Squeeze Treatment // Problems of Gathering, Treatment and Transportation of Oil and Oil Products. – 2024. – № 3. – P. 45–58.

© Мавлембердин А.С., 2026


СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
НАУКИ

УДК 63

Atayeva Bahargul,
student
Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Yoldashov Guvanch,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Geldiyev Serdar,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

BRIDGING CLASSROOM AND CROPLAND: ADVANCED AGRONOMIC PEDAGOGIES, SMART FARMING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Phipps et al., 2023). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study investigates how the harmonization of practical

field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national

food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Introduction to Agricultural Education, Phipps, L. J., Osborne, E. W., Dyer, J. E., Ryan, A., Boston: Pearson Education, 2023.

2. Precision Agriculture: Technology and Practice, Stafford, J. V., Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2021.

3. Modern Agricultural Pedagogy and Vocational Training Methodologies in Higher Practice, Berdiyev, M. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Agricultural Extension and Rural Development, Swanson, B. E., Bentz, R. P., Sofranko, A. J., Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020.

5. Agriculture, Diversification and Education, Petherbridge, K., et al., London: Routledge, 2022.

© Atayeva B., Yoldashov G., Geldiyev S., 2026

УДК 63

Atayeva Merjen,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Yoldashov Guvanch,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Muhammetgulyyeva Tazegul,
lecturer
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

ARCHITECTURAL PARADIGMS OF PUBLIC HEALTH: ADVANCED EPIDEMIOLOGICAL METHODOLOGIES, HEALTHCARE ADMINISTRATION FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN MEDICAL CARE SYSTEMS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, public health methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified healthcare administrators, clinical epidemiologists, and medical care systems specialists (Birkhead et al., 2020). As modern global health infrastructure, telemedicine networks, biomedical research institutions, and international disease surveillance systems encounter rapid technological transformation, digital health record modernization, and evolving global clinical standards, the systematic administration of public health demands a comprehensive integration of advanced epidemiological tracking, evidence-based health

policy formulation, and rigorous medical ethics principles. This study investigates how the harmonization of practical clinical management training, interactive virtual healthcare facility simulation software, and competency-based pedagogy optimizes patient outcome delivery and professional administrative adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical public health sanitation protocols and cutting-edge artificial intelligence-driven diagnostic innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes healthcare workforce readiness and sustainable medical infrastructure development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern medical leaders to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

healthcare administration, public health education, epidemiological methodology, digital medicine, health systems management, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global healthcare sector, hospital administration networks, and international epidemiological research agencies requires a fundamental paradigm shift in how medical care specialists, public health directors, and clinical researchers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, healthcare management relied heavily on paper-based patient records, static administrative protocols, and traditional hierarchical hospital oversight drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated electronic health record analysis, real-time contagion tracking, and telemedicine delivery shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of artificial intelligence-assisted diagnostic tools, cloud-based patient monitoring platforms, predictive epidemiological modeling software, and virtual hospital management simulation systems demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student medical administrators and working healthcare professionals with

modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biomedical principles with real-world clinical execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern public health and healthcare administration specialists involves cultivating deep analytical flexibility, patient safety awareness, and lifelong technical reflection habits. Medical care professionals enter the modern workforce equipped with core clinical and biological foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system hospital data, adapting to rapid regulatory healthcare policy updates, and collaborating in remote, multidisciplinary clinical and engineering teams. Institutional support systems—such as university-based medical simulation centers, continuous professional digital health certification programs, and collaborative epidemiological research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on health informatics tool operation and real-world emergency response management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise administrative proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global medical sector.

Main Part

At the core of educating modern healthcare administration specialists is the mastery of advanced electronic health record software, biostatistical analysis protocols, and task-specific competencies that maximize patient care efficiency while fostering strict medical safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core epidemiological transition properties, hospital resource allocation calculations, and regulatory public health safety standards, enabling them to execute complex clinical facility evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future healthcare specialists are trained to utilize integrated

virtual hospital resource suites, automated disease tracking analysis systems, and real-time patient outcome database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern medical professionals to navigate unexpected public health crisis updates, streamline supply chain logistics for pharmaceuticals, and elevate the overall quality, safety, and operational reliability of their respective clinical and administrative practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, healthcare leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary public health education. Specialists in healthcare administration and medical systems must learn to communicate effectively across diverse clinical and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar hospital budgets, and resolve patient care and regulatory compliance conflicts within multidisciplinary medical teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, medical ethics compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that hospital directors can manage high-pressure clinical environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated administrative theories and integrated national public health strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary healthcare specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern clinicians and public health administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international medical credentials and digital health management standards to stay ahead of rapid technological and epidemiological disruptions. Furthermore, understanding patient privacy legislation, medical AI ethics, and sustainable healthcare facility operation principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and

medical enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level hospital assistants into visionary healthcare leaders who drive sustainable societal medical transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary healthcare administration specialists and public health educators is a vital strategic endeavor that directly influences national health security, population well-being, and global medical research innovation. By combining robust biomedical and administrative theory with hands-on clinical facility training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern epidemiological and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable healthcare experts ensures that global medical service ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated diagnostic screening, telemedicine-enabled remote care delivery, and changing global health resilience standards will require ongoing refinement of higher education medical training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of healthcare professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the public health and medical sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional healthcare talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Essentials of Public Health, Birkhead, G. S., Morrow, C. B., Pirani, S., Boston: Jones & Bartlett Learning, 2020.

2. Handbook of Healthcare Management, Fottler, M. D., Malvey, D., Johnson, D. J., Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014.

3. Modern Healthcare Administration and Public Health Methodologies in Higher Practice, Orazov, A. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Health and Healthcare Systems: A Global View, Foley, T., Tresidder, A. F., Bozeman, L., New York: Springer Publishing, 2025.

5. Understanding Global Health, Markle, W. H., Fisher, M. A., Smego, R. A., New York: McGraw-Hill Education, 2014.

©Atayeva M., Yoldashov G., Muhammetgulyyeva T., 2026

УДК 63

Garyagdyyeva Guljana,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Yoldashov Guvanch,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Berdiyeva Sahra,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

AGRARIAN TRANSFORMATION AND EDUCATIONAL METHODOLOGY: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING PEDAGOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Whittington et al., 2023). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models

that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly

updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. The Art and Science of Teaching Agriculture: Four Keys to Dynamic Learning, Whittington, M.S., Rudd, R., Elliot, J., Blacksburg: Virginia Tech Department of Agricultural, Leadership, and Community Education, 2023.

2. Introduction to Agricultural Education, Phipps, L. J., Osborne, E. W., Dyer, J. E., Ryan, A., Boston: Pearson Education, 2023.

3. Modern Agricultural Pedagogy and Vocational Training Methodologies in Higher Practice, Berdiyev, M.K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Agricultural Extension and Rural Development, Swanson, B. E., Bentz, R. P., Sofranko, A. J., Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020.

5. Planting Seeds of Knowledge: Agriculture and Education in Rural Societies in the Twentieth Century, Hartmann, H., Tischler, J., New York: Berghahn Books, 2023.

© Garyagdyyeva G., Yoldashov G., Berdiyeva S., 2026

УДК 63

Maksadova Mahriban,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Yoldashov Guvanch,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Atagylyjov Arslan,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL INNOVATION IN AGRO-INDUSTRIAL EDUCATION: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Buriak & Harper, 2021). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom

instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility

empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Methods of Teaching Agriculture, Buriak, P., Harper, J. G., Danville: Interstate Publishers, 2021.

2. Agricultural Education and Training: Global Perspectives, Roberts, T. G., Harder, A., Brashears, M. T., New York: Routledge, 2022.

3. Modern Educational Methodologies in Agro-Industrial Training, Atageldiýew, K. M., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Smart Farming Technologies for Sustainable Agriculture, Wolfert, S., Ge, L., Verdouw,

C., Bogaardt, M. J., Amsterdam: Elsevier, 2020.

5. Vocational Education and Training in Agriculture: Curriculum and Instruction, Camp, W. G., Hoover, T. S., Columbus: Ohio State University Press, 2023.

© Maksadova M., Yoldashov G., Atagylyjov A., 2026

УДК 63

Shajanova Aysha,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Yoldashov Guvanch,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Baymyradova Ayjeren,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

CULTIVATING AGRARIAN EXPERTISE: ADVANCED AGRICULTURAL PEDAGOGIES, VOCATIONAL TRAINING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL EDUCATION MODELS FOR MODERN AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Petherbridge et al., 2022). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world

farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By

combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Agriculture, Diversification and Education, Petherbridge, K., et al., London: Routledge, 2022.

2. Introduction to Agricultural Education, Phipps, L. J., Osborne, E. W., Dyer, J. E., Ryan, A., Boston: Pearson Education, 2023.

3. Modern Agricultural Pedagogy and Vocational Training Methodologies in Higher Practice, Berdiyev, M. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Precision Agriculture: Technology and Practice, Stafford, J. V., Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2021.

5. Agricultural Extension and Rural Development, Swanson, B. E., Bentz, R. P., Sofranko, A. J., Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020.

© Shajanova A., Yoldashov G., Baymyradova A., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 33

Abdyyeva Maral,
lecturer
Gurbanov Allayar,
student
International Horse breeding academy named after Aba Annaev
Gulova Aymaral,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

CREDIT AND DEBIT: KEY CONCEPTS IN MODERN FINANCIAL SYSTEMS

Abstract

Credit and debit are fundamental financial tools that influence personal finance, business operations, and national economies. While both involve the movement of money, they differ significantly in purpose, source, and implications. This article examines the definitions, uses, advantages, and challenges associated with credit and debit in both consumer and institutional contexts.

Keywords:

credit, debit, finance, banking, personal finance, loans, cards, debt management.

In today's economy, the terms **credit** and **debit** are commonly used in banking, accounting, and personal finance. Though they often appear together—such as on a debit or credit card—they represent distinct concepts that serve different functions within financial systems.

Credit is the ability to borrow money or access goods and services with the promise

to repay at a later date. It is based on **trust and financial reputation**. Common examples of credit include loans, credit cards, and lines of credit. When a consumer uses a credit card, they are borrowing funds from a bank or credit issuer and agreeing to pay the amount back, usually with interest.

Debit, on the other hand, refers to the **immediate withdrawal** of money from a bank account. When someone uses a debit card, the funds are directly taken from their account to pay for goods or services. Unlike credit, debit does not involve borrowing and does not accumulate interest or debt.

From a **banking perspective**, credit increases liabilities (e.g., a customer's loan), while debit increases assets or reduces liabilities (e.g., withdrawal from an account). In accounting, the terms are used to record and balance entries in ledgers, ensuring that every transaction has both a debit and a credit side.

In **personal finance**, both tools have advantages. Credit allows for **flexible spending**, especially during emergencies or for large purchases, and responsible use can build a strong credit score. However, it also carries risks such as debt accumulation, interest payments, and credit dependency. Debit, being limited to available funds, promotes **budget control** and prevents overspending but lacks the borrowing flexibility and credit-building benefits of credit tools.

Businesses rely on credit to **finance operations, invest in expansion, and manage cash flow**. Trade credit, for example, allows businesses to receive goods and pay suppliers later. Excessive reliance on credit, however, can lead to liquidity issues and financial instability if not properly managed.

The rise of **digital banking** and **electronic payments** has made credit and debit transactions more convenient. However, it has also increased concerns over fraud, data privacy, and financial literacy. Consumers must understand the differences between credit and debit to make informed financial decisions and avoid common pitfalls like overdraft fees or excessive interest charges.

In conclusion, credit and debit are essential components of financial literacy and

economic activity. While they serve different roles, both are necessary for efficient money management. Understanding their features, benefits, and risks enables individuals and organizations to use them wisely and maintain financial health.

References:

1. Mishkin, F. S. (2015). The Economics of Money, Banking, and Financial Markets. Pearson.

2. Ross, S. A., Westerfield, R., & Jordan, B. D. (2021). Fundamentals of Corporate Finance. McGraw-Hill Education.

3. Kapoor, J. R., Dlabay, L. R., & Hughes, R. J. (2022). Personal Finance. Cengage Learning.

4. Moyer, R. C., McGuigan, J. R., & Kretlow, W. J. (2017). Contemporary Financial Management. Cengage Learning.

5. Federal Reserve Bank. (2023). Understanding Credit and Debit. www.federalreserve.gov.

© Abdyyeva M., Gurbanov A., Gulova A., 2026

УДК 33

Abdyyeva Maral,
lecturer
Gurbanov Allayar,
student
International Horse breeding academy named after Aba Annaev
Palvanova Gultach,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

EFFECTIVE ORGANIZATIONAL MANAGEMENT

Abstract

Management methods are systematic approaches used by organizations and leaders to plan, coordinate, and control resources in order to achieve goals efficiently and effectively. This article explores the primary methods of management, including classical, behavioral, and contemporary approaches. It also examines the practical application of these methods in various organizational settings and highlights the importance of adapting management techniques to changing environments.

Keywords:

management methods, classical management, behavioral management, strategic management, decision-making, leadership, organizational efficiency.

Effective management is the cornerstone of any successful organization. It involves the deliberate application of techniques and tools to guide human, financial, and material resources toward predefined objectives. Over time, various methods of

management have evolved in response to technological advancements, social change, and market dynamics.

The classical method of management, developed in the late 19th and early 20th centuries, focuses on structure, efficiency, and productivity. Pioneers like Frederick W. Taylor advocated for scientific management, which emphasized task specialization, time studies, and standardization. Henri Fayol, another leading figure, proposed five key functions of management: planning, organizing, commanding, coordinating, and controlling.

The behavioral method, developed as a reaction to the limitations of classical theory, focuses on human behavior, motivation, and group dynamics. Researchers like Elton Mayo and Abraham Maslow demonstrated that employee satisfaction, communication, and motivation significantly affect performance. This method encourages participative leadership and emphasizes organizational culture.

In recent decades, contemporary methods of management have emerged to address the complexities of modern business environments. These include systems theory, which views organizations as interrelated components functioning within a larger environment; contingency theory, which advocates that managerial actions depend on situational variables; and total quality management (TQM), which promotes continuous improvement and customer satisfaction.

Strategic management is another modern method that involves long-term planning and the alignment of organizational goals with external opportunities and threats. It includes environmental scanning, SWOT analysis, and the formulation and implementation of competitive strategies. This approach is essential in dynamic industries such as technology, healthcare, and finance.

Decision-making methods, such as rational analysis, intuitive judgment, and group consensus, are also central to management. Tools like decision trees, cost-benefit analysis, and scenario planning help managers evaluate alternatives and choose effective courses of action.

In practice, organizations often blend various management methods based on their size, industry, culture, and strategic goals. For instance, a manufacturing firm may rely on scientific and quality management techniques, while a creative agency may emphasize behavioral and flexible approaches.

The digital age has introduced new methods of management, including agile management, data-driven decision-making, and remote team leadership. Managers must adapt to rapid changes, global competition, and the expectations of a diverse workforce.

In conclusion, methods of management are not static but evolve in response to internal and external forces. A successful manager must understand multiple methods and apply them judiciously to foster innovation, achieve efficiency, and guide the organization through complexity and change.

References:

1. Taylor, F. W. (1911). The Principles of Scientific Management. Harper & Brothers.
2. Fayol, H. (1949). General and Industrial Management. Pitman Publishing.
3. Drucker, P. F. (2007). The Practice of Management. HarperBusiness.
4. Robbins, S. P., & Coulter, M. (2021). Management. Pearson Education.
5. Daft, R. L. (2020). Management: Challenges for Tomorrow's Leaders. Cengage Learning.
6. Schermerhorn, J. R. (2019). Exploring Management. Wiley.

© Abdyyeva M., Gurbanov A., Palvanova G., 2026

УДК 33

Abdyyeva Maral,
lecturer
Gurbanov Allayar,
student
International Horse breeding academy named after Aba Annaev
Hojagurbanov Myratgeldi,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

MACROECONOMIC ARCHITECTURE AND GLOBAL MARKET EQUILIBRIUM: ADVANCED QUANTITATIVE MODELING, MONETARY POLICY FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING PARADIGMS FOR CONTEMPORARY ECONOMIC SYSTEMS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, economic methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified financial analysts, macroeconomic researchers, and economic systems specialists (Greenlaw et al., 2022). As modern global markets, digital financial platforms, data-driven monetary systems, and international trade networks encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted forecasting modernization, and evolving cross-disciplinary economic requirements, the systematic study of economics demands a comprehensive integration of advanced microeconomic equilibrium theory, macroeconomic stabilization principles, and rigorous econometric modeling protocols (Arcos-Alonso et al., 2024). This study investigates how the harmonization of practical market analysis training, interactive virtual economic simulation software, and outcome-based pedagogy

optimizes resource allocation and professional analytical adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical market mechanism principles and cutting-edge digital currency innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes economic workforce readiness and sustainable financial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern economists to design resilient, highly effective technical market ecosystems.

Keywords:

economic theory, macroeconomic modeling, microeconomic equilibrium, financial systems, econometric analysis, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global financial sector, institutional banking networks, and digital commerce agencies requires a fundamental paradigm shift in how market analysts, policy advisors, and economic researchers are educated, trained, and prepared for dynamic commercial environments. Historically, economic practice relied heavily on static ledger calculations, traditional chalkboard equilibrium curves, and fragmented market drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated predictive analytics, real-time global trade tracking, and digital decentralized currency shifts of the twenty-first century (Greenlaw et al., 2022). Today, the widespread proliferation of cloud-based econometric software, artificial intelligence financial modeling assistants, virtual macroeconomic simulation platforms, and automated risk-assessment tools demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student economists and working financial professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical mathematical and psychological principles with real-world market execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern economic and financial training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, risk assessment awareness, and lifelong technical reflection habits. Economic professionals enter the modern workforce equipped with core quantitative foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level market data, adapting to rapid regulatory policy updates, and collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams (Arcos-Alonso et al., 2024). Institutional support systems—such as university-based financial simulation labs, continuous professional econometric certification programs, and collaborative market research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on economic software operation and real-world portfolio management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise analytical proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global financial sector.

Main Part

At the core of educating modern economic specialists is the mastery of advanced econometric software, price equilibrium protocols, and task-specific competencies that maximize resource allocation efficiency while fostering strict financial safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core monetary velocity properties, inflation elasticity calculations, and regulatory banking compliance standards, enabling them to execute complex market evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future economic specialists are trained to utilize integrated virtual forecasting suites, automated market simulation systems, and real-time financial tracking database tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern financial professionals to navigate unexpected market shock updates, streamline fiscal resource logistics, and elevate the overall quality, safety, and quantitative reliability of their respective corporate and governmental practices.

Complementing technical and analytical training, the integration of critical macroeconomic thinking, collaborative risk assessment methodologies, and interdisciplinary teamwork represents an indispensable component of contemporary economic education. Specialists in economic policy and market administration must learn to communicate effectively across diverse business and stakeholder groups, manage complex multi-year national budgets, and resolve fiscal and monetary conflicts within multidisciplinary financial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, regulatory compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that financial directors can manage high-pressure market environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young economic professionals bridge the gap between isolated theoretical models and integrated national development strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary economists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern analysts and financial administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international forecasting credentials and digital commerce standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding consumer privacy legislation, algorithmic trading ethics, and sustainable green finance principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and commercial enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level financial assistants into visionary economic leaders who drive sustainable societal market transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary economic specialists and financial educators is a vital strategic endeavor that directly influences national

monetary stability, lifelong wealth generation, and global commercial research innovation. By combining robust quantitative and economic theory with hands-on market simulation training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern fiscal and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable economic experts ensures that global financial ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated monetary policy formulation, blockchain-enabled transaction clearing systems, and changing global trade resilience standards will require ongoing refinement of higher education economics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital finance. As new generations of economic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the commercial and public financial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional economic talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Principles of Macroeconomics, Greenlaw, S. A., Shapiro, D., MacDonald, D., Houston: OpenStax, 2022.

2. Economics, Samuelson, P. A., Nordhaus, W. D., New York: McGraw-Hill Education, 2010.

3. Modern Economic Theory and Quantitative Pedagogies in Higher Practice, Atamyradov, B. S., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Macroeconomics, Blanchard, O., Boston: Pearson Education, 2020.

5. Principles of Economics, Mankiw, N. G., Boston: Cengage Learning, 2020.

© Abdyyeva M., Gurbanov A., Hojagurbanov M., 2026

УДК 33

Abdyyeva Maral, lecturer

Gurbanov Allayar, student

International Horse breeding academy named after Aba Annaev

Saparova Nargul, student

Pedagogical secondary vocational school

named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

THE DIGITAL ECONOMY AND BUSINESS

Abstract

The digital economy has emerged as one of the most transformative forces in modern society, reshaping industries, business models, and societal structures. This paper explores the concept of the digital economy, its impact on businesses and individuals, and the challenges it poses for governance, regulation, and sustainability. By examining key drivers of the digital economy, such as e-commerce, digital platforms, cloud computing, and artificial intelligence (AI), this paper provides a comprehensive overview of the opportunities and risks associated with digital transformation. The digital economy is not only changing how businesses operate but also how individuals interact, work, and access services. The paper concludes by discussing the implications for policy makers and businesses, as well as the need for inclusive and sustainable digital practices to ensure equitable economic growth.

Keywords:

Digital Economy, E-commerce, Artificial Intelligence, Cloud Computing, Digital Transformation, Business Models, Governance, Digital Platforms, Economic Growth, Sustainability.

1. Introduction

In the 21st century, the term "digital economy" has become ubiquitous, representing a paradigm shift in how economic activities are organized and executed. The digital economy is broadly defined as an economy based on digital computing technologies. It encompasses the vast range of economic activities that result from the use of digital tools, networks, and platforms to conduct business, facilitate trade, and enhance services. This transformation has disrupted traditional industries, giving rise to new business models, a globalized marketplace, and a rapid pace of innovation.

With the widespread adoption of the internet, smartphones, and emerging technologies such as Artificial Intelligence (AI), the digital economy has evolved into an ecosystem that drives value through digital transactions, data exchange, and virtual platforms. Businesses, governments, and individuals are now actively participating in this digital landscape, navigating new opportunities and challenges that come with it. As the digital economy continues to grow, it has become increasingly crucial to understand its implications for economic development, social structures, and governance.

This article will explore the primary components of the digital economy, its current state, and its potential future impact. It will also examine how digital technologies are redefining industries, creating new opportunities, and influencing global economic trends. Moreover, the paper will address the challenges the digital economy poses, particularly in terms of governance, regulation, cybersecurity, privacy, and sustainability.

2. Key Drivers of the Digital Economy

The digital economy is underpinned by several technological innovations that facilitate the rapid exchange of information and services across vast distances. These technologies serve as key enablers of the digital transformation of businesses and society. The most significant drivers include:

E-commerce has been a cornerstone of the digital economy, revolutionizing how consumers and businesses buy and sell goods and services. The proliferation of online shopping platforms such as Amazon, Alibaba, and eBay has not only transformed

traditional retail but also created new opportunities for small and medium-sized enterprises (SMEs) to reach a global audience. Digital transactions enable seamless financial exchanges, reducing the need for physical stores and improving access to goods and services.

According to a report by Statista, global e-commerce sales are projected to surpass $6 trillion by 2024, driven by increased adoption of online shopping platforms and digital payment systems. This growth reflects the ongoing shift from physical retail to online commerce, which has been accelerated by the COVID-19 pandemic and the growing reliance on digital devices and internet connectivity.

3. The Impact of the Digital Economy on Businesses

The rise of the digital economy has had profound implications for both businesses and individuals. While it has created opportunities for innovation, growth, and efficiency, it has also introduced several challenges.

The digital economy fosters innovation by enabling businesses to create new products, services, and business models that were previously unimaginable. For example, subscription-based models (e.g., Netflix, Spotify) have transformed industries such as entertainment and media, providing consumers with access to content at a fraction of the cost of traditional models.

Similarly, the advent of blockchain technology has introduced decentralized systems that offer secure, transparent, and efficient ways to conduct transactions. Cryptocurrencies such as Bitcoin and Ethereum are reshaping the financial sector, challenging traditional banking systems, and providing new opportunities for investment and wealth creation.

5. Conclusion

The digital economy represents a profound shift in how business, commerce, and society operate. It offers unprecedented opportunities for innovation, efficiency, and growth, but it also poses challenges that require careful consideration. As digital technologies continue to evolve, businesses must adapt to new models, while

policymakers need to create regulations that foster a fair and sustainable digital landscape.

The digital economy has the potential to drive economic growth and improve quality of life, but it must be inclusive, secure, and environmentally responsible. As we move forward, it will be essential to ensure that the benefits of the digital economy are accessible to all and that the risks associated with it are effectively managed.

References:

1. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. (2014). The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company.

2. Choi, Y. (2022). "Impact of Artificial Intelligence on the Digital Economy." International Journal of Digital Innovation, 3(1), 5-12.

3. European Commission. (2018). "General Data Protection Regulation (GDPR)". Official Journal of the European Union.

© Abdyyeva M., Gurbanov A., Saparova N., 2026

УДК 33

Chommulova Mayagozel,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Akmyradov Azymberdi,
student
International University of Industrialists and Entrepreneurs
Ashgabat, Turkmenistan

MACROECONOMIC ARCHITECTURE AND EQUILIBRIUM DYNAMICS: ADVANCED QUANTITATIVE METHODS, MONETARY SYSTEMS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR CONTEMPORARY ECONOMIC SYSTEMS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, economic methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified financial analysts, macroeconomic researchers, and economic systems specialists (Greenlaw et al., 2022). As modern global markets, digital financial platforms, data-driven monetary systems, and international trade networks encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted forecasting modernization, and evolving cross-disciplinary economic requirements, the systematic study of economics demands a comprehensive integration of advanced microeconomic equilibrium theory, macroeconomic stabilization principles, and rigorous econometric modeling protocols. This study investigates how the harmonization of practical market analysis training, interactive virtual economic simulation software, and outcome-based pedagogy optimizes resource allocation and professional analytical adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical market mechanism principles and cutting-edge digital currency

innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes economic workforce readiness and sustainable financial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern economists to design resilient, highly effective technical market ecosystems.

Keywords:

economic theory, macroeconomic modeling, microeconomic equilibrium, financial systems, econometric analysis, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global financial sector, institutional banking networks, and digital commerce agencies requires a fundamental paradigm shift in how market analysts, policy advisors, and economic researchers are educated, trained, and prepared for dynamic commercial environments. Historically, economic practice relied heavily on static ledger calculations, traditional chalkboard equilibrium curves, and fragmented market drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated predictive analytics, real-time global trade tracking, and digital decentralized currency shifts of the twenty-first century (Greenlaw et al., 2022). Today, the widespread proliferation of cloud-based econometric software, artificial intelligence financial modeling assistants, virtual macroeconomic simulation platforms, and automated risk-assessment tools demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student economists and working financial professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical mathematical and psychological principles with real-world market execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern economic and financial training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, risk assessment awareness, and lifelong technical reflection habits. Economic professionals enter the

modern workforce equipped with core quantitative foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level market data, adapting to rapid regulatory policy updates, and collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams. Institutional support systems—such as university-based financial simulation labs, continuous professional econometric certification programs, and collaborative market research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on economic software operation and real-world portfolio management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise analytical proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global financial sector.

Main Part

At the core of educating modern economic specialists is the mastery of advanced econometric software, price equilibrium protocols, and task-specific competencies that maximize resource allocation efficiency while fostering strict financial safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core monetary velocity properties, inflation elasticity calculations, and regulatory banking compliance standards, enabling them to execute complex market evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future economic specialists are trained to utilize integrated virtual forecasting suites, automated market simulation systems, and real-time financial tracking database tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern financial professionals to navigate unexpected market shock updates, streamline fiscal resource logistics, and elevate the overall quality, safety, and quantitative reliability of their respective corporate and governmental practices.

Complementing technical and analytical training, the integration of critical macroeconomic thinking, collaborative risk assessment methodologies, and interdisciplinary teamwork represents an indispensable component of contemporary

economic education. Specialists in economic policy and market administration must learn to communicate effectively across diverse business and stakeholder groups, manage complex multi-year national budgets, and resolve fiscal and monetary conflicts within multidisciplinary financial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, regulatory compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that financial directors can manage high-pressure market environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young economic professionals bridge the gap between isolated theoretical models and integrated national development strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary economists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern analysts and financial administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international forecasting credentials and digital commerce standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding consumer privacy legislation, algorithmic trading ethics, and sustainable green finance principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and commercial enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level financial assistants into visionary economic leaders who drive sustainable societal market transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary economic specialists and financial educators is a vital strategic endeavor that directly influences national monetary stability, lifelong wealth generation, and global commercial research innovation. By combining robust quantitative and economic theory with hands-on market simulation training, collaborative skill development, and a commitment to

lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern fiscal and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable economic experts ensures that global financial ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated monetary policy formulation, blockchain-enabled transaction clearing systems, and changing global trade resilience standards will require ongoing refinement of higher education economics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital finance. As new generations of economic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the commercial and public financial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional economic talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Principles of Macroeconomics, Greenlaw, S.A., Shapiro, D., MacDonald, D., Houston: OpenStax, 2022.

2. Economics, Samuelson, P.A., Nordhaus, W.D., New York: McGraw-Hill Education, 2010.

3. Modern Economic Theory and Quantitative Pedagogies in Higher Practice, Atamyradov, B.S., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Macroeconomics, Blanchard, O., Boston: Pearson Education, 2020.

5. Principles of Economics, Mankiw, N. G., Boston: Cengage Learning, 2020.

© Chommulova M., Akmyradov A., 2026

УДК 33

Гараз А.В.

Магистрант 2 курса, ЮГУ,

г. Ханты-Мансийск, РФ

Научный руководитель: Ладыженская Т.П.,

кандидат экономических наук, доцент, ЮГУ

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ АО «ГК «СЕВЕРАВТОДОР»)

Аннотация

В статье на примере АО «ГК «Северавтодор» (ХМАО-Югра) рассматриваются управленческие механизмы обеспечения транспортной доступности в рамках нацпроектов. На основе анализа нормативных документов и данных закупок выявлена модель, сочетающая административное подчинение и корпоративные процедуры. Рассмотрены контрактные механизмы и специфика сезонных работ (автозимники, ледовые переправы). Предложены направления совершенствования модели.

Ключевые слова:

национальные проекты, управленческие механизмы, транспортная доступность, региональная государственная компания, проектное управление, автозимники, дорожная отрасль, ХМАО-Югра.

Введение

Актуальность исследования. В условиях реализации Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [8] управление национальными проектами на региональном уровне становится критически важным, но сталкивается с институциональными и

ресурсными ограничениями. Особое место в этом процессе занимают государственные компании, выступающие подрядчиками и операторами инфраструктурных проектов. АО «ГК «Северавтодор» - уникальный объект для изучения: создано в 2015 году путем преобразования государственного предприятия ХМАО-Югры в акционерное общество со 100% региональной собственностью [14,15]. Компания обеспечивает транспортную доступность одного из крупнейших нефтедобывающих регионов России и является крупнейшим подрядчиком дорожной отрасли ХМАО-Югры [7].

Транспортная доступность ХМАО-Югры критична для отдаленных населенных пунктов, особенно там, где нет круглогодичного сообщения [12]. Компания обслуживает значительную сеть дорог, включая автозимники и ледовые переправы, что определяет специфику управления в северных условиях [7,16]. Однако за формально высокими показателями остается неясным, как компания участвует в управлении нацпроектами, какие механизмы обеспечивают ее эффективность и где находятся слабые места управленческой модели.

Объект исследования - управленческие отношения, возникающие в процессе реализации национальных проектов на региональном уровне.

Предмет исследования - механизмы управления обеспечением транспортной доступности территорий в рамках нацпроектов (на примере АО «ГК «Северавтодор» в ХМАО-Югре).

Гипотеза исследования - эффективность реализации нацпроектов в дорожной отрасли северных территорий зависит от интеграции госкомпании-подрядчика в систему проектного управления и адаптации федеральных приоритетов к местным условиям. При этом действующая модель ограничена слабой координацией между уровнями власти и недостаточной гибкостью механизмов.

Цель исследования - на основе анализа практики участия АО «ГК «Северавтодор» в нацпроектах выявить особенности управленческих механизмов обеспечения транспортной доступности и разработать предложения по их совершенствованию.

Задачи исследования:

1. Раскрыть сущность управленческих механизмов реализации нацпроектов на региональном уровне.

2. Проанализировать организационно-правовые основы и институциональную среду участия АО «ГК «Северавтодор» в нацпроектах.

3. Проанализировать контрактные механизмы и сезонную специфику обеспечения транспортной доступности через деятельность компании.

4. Выявить управленческие проблемы и риски при реализации дорожных нацпроектов в северных условиях.

5. Разработать рекомендации по совершенствованию взаимодействия региональных властей и госкомпаний.

Новизна исследования:

- уточнение понятия «управленческие механизмы обеспечения транспортной доступности» применительно к региональным госкомпаниям;
- выявление специфики интеграции дорожной компании в систему проектного управления ХМАО-Югры (включая контрактные механизмы и государственные задания);
- обоснование институциональных ограничений, препятствующих достижению целевых показателей нацпроектов в северных регионах;
- предложение направлений оптимизации управленческого взаимодействия между органами власти и подведомственными компаниями.

Методологическая основа - системный и институциональный анализ, сравнительный и статистический методы, кейс-стади по АО «ГК «Северавтодор», нормативно-правовой анализ федерального и регионального законодательства [8,9,10].

Теоретическая значимость: работа расширяет представления о роли госкомпаний в управлении нацпроектами и уточняет содержание механизмов обеспечения транспортной доступности в северных регионах. Результаты

применимы в исследованиях по государственному управлению и региональной экономике.

Практическая значимость: результаты могут быть использованы региональными органами власти при совершенствовании механизмов управления нацпроектами, госкомпаниями - для оптимизации внутренних процессов, а также в образовательных курсах по государственному и муниципальному управлению.

1. Институциональная модель госкомпании в системе нацпроектов

Институциональная модель АО «ГК «Северавтодор» сочетает признаки государственного предприятия и акционерного общества. Создание компании осуществлялось в рамках способов приватизации, предусмотренных Федеральным законом от 21.12.2001 № 178-ФЗ [9]. Однако передачи имущества в частные руки не произошло: контроль над активом сохранил регион. Это позволяет рассматривать компанию не как результат приватизации, а как инструмент сохранения государственного участия в дорожной отрасли при смене организационно-правовой формы.

В 2016-2018 годах Правительство ХМАО-Югры неоднократно выставляло акции компании на аукцион, однако торги не состоялись [2]. Это подтверждает, что корпоративная конструкция была ориентирована на решение государственных задач и не представляла интереса для частных инвесторов.

Модель представляет собой сочетание административного подчинения и корпоративных процедур. Устав предусматривает трехзвенную структуру органов управления: общее собрание акционеров, совет директоров и единоличный исполнительный орган [15]. При единственном акционере (Департаменте по управлению государственным имуществом ХМАО-Югры) полномочия общего собрания реализуются через директивы, утверждаемые Правительством автономного округа [5].

Такая конструкция формирует двойственный управленческий контур. С одной стороны, компания включена в систему корпоративного управления со

стратегическим планированием, отчетностью и контролем [10]. С другой стороны, ключевые решения (распределение прибыли, избрание совета директоров, утверждение крупных сделок) принимаются административно через директивы [5]. По данным годовых отчетов за 2016, 2020 и 2021 годы [2,3,4], в этот период специализированные комитеты при совете директоров не формировались. Положение о совете директоров утвердили лишь в октябре 2020 года [3], а документ, регламентирующий вознаграждение его членов, так и не был принят [2,4]. Члены совета директоров работали безвозмездно, что соответствует корпоративной процедуре, но снижает их мотивацию.

Для механизмов реализации национальных проектов эта модель имеет преимущества и ограничения. Преимущество - высокая управляемость: региональные органы власти могут оперативно корректировать приоритеты компании через директивы и тем самым обеспечивать соответствие ее деятельности целям нацпроектов [5]. Ограничение - возможная инерционность решений: административный механизм не всегда соответствует динамике проектного управления, которое требует гибкости и скорости реакции.

2. Контрактные механизмы реализации нацпроектов

Государственные контракты - основной механизм, через который АО «ГК «Северавтодор» участвует в национальных проектах [1,13]. Открытые данные закупок позволяют оценить масштаб этого участия. Объем портфеля контрактов компании растет: по состоянию на май 2025 года он составлял 63 млрд рублей по 679 контрактам, а на 28 ноября 2025 года - 74 млрд рублей по 793 контрактам [1]. Рост связан как с увеличением объемов дорожного строительства в регионе по нацпроекту «Инфраструктура для жизни» [11], так и с расширением доли компании на региональном рынке дорожных работ.

Контракты сосредоточены преимущественно в дорожной отрасли, смежные направления единичны [1]. Показателен контракт июля 2025 года на ремонт дороги

«Юг» (Урай - Междуреченский - Куминский - граница ХМАО-Югры) на сумму более 2,29 млрд рублей [1].

Контрактный механизм выполняет две функции. Первая - фиксация обязательств сторон: объемов работ, сроков, стоимости [13]. Вторая - контроль исполнения: заказчик и контролирующие органы отслеживают ход выполнения контрактов [6,12].

Анализ контрактного механизма выявляет структурную особенность. Как было показано выше, компания одновременно является объектом управления, поскольку получает директивы от акционера, и субъектом исполнения, поскольку заключает контракты с государственным заказчиком [5,13]. Это создает конфликт ролей: административная подчиненность может влиять на конкурентные процедуры. Закупки формально проводятся через аукционы, однако конкуренция, по-видимому, ограничена: компания фактически безальтернативна как подрядчик благодаря своему положению и ресурсной базе [7], что снижает эффект конкурентного отбора [1].

3. Автозимники и ледовые переправы как фактор управления

Как уже отмечалось, специфика северных условий заключается в том, что значительная часть территории ХМАО-Югры иначе недоступна: зимник - не резервный вариант, а единственная связь с рядом населенных пунктов [12]. В отличие от южных и центральных регионов, где дороги работают круглый год, здесь сезонное сообщение определяет саму логику управления дорожной отраслью.

Отсюда иная логика планирования. Капитальный ремонт можно вести весь строительный сезон, а зимник нужно подготовить и ввести в строй в сжатые сроки - как правило, с декабря по март - апрель [16]. Это дает пиковую нагрузку на технику и людей и требует плотной координации с региональными властями [6].

Сезонный характер работ подтверждается контрактной практикой: в ноябре

2025 года компания получила четыре контракта на содержание зимников в ХМАО-Югре на общую сумму около 1 млрд рублей [1]. При этом АО «ГК «Северавтодор» оказалось единственным участником всех аукционов и подало заявки по начальной (максимальной) цене контрактов [1]. Такая практика отражает регулярный характер этих работ: содержание зимников - не разовая задача, а неотъемлемый элемент региональной системы жизнеобеспечения, обеспечивающий транспортную доступность в зимний период [12].

Автозимники представляют собой зону повышенного риска. Альтернативы им нет, но сроки открытия и работы зависят от погодных условий, которые не поддаются административному регулированию. Значит, механизм должен включать адаптивное планирование: резерв ресурсов, гибкие графики, оперативное реагирование на изменение условий [6].

4. Ограничения модели и направления ее совершенствования

Анализ практики выявляет четыре ключевых ограничения управленческой модели, каждому из которых соответствует направление развития.

1. Разрыв между корпоративной формой и административным управлением. Ключевые решения (распределение прибыли, участие в новых проектах) принимаются не внутри компании, а в региональных органах власти через директивы [5,10,15]. Внутреннее стратегическое планирование от этого слабеет, компания медленнее адаптируется к меняющимся условиям реализации нацпроектов. Направление решения - ребалансировка корпоративного управления: внести в устав положение о создании при совете директоров профильных комитетов - стратегического и аудиторского [10, 15]. Это позволит совету стать полноценным стратегическим органом, а не просто выполнять указания акционера.

2. Формальный характер корпоративных процедур. Положение о совете директоров появилось лишь в 2020 году [3], специализированные комитеты не

создавались [2,4]. Собственная экспертиза совета почти не задействована. Направление решения - внутреннее проектное управление. При значительном объеме контрактной работы действующая схема координации перегружена. Нужен проектный офис: координация обязательств, контроль сроков, управление рисками.

3. Зависимость от одного сектора. По ОКВЭД компания зарегистрирована и в производстве асфальта, и в разработке карьеров, и во вспомогательной транспортной деятельности [14], но контракты фактически сосредоточены в дорожной отрасли [1]. Отсюда прямая зависимость от финансирования нацпроекта «Инфраструктура для жизни» [11]: при пересмотре его приоритетов компания может столкнуться с сокращением портфеля заказов. Направление решения - диверсификация портфеля: развитие смежных направлений, где компетенции уже есть, - экологическое сопровождение дорожных проектов (рекультивация, лесовосстановление), цифровизация инфраструктуры (интеллектуальные транспортные системы).

4. Масштаб операций при ограниченном аппарате управления. Более 1,5 тыс. сотрудников обслуживают свыше 3,3 тыс. км дорог [7] и около 2,5 тыс. км зимников и ледовых переправ [16] через 8 филиалов и 25 дорожно-ремонтных пунктов [7]. Головной офис в Сургуте при таком масштабе немногочислен [7]. Направление решения - аналитическое обеспечение: решения должны опираться на внутренние расчеты - оценку эффективности контрактов, анализ рисков, прогноз ресурсов [1,13]. Для зимников это особенно важно, поскольку точность планирования напрямую влияет на результат [6,12].

Заключение

Исследование подтвердило гипотезу: эффективность реализации нацпроектов в дорожной отрасли северных территорий определяется интеграцией госкомпании-подрядчика в систему проектного управления и адаптацией

федеральных приоритетов к местным условиям. При этом действующая модель АО «ГК «Северавтодор» ограничена слабой координацией между уровнями власти и недостаточной гибкостью механизмов.

Анализ выявил двойственный характер управления: административное подчинение обеспечивает управляемость, но тормозит стратегическое планирование. Хотя закупки формально проходят через аукционы, реальной конкуренции на региональном рынке дорожных работ нет. Специфика зимников требует адаптивного планирования, не предусмотренного стандартными процедурами.

Выделены четыре ограничения: разрыв корпоративной формы и административного управления, формальность корпоративных процедур, зависимость от одного сектора и перегрузка управленческого аппарата. Предложены направления решения: комитеты при совете директоров, проектный офис, диверсификация портфеля и аналитическое обеспечение решений.

Результаты могут быть использованы региональными органами власти при корректировке механизмов управления нацпроектами, а также самими госкомпаниями для оптимизации внутренних процессов.

Список использованной литературы:

1. Бухгалтерская отчётность и финансовые показатели АО «ГК «Северавтодор» [Электронный ресурс] // Audit-it.ru. – Режим доступа: https://www.audit-it.ru/contragent/1158601001129_ao-gk-severavtodor, свободный. – (дата обращения: 10.09.2026).

2. Годовой отчёт АО «ГК «Северавтодор» за 2016 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/about/raskryitie-informaczii/gk-severavtodor.html, свободный. – (дата обращения: 10.09.2026).

3. Годовой отчёт АО «ГК «Северавтодор» за 2020 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/

about/raskryitie-informaczii/gk-severavtodor.html, свободный. – (дата обращения: 10.09.2026).

4. Годовой отчёт АО «ГК «Северавтодор» за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/ about/raskryitie-informaczii/gk-severavtodor.html, свободный. – (дата обращения: 10.09.2026).

5. О директиве Департаменту по управлению государственным имуществом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по вопросам повестки дня годового общего собрания акционеров акционерного общества «Государственная компания «Северавтодор»: распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 24.06.2022 № 376-рп [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов ХМАО — Югры. – Режим доступа: https://admhmao.ru/documents/pravovye-akty/npa/7634152/, свободный. – (дата обращения: 10.09.2026).

6. О дополнительном соглашении к Меморандуму о развитии автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального и местного значения от 17 ноября 2022 г. № ФДА-30/80: распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 08.05.2024 № 219-рп [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов ХМАО — Югры. – Режим доступа: https://admhmao.ru/ documents/pravovye-akty/npa/10167462/, свободный. – (дата обращения: 12.09.2026).

7. О компании [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/about/, свободный. – (дата обращения: 12.09.2026).

8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/ document/

0001202405070015, свободный. – (дата обращения: 12.09.2026).

9. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федер. закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 35155/ (дата обращения: 12.09.2026).

10. Об акционерных обществах: Федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 12.09.2026).

11. Паспорт национального проекта «Инфраструктура для жизни»: утв. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Рос. Федерации, 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: https://base.garant.ru/411792769/ (дата обращения: 12.09.2026).

12. Перечень автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения ХМАО — Югры (Приложение № 1 к Меморандуму о развитии автомобильных дорог) [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов ХМАО — Югры. – Режим доступа: https://admhmao.ru/documents/pravovye-akty/npa/10152791/, свободный. – (дата обращения: 12.09.2026).

13. Положение о закупке товаров, работ, услуг для нужд АО «ГК «Северавтодор»: утв. советом директоров, протокол № 4 от 17.08.2015 [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/zakupki/upravlenie-zakupochnoj-deyatelnostyu.html, свободный. – (дата обращения: 09.09.2026).

14. Сведения о юридическом лице АО «ГК «Северавтодор» (ИНН 8602257512) [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. Единый государственный реестр юридических лиц. – Режим доступа: https://egrul.nalog.ru/index.html, свободный. – (дата обращения: 09.09.2026).

15. Устав АО «ГК «Северавтодор»: утв. общим собранием акционеров [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/about/raskryitie-informaczii/gk-severavtodor.html, свободный. – (дата обращения: 09.09.2026).

16. 35 лет на дорогах Югры [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «ГК «Северавтодор». – Режим доступа: https://severavtodor.ru/press-czentr/news/35-let-na-dorogax-yugryi.html, свободный. – (дата обращения: 09.09.2026).

© Гараз А.В., 2026

УДК 657.1

Захаров И.В.

студент 2 курса СПбПУ,

г. Санкт-Петербург, РФ

Научный руководитель: Покровская Л.Л.,

Кандидат экономических наук, СПбПУ

г. Санкт-Петербург, РФ

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В СУЩЕСТВУЮЩИЕ БУХГАЛТЕРСКИЕ СИСТЕМЫ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕТ

Аннотация

В статье рассматривается отражение операций с цифровым рублем в бухгалтерском учете организаций и способы их адаптации с действующими учетными системами. В соответствие с нормативными документами и разъяснениями Минфина России автором описаны варианты учета, проводки и документооборот при операциях с цифровым рублем. Выявлены такие проблемы внедрения, как: ручной ввод операций, отсутствие автоматического обмена данными с платформой, неопределенный критерий существенности. По результатам проведенного исследования предложены конкретные меры, которые помогут снизить риски на начальной стадии внедрения цифрового рубля.

Ключевые слова:

цифровой рубль, бухгалтерский учет, учетная политика, 1С:Бухгалтерия, платформа цифрового рубля, первичные документы.

Введение

Цифровой рубль – это третья форма российской национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Правовую основу создали федеральные

законы от 24.07.2023 № 339-ФЗ и № 340-ФЗ [7; 8]. Платформу цифрового рубля ведет Банк России, а правила ее работы закреплены в Положении № 820-П [10]. Для бухгалтерского учета Минфин России считает цифровой рубль видом безналичных денежных средств [2, п. 1].

Тема актуальна, потому что Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ обязал продавцов поэтапно принимать цифровые рубли [6]. С 1 сентября 2026 г. это требование действует для продавцов, у которых выручка за 2025 г. превысила 120 млн руб. и на 1 января 2026 г. был договор о приеме электронных средств платежа с системно значимой кредитной организацией или банком, значимым на рынке платежных услуг. С 1 сентября 2027 г. требование распространяется на продавцов с выручкой свыше 30 млн руб., а с 1 сентября 2028 г. – на остальных; торговые точки с выручкой менее 5 млн руб. освобождены [13]. Поэтому бухгалтерам уже сейчас нужно понимать, как учитывать такие операции.

Изучение источников показало, что научные работы о цифровом рубле чаще всего посвящены правовым вопросам и финансовому контролю [4]. Вопросы учета разбираются в основном в разъяснениях Минфина России, статьях профессиональных изданий и описаниях обновлений программ [1–3; 12]. Получается, что между нормами закона и повседневной работой бухгалтера есть разрыв, и он связан прежде всего с организацией работы и техническими возможностями программ.

Цель работы – выяснить, какие практические вопросы и трудности возникают при внедрении цифрового рубля в действующие бухгалтерские системы, и предложить способы их решения. Задачи: описать способы отражения цифрового рубля в учете; рассмотреть документооборот и возможности учетных программ; выделить основные проблемы внедрения. В работе использованы анализ и сравнение нормативных документов, систематизация данных, построение схемы документооборота и обработка вторичных данных из открытых описаний обновлений программ.

Результаты и обсуждение

Организации, которые не являются кредитными и некредитными финансовыми организациями и не относятся к бюджетной сфере, учитывают цифровой рубль по общим правилам учета денег и расчетов. Эти правила установлены Законом № 402-ФЗ, федеральными стандартами и положениями по бухгалтерскому учету, а также Планом счетов [2, п. 1; 5; 11]. Счет цифрового рубля открывается на платформе и является отдельным видом банковского счета, поэтому Минфин России предложил три варианта его отражения в учете (табл. 1) [2, п. 2].

Таблица 1

Варианты синтетического учета счета цифрового рубля

Вариант учета	Условия применения	Особенности
Синтетический счет 53 «Счет цифрового рубля»	Остатки и операции существенны, операции регулярны	Счет вводится в рабочий план счетов; аналитика ведется, например, по направлениям использования
Субсчет «Счет цифрового рубля» к счету 55 «Специальные счета в банках»	Остатки и операции несущественны	Используется счет, уже предусмотренный Планом счетов
Отдельный аналитический счет к счету 51 «Расчетные счета»	Организации, которые вправе применять упрощенные способы учета	Новый синтетический счет не вводится

Источник: составлено автором по [2, п. 2]

Выбор варианта организация делает сама, а числового критерия существенности в информационном сообщении нет. Поэтому, по мнению автора, выбранный способ, критерий существенности и состав аналитики стоит прописать в учетной политике. Поступление цифровых рублей отражается по дебету счета, а их перевод (списание) – по кредиту. Записи делают на основании информации, которую организации передает Банк России через участника платформы [2, п. 3–4; 3]. Остаток нужно инвентаризировать, а в отчетности он показывается по общим

правилам с учетом существенности [2, п. 6–7]. Типовые проводки приведены в таблице 2.

Таблица 2

Корреспонденция счетов по операциям с цифровым рублем

Содержание операции	Дебет	Кредит
Перевод средств с расчетного счета на счет цифрового рубля	53	51
Поступление оплаты проданных товаров, работ, услуг	53	62
Оплата приобретаемых товаров, работ, услуг	60	53
Уплата налогов и сборов	68, 69	53
Расчеты с персоналом	70, 73	53
Оплата услуг оператора платформы	91	53

Источник: составлено автором по [2, п. 5]

Для налогов форма расчета значения не имеет: доходы и расходы признаются по общим правилам [1]. Значит, особенность цифрового рубля не в правилах признания хозяйственных операций, а в том, как бухгалтер получает первичную информацию и вносит ее в учетную систему.

Возможности учетных систем и документооборот

В программе «1С:Бухгалтерия 8» начиная с версии 3.0.148 в план счетов добавлен счет 53 «Счет цифрового рубля». Использовать цифровые рубли в расчетах с контрагентами можно при условии, что банковская выписка вводится вручную [12]. Документы по поступлению и списанию тоже вводятся вручную. В них недоступны операции по кредитам, займам и депозитам, с наличными и иностранной валютой, а также оплата по платежным картам: это связано с ограничениями закона и правил платформы [12]. По описанию специалистов, на сентябрь 2026 г. автоматического обмена с платформой через сервис «1С:ДиректБанк» не было. Операции вносят загрузкой выписки или вручную, а основанием для проводки служит не выписка банка, а извещение платформы [1]. Как движется информация, показано на рисунке 1.

Рисунок 1 – Движение информации при отражении операции с цифровым рублем

Источник: разработано автором по [1; 2, п. 4]

При приеме платежей от граждан основная техническая работа приходится на кассу и банк. Закон № 248-ФЗ ввел понятие универсального платежного кода, по которому физические лица переводят цифровые рубли организациям [6]. В учетной системе эта операция видна как поступление оплаты. Влияет и стоимость операций: по данным [1; 13], до 31 декабря 2026 г. они бесплатны, а с 2027 г. вводятся тарифы, и по обзору [13] они составят до 0,3 %. Плата за услуги оператора платформы отражается по дебету счета 91 [2, п. 5].

Проблемы внедрения и организационные меры

Можно выделить четыре группы проблем. Методологическая: порядок учета закреплен информационным сообщением, которое допускает несколько вариантов и не определяет критерий существенности, из-за чего отчетность разных организаций труднее сравнивать. Технологическая: операции вводят вручную, сквозной автоматизации нет, поэтому растет трудоемкость и риск ошибок при сверке с платформой. Организационная: нужен порядок получения извещений платформы и их хранения вместе с первичными документами. Кадровая: сотрудников надо обучить работе с новым видом счета.

На основе анализа автор предлагает такие меры. Во-первых, записать в учетную политику счет учета, критерий существенности и аналитику по кошелькам и направлениям использования средств. Во-вторых, утвердить регламент получения, проверки и хранения извещений платформы и назначить ответственных. В-третьих, регулярно сверять остаток в учетной системе с данными платформы в рамках инвентаризации [2, п. 6]. В-четвертых, заранее запланировать переход с ручного ввода на автоматический, когда он появится в обновлениях программ, чтобы ручной ввод не остался постоянным решением.

Заключительные положения и выводы

Исследование показало, что цифровой рубль не меняет основных принципов бухгалтерского учета: он отражается как вид безналичных денежных средств по общим правилам, а Минфин России допускает три способа выделить его в плане счетов. Главная сложность находится в практике: программы уже поддерживают счет 53, но операции вносятся вручную, а полноценного автоматического обмена с платформой, по доступным данным, нет.

Автором предложено закрепить способ учета в учетной политике, ввести регламент работы с извещениями, регулярно сверять остатки и планировать переход на автоматический обмен. Это поможет снизить риски в первые годы применения нового вида денег. Результаты могут быть полезны бухгалтерским службам организаций, которые обязаны принимать цифровой рубль.

В дальнейшем можно оценить трудозатраты и ошибки учета на практических данных после того, как к цифровому рублю подключится больше организаций.

Список использованной литературы:

1. Брыкин И. Интеграция 1С с цифровым рублем: что уже работает, чего ждать и как подготовить учет // Инфостарт. 2026. 9 сент. URL: https://infostart.ru/1c/articles/2784311/.

2. Бухгалтерский учет операций с цифровым рублем: информ. сообщение Минфина России от 18.09.2023 № ИС-учет-47 // Новое в бухгалтерском законодательстве:

факты и комментарии. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 457321/.

3. Бухучет операций с цифровым рублем: разъяснения Минфина России // ГАРАНТ.РУ. 2023. 19 сент. URL: https://www.garant.ru/news/1648018/.

4. Питиримова А.О., Сироткина К.Д. Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля // Вопросы российской юстиции. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-kak-instrument-obespecheniya-finansovogo-kontrolya.

5. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Приказ Министерства финансов РФ от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Самое новое в «1С:Бухгалтерии 8»: цифровой рубль // Бухгалтерия.ру. URL:

https://buh.ru/news/samoe-novoe-v-1s-bukhgalterii-8-tsifrovoy-rubl-.html.

13. Цифровой рубль с 1 сентября 2026: кто обязан принимать и новые тарифы // Контур.Экстерн. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/87667-cifrovoj_rubl (дата обращения: 03.10.2026).

© Захаров И.В., 2026

УДК 336.74

Индура М.И.
бакалавр
СПбПУ,
г. Санкт-Петербург, РФ
Научный руководитель: Покровская Л.Л.
доцент, кандидат экономических наук СПбПУ
г. Санкт-Петербург, РФ

БУХГАЛТЕСКИЙ УЧЕТ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ

Аннотация

В статье рассматривается бухгалтерский учет операций организации с цифровыми рублями как основа контроля денежных потоков. Показано, как операции отражаются двойной записью, какие счета и аналитические признаки могут использоваться, а также как бухгалтерские данные помогают контролировать поступления, платежи и остаток цифровых рублей.

Ключевые слова:

цифровой рубль, бухгалтерский учет, денежные потоки,
двойная запись, аналитический учет.

Управление денежными потоками организации невозможно без достоверной информации о поступлениях, платежах и остатках денежных средств. Поэтому при появлении нового способа расчетов важно определить его место в бухгалтерском учете. Для цифрового рубля основой такого учета остаются действующие принципы: документирование операции, двойная запись, использование бухгалтерских счетов и аналитического учета [1]. Цель статьи – показать порядок

отражения операций с цифровыми рублями и возможности использования учетных данных для текущего контроля денежных потоков. В работе применяются анализ нормативных положений, сравнение и систематизация бухгалтерских операций.

1. Организация бухгалтерского учета цифровых рублей

Минфин России в информационном сообщении от 18.09.2023 № ИС-учет-47 указал варианты отражения операций с цифровым рублем [2]. Организация может открыть отдельный синтетический счет, например 53 «Счет цифрового рубля», использовать отдельный субсчет к счету 55 «Специальные счета в банках» либо, при применении упрощенного учета, вести операции на счете 51 с необходимой аналитикой. Конкретный вариант закрепляется в учетной политике [3].

При выборе способа учета необходимо обеспечить раздельное получение информации о цифровых рублях. В аналитике целесообразно отражать дату операции, контрагента, договор, сумму, назначение платежа и направление движения средств. Это позволяет сопоставлять бухгалтерскую запись с первичным документом и фактическим остатком.

Логика двойной записи сохраняется: дебет показывает увеличение средств на счете цифрового рубля, кредит – их уменьшение. Перевод средств между расчетным и цифровым счетами не образует доход или расход, поскольку меняется форма учета денежных средств. Для контроля движения применяется зависимость:

$$Ок = Он + П - В,$$ где:

Ок – конечный остаток;

Он – начальный остаток;

П – поступления;

В – выбытия.

Например, при начальном остатке 400 тыс. руб., поступлениях 900 тыс. руб. и выбытии 750 тыс. руб. конечный остаток составит 550 тыс. руб.

2. Типовые бухгалтерские проводки

Бухгалтерская проводка показывает, какие счета участвуют в операции и в каком направлении изменяются их остатки. Для цифрового рубля важны прежде

всего операции перевода средств, получения оплаты и расчетов с поставщиками и бюджетом.

Например, если организация перечислила на цифровой счет 300 тыс. руб., отражается Дт 53 Кт 51. Если затем поставщику перечислено 180 тыс. руб., применяется Дт 60 Кт 53. При начальном остатке 200 тыс. руб. и поступлении от покупателя 500 тыс. руб. после платежа поставщику остаток равен: 200 + 500 − 180 = 520 тыс. руб. Расчет показывает связь между хозяйственными операциями и изменением учетного остатка.

Типовые проводки представлены в таблице 1:

Таблица 1

Основные бухгалтерские проводки по операциям с цифровыми рублями

Операция	Дебет	Кредит	Содержание
Перевод с расчетного счета	53	51	Увеличение цифрового остатка
Возврат на расчетный счет	51	53	Уменьшение цифрового остатка
Оплата покупателя	53	62	Погашение дебиторской задолженности
Оплата поставщику	60	53	Погашение кредиторской задолженности
Уплата налога	68	53	Погашение обязательства перед бюджетом

3. Аналитический учет и контроль

Синтетического счета недостаточно, если организации необходимо установить источник каждой операции. Поэтому движение цифровых рублей следует детализировать по первичным документам, контрагентам и договорам. ФСБУ 27/2021 устанавливает требования к документам и документообороту в бухгалтерском учете, в том числе при электронном оформлении [4].

Аналитический реестр показан в таблице 2.

Контроль можно представить как последовательность: операция → первичный документ → бухгалтерский счет → проводка → аналитика → сверка

остатка. Если данные регистра и счета не совпадают, необходимо установить причину расхождения: ошибка в документе, проводке, сумме или аналитическом признаке. Такой порядок снижает риск некорректного отражения денежных операций.

Таблица 2

Пример аналитического регистра движения цифровых рублей

Дата	Документ	Операция	Сумма, тыс. руб.	Дт	Кт	Контроль
01.09	Платежное распоряжение	Перевод на цифровой счет	300	53	51	Сверено
05.09	Счет/договор	Оплата поставщику	180	60	53	Сверено
10.09	Документ об оплате	Поступление от покупателя	500	53	62	Сверено

4. Данные бухгалтерского учета для контроля денежных потоков

После отражения операций бухгалтерские данные можно использовать для текущего контроля платежей. Рассмотрим условный пример: на цифровом счете имеется 600 тыс. руб., а планируемые выплаты составляют 900 тыс. руб. Дополнительная потребность определяется расчетом:

Д = Вп − Од = 900 − 600 = 300 тыс. руб., где

Д – дополнительная потребность в денежных средствах;

Вп – планируемые выплаты;

Од – доступный остаток.

Полученная величина показывает, что имеющегося остатка недостаточно для покрытия всех запланированных платежей. Бухгалтерская информация в данном случае используется как исходная база для контроля сроков и очередности расчетов.

Для практической работы удобно группировать операции по направлениям: поступления от покупателей, платежи поставщикам, налоги и иные обязательства. В результате формируется последовательная модель контроля: «операция –

документ – счет – проводка – аналитика – сверка – остаток». Она связывает бухгалтерский учет с текущим управлением денежными потоками, не подменяя бухгалтерский учет отчетностью.

Учет операций с цифровыми рублями строится на действующих принципах бухгалтерского учета. Организация выбирает способ отражения операций через отдельный счет, субсчет или необходимую аналитику и закрепляет его в учетной политике. Основными элементами остаются первичный документ, бухгалтерский счет, двойная запись и аналитическая детализация [5].

Практическое значение такого учета состоит в том, что каждая операция получает документированное и проверяемое отражение. Проводки позволяют определить изменение денежных средств, аналитический учет – установить содержание и участников операции, а сверка – выявить расхождения. Поэтому бухгалтерские данные могут использоваться для контроля поступлений, платежей и достаточности остатка цифровых рублей [6].

Список использованной литературы:

1.Островская О.Л., Покровская Л.Л., Осипов М.А./ Карпова Т.П. Бухгалтерский финансовый учет: учебник и практикум для прикладного бакалавриата (3-е издание дополненное, переизданное) — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 394 с**.**

2. Минфин России. Информационное сообщение от 18.09.2023 № ИС-учет-47 «Бухгалтерский учет операций с цифровым рублем».

3. Приказ Минфина России от 31.10.2000 № 94н. План счетов бухгалтерского учета и Инструкция по его применению.

4. Приказ Минфина России от 16.04.2021 № 62н. ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учете».

5. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете».

6. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

© Индура М.И., 2026

УДК 336.74

Крылов М.Д.,

бакалавр

СПбПУ, г. Санкт-Петербург, РФ

Научный руководитель: Покровская Л.Л.,

доцент, кандидат экономических наук

СПбПУ, г. Санкт-Петербург, РФ

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ – РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ В РАСЧЁТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА?

Аннотация

С 1 сентября 2026 года в России действует обязательный приём цифрового рубля крупными торговыми организациями. Цель статьи –оценить, меняет ли третья форма национальной валюты расчёты экономического субъекта революционно или только продолжает уже начатую банками цифровизацию платежей. На модельном предприятии рассчитаны экономия на комиссиях при разных сценариях замещения карт и СБП, а также эффект программируемых B2B-расчётов на оборотный капитал. Показано, что выигрыш в рознице умеренный и сравним с преимуществом, которое уже дала СБП, тогда как потенциал программируемых расчётов пока не реализован и зависит от запуска платформы коммерческих смарт-контрактов.

Ключевые слова:

цифровой рубль, безналичные расчёты, тарифы платформы,

смарт-контракты, оборотный капитал.

Введение

1 сентября 2026 года в России стартовал обязательный этап внедрения

цифрового рубля: крупнейшие банки и их клиенты – торговые организации с выручкой свыше 120 млн рублей в год – должны обеспечить приём третьей формы национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами [2; 12]. За первые три недели работы платформы открыто около 200 тысяч счетов, к системе подключены 36 банков [7]. Масштаб запуска ставит вопрос, который редко задают прямо: меняет ли цифровой рубль сам характер расчётов организации или добавляет ещё один способ платежа рядом с уже привычными картой и Системой быстрых платежей.

В экономических источниках цифровой рубль чаще рассматривают со стороны государства – как инструмент финансового контроля [11], реже – со стороны бизнеса, для которого он прежде всего статья расходов и операционная задача. Кононкова, Колесов и Коротеева показывают, что платформа даёт государству новые возможности прослеживать целевые расходы [9], но какую цену за это платит сама организация, остаётся за скобками большинства работ.

Цель исследования – оценить экономический эффект перехода на расчёты цифровым рублём для организации-плательщика: как в рознице, так и во взаимоотношениях с контрагентами. Автором поставлены следующие задачи: рассмотреть условия обязательности и тарифы платформы; построить модель экономии на комиссиях с учётом альтернативных способов приёма платежей; оценить потенциал программируемых B2B-расчётов через эффект на оборотный капитал; сформулировать ограничения перехода. Метод – сравнительный анализ нормативной базы и расчётное моделирование на условном предприятии с последующим анализом чувствительности. Гипотеза: для розничных платежей цифровой рубль – эволюционное продолжение курса на безналичность, а революционный эффект возможен только в сегменте программируемых расчётов между организациями, и то при условии, что платформа коммерческих смарт-контрактов будет запущена.

Условия перехода на расчеты цифровым рублём

Правовая основа введена Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ, который закрепил статус цифрового рубля и функции Банка России как оператора платформы [13]. Сроки и пороги обязательного подключения установил более поздний Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ [12]: крупнейшие банки и их клиенты с выручкой свыше 120 млн рублей подключаются с 1 сентября 2026 года, банки с универсальной лицензией и их клиенты с выручкой свыше 30 млн рублей – с 1 сентября 2027 года, остальные участники рынка – с 1 сентября 2028 года. Точки с выручкой менее 5 млн рублей в год от обязанности освобождены.

До конца 2026 года операции бизнеса с цифровым рублём проходят без комиссии – это льготный период, установленный Советом директоров Банка России [3]. С 2027 года начинает действовать постоянный тариф: 0,3% от суммы платежа, но не более 1 500 рублей за операцию, 0,2% для поставщиков жилищно-коммунальных услуг и 15 рублей за перевод между юридическими лицами [4]. Платежи граждан остаются бесплатными всегда.

Чтобы понять место цифрового рубля среди уже существующих способов расчётов, полезно сопоставить их по нескольким параметрам (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение способов приёма безналичных платежей организацией

(*разработано автором)*

Параметр	Эквайринг (карта)	СБП	Цифровой рубль
Тариф для бизнеса	0,7–2,5% (до 3,7% с НДС) [10]	0,2–0,7% [10]	0,3%, максимум 1 500 ₽; 0% до конца 2026 г. [3; 4]
Скорость зачисления	1–3 рабочих дня, реже мгновенно	мгновенно, 24/7	мгновенно, 24/7
Наличие терминала	да	нет, QR-код	нет, QR-код / реквизиты счёта
Возврат покупателю	комиссия банка	обычно без комиссии	без комиссии
Программируемость	нет	нет	да, через смарт-контракты

Из таблицы видно, что по стоимости и скорости цифровой рубль почти повторяет СБП, а не превосходит её принципиально. Разница между 0,3% цифрового рубля и 0,2–0,7% СБП умещается в пределах одного процентного пункта, тогда как разрыв с эквайрингом (0,7–2,5%) заметно больше. Отсюда первый частный вывод: там, где организация уже приняла СБП, цифровой рубль не даёт качественного скачка в издержках приёма платежей – только постепенное дополнение к тому, что уже работает. Отличает цифровой рубль от обоих аналогов единственный параметр – программируемость, и именно на нём стоит сосредоточить анализ потенциальной «революционности».

Экономический эффект для организации: модель и расчёт

Рассмотрим пример расчета экономии на комиссионных сборах за приём розничных платежей.

Предположим, что организация заменяет часть платежей картой или через СБП на платежи цифровым рублём. Тогда, годовая экономия на комиссионных сборах:

$$Э = S \cdot w \cdot (tз - tцр), \text{ где:} \quad (1)$$

S – годовой безналичный розничный оборот организации, руб.;

w – доля цифрового рубля в структуре платежей после перехода;

tз – тариф замещаемого способа (эквайринг или СБП); tцр = 0,003 – тариф платформы цифрового рубля с 2027 года.

Срок окупаемости разовых затрат на подключение (доработка кассового ПО, обучение персонала):

$$Т = I / Э, \text{ где:} \quad (2)$$

I – разовые затраты на подключение, руб.

Для расчёта взято модельное предприятие розничной торговли с годовым безналичным оборотом S = 240 млн рублей – величина выбрана так, чтобы предприятие попадало под обязательность первого этапа (свыше 120 млн рублей). Это допущение, а не данные конкретной компании. Тариф эквайринга принят на уровне 1,5% (среднее по рыночным предложениям 0,7–2,5% [10]), тариф СБП – 0,5%

(середина диапазона 0,2–0,7%). Расчёт выполнен для доли замещения w от 5 до 30% – от осторожного пилота до заметной части оборота.

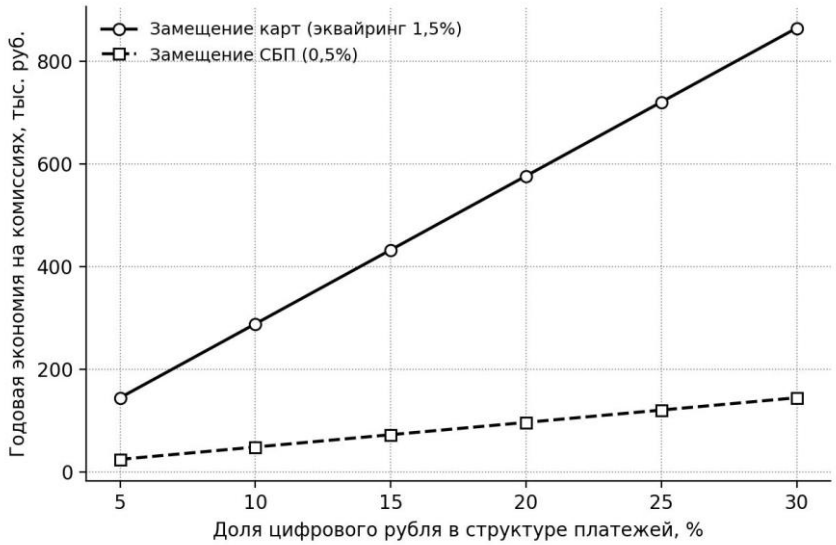


Рисунок 1 – Годовая экономия на комиссиях в зависимости от доли цифрового рубля в структуре платежей (разработано автором)

Разброс результатов велик: при замещении карт экономия растёт от 144 тыс. рублей в год при w = 5% до 864 тыс. при w = 30%, при замещении СБП – от 24 до 144 тыс. рублей, то есть в шесть раз меньше при любом значении w. Наклон верхней линии на рисунке 1 в шесть раз круче нижней – это прямое следствие того, что разница тарифов (1,5% − 0,3% против 0,5% − 0,3%) отличается ровно в шесть раз (таблица 2):

Таблица 2

Срок окупаемости подключения при I = 250 000 руб., мес. (разработано автором)

w	Замещение карт	Замещение СБП
5%	20,8	125,0
10%	10,4	62,5
15%	6,9	41,7
20%	5,2	31,2
25%	4,2	25,0
30%	3,5	20,8

Здесь I = 250 тыс. рублей – гипотетическая оценка: рыночных данных о стоимости доработки кассового ПО под цифровой рубль пока нет, технология слишком новая. При таком допущении подключение окупается меньше чем за год только если у организации уже есть значительная доля покупателей, готовых расплачиваться картой, а не через СБП, и удаётся перевести на цифровой рубль не менее 15–20% таких платежей. Если организация замещает преимущественно уже дешёвую СБП, окупаемость растягивается на годы и теряет экономический смысл – в этом случае целесообразность подключения определяется не экономией, а самой обязательностью закона.

Программируемые расчёты между юридическими лицами

Второй источник эффекта – не тарифы, а скорость оборота средств. Смарт-контракты на платформе цифрового рубля позволяют автоматически переводить оплату при наступлении заданного события – например, подписания акта приёмки, – минуя ручную обработку счетов и типичную для B2B отсрочку платежа. Банк России развивает это направление: летом 2026 года опубликована концепция платформы коммерческих смарт-контрактов, которая должна дать участникам рынка возможность создавать собственные сценарии автоматизации сделок, а не пользоваться только теми, что предлагает сам регулятор [5]. Обсуждение концепции продлится до 30 сентября 2026 года, то есть на момент написания статьи платформа существует как проект, а не как работающий сервис для бизнеса.

Эффект ускорения цикла оплаты на высвобожденный оборотный капитал:

$$\Delta ОК = (SB2B / 365) \cdot \Delta d \quad (3)$$

Выгода от высвобожденных средств за счёт их альтернативного использования:

$$В = \Delta ОК \cdot r, \text{ где:} \quad (4)$$

SB2B – годовой оборот расчётов организации с контрагентами (поставщиками или покупателями), руб.;

Δd – сокращение цикла оплаты, дней; r – стоимость капитала, в расчёте

принята равной ключевой ставке Банка России на 11.09.2026 – 14% годовых [1].

Для модельного предприятия с оборотом B2B-расчётов SB2B = 60 млн рублей в год сокращение цикла оплаты на 5 дней высвобождает около 822 тыс. рублей оборотного капитала, что при ставке 14% даёт выгоду порядка 115 тыс. рублей в год; при сокращении на 15 дней – 2,47 млн рублей высвобожденного капитала и 345 тыс. рублей годовой выгоды. Эти цифры для отдельного предприятия среднего размера соизмеримы с экономией на комиссиях из раздела 2.1, а при более длинном цикле расчётов (что типично для строительства или поставок с длительной отсрочкой) могут её и превзойти. Именно здесь, а не в рознице, заключён потенциал качественного, а не количественного изменения расчётов – но он остаётся нереализованным до тех пор, пока платформа коммерческих смарт-контрактов не заработает для внешних участников.

Ограничения при переходе на новую форму рубля

Полученные оценки не учитывают нескольких практических барьеров. Во-первых, интеграция с кассовым программным обеспечением и учётными системами организации пока не стандартизована – каждый банк и каждый разработчик кассового ПО предлагает собственное решение, что увеличивает и стоимость, и сроки подключения сверх заложенных в модели 250 тыс. рублей. Во-вторых, операции с цифровым рублём безотзывны на уровне платформы: ошибочный перевод нельзя отменить в одностороннем порядке, что требует более строгого контроля реквизитов на стороне бухгалтерии, чем при работе с банковским счётом. В-третьих, поскольку цифровой рубль не приносит процентного дохода и не может быть выдан банком в кредит, чрезмерная доля средств организации на счёте цифрового рубля снижает эффективность управления ликвидностью – размещать там стоит только операционный остаток, а не резервы.

Заключительные положения и выводы

Приведенные расчёты подтверждают гипотезу лишь частично. В рознице цифровой рубль экономит на комиссиях меньше, чем можно было ожидать от

«революции»: выигрыш относительно эквайринга заметен, но относительно уже существующей СБП – минимален, а иногда экономически не оправдывает затрат на подключение. Для организации, которая уже принимает оплату через СБП, переход на цифровой рубль в 2026–2027 годах – это скорее исполнение обязанности, установленной законом [12], чем инструмент снижения издержек. Революционным по своему потенциалу выглядит другое направление – программируемые B2B-расчёты, где эффект на оборотный капитал у предприятий с длинным циклом взаиморасчётов способен превзойти экономию на комиссиях. Но этот потенциал остаётся нереализованным: платформа коммерческих смарт-контрактов на конец сентября 2026 года существует как концепция для обсуждения, а не как работающий сервис [5].

Ограничение исследования объясняется использованием модельных, а не отчётных данных конкретного предприятия, а также отсутствие рыночной статистики по стоимости интеграции кассового ПО с платформой цифрового рубля: этот параметр в расчёте задан гипотетически и нуждается в уточнении по мере накопления практики подключений. Организациям, планирующим переход, разумно оценивать эффект не по эффекту от розничных платежей, а по перспективе использования программируемых расчётов с ключевыми контрагентами – именно там, если платформа коммерческих смарт-контрактов заработает в заявленные сроки, заключён основной потенциал изменения расчётов, а не в замене одного QR-кода на кассе другим.

Список использованной литературы:

1. Банк России. Ключевая ставка Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 24.09.2026).

2. Банк России. Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=25772 (дата обращения: 24.09.2026).

3. Банк России. О продлении льготного периода на платформе цифрового рубля

(тарифы на услуги, размеры вознаграждений): решение Совета директоров Банка России от 21.11.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/rbr/ dir_decisions/ rsd_2025-11-21_45_01 (дата обращения: 24.09.2026).

4. Банк России. Об определении тарифов на услуги оператора платформы цифрового рубля и размера вознаграждения, выплачиваемого оператором платформы цифрового рубля участникам платформы цифрового рубля: решение Совета директоров Банка России от 28.08.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414732671/ (дата обращения: 24.09.2026).

5. Банк России. Платформа коммерческих смарт-контрактов в цифровых рублях: концепция Банка России. – М., 2026 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/193705/commercial_smart_contract_platform.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

6. Банк России. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. – М., 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/ file/177415/ digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

7. Ведомости. Набиуллина: запуск цифрового рубля прошел по плану [Электронный ресурс]. – 2026. – 23 сент. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/ news/2026/09/ 23/1231210-zapusk-tsifrovogo-rublya (дата обращения: 24.09.2026).

8. Интерфакс. Количество счетов цифрового рубля с начала сентября выросло на 87 тысяч [Электронный ресурс]. – 2026. – 11 сент. URL: https://www.interfax.ru/ business/1115557 (дата обращения: 24.09.2026).

9. Кононкова Н.П., Колесов Д.В., Коротеева М.А. Цифровой рубль как инновационный инструмент государственного финансового контроля: теоретический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 109. – С. 33–44.

10. Национальная система платежных карт. СБП или эквайринг – что выгоднее для малого бизнеса в 2026 году [Электронный ресурс]. URL: https://sbp.nspk.ru/ blog/

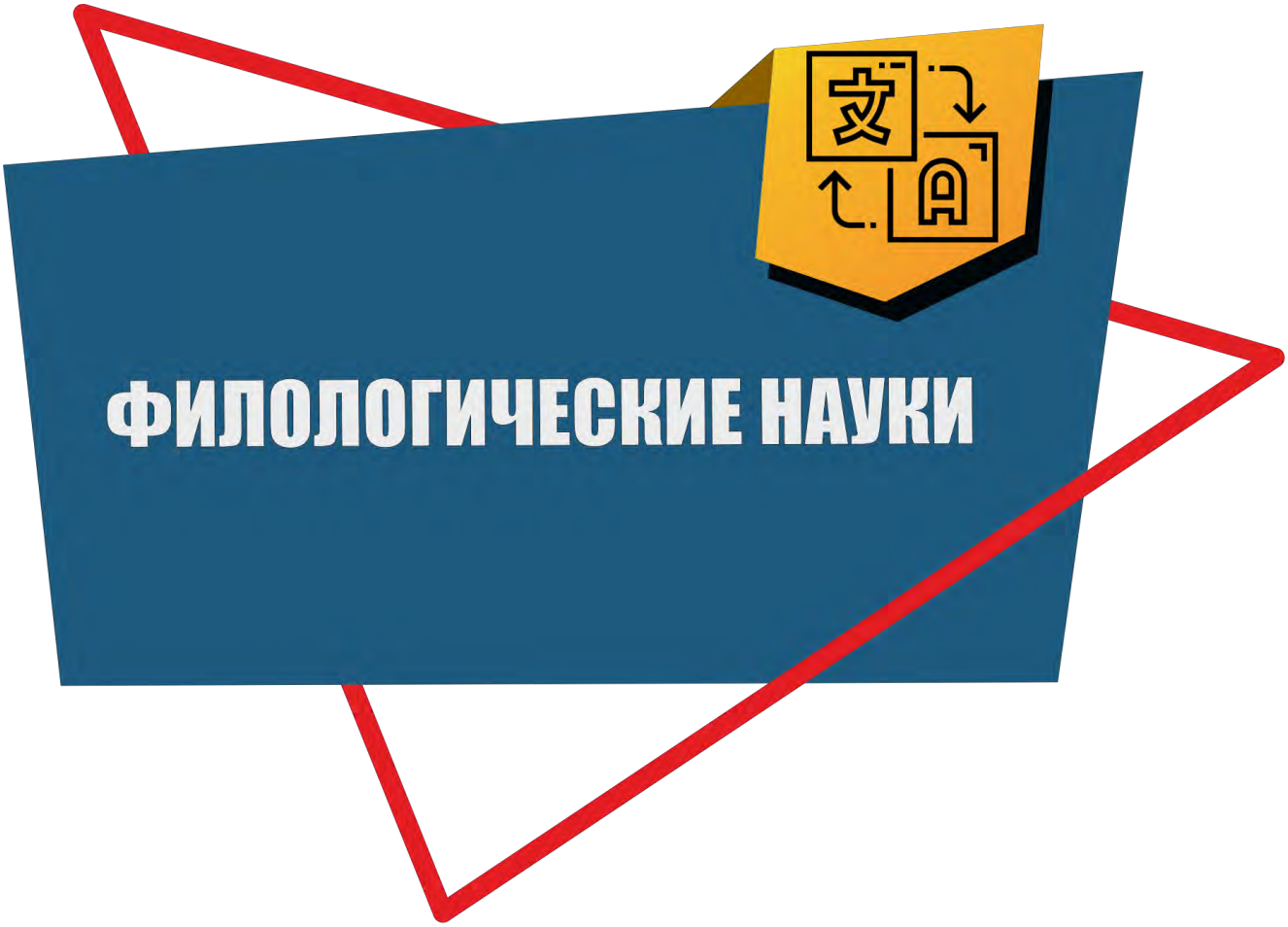
sbp-ili-ekvairing-cto-vygodnee-dlia-malogo-biznesa (дата обращения: 24.09.2026).

11. Питиримова А.О., Сироткина К.Д. Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 546–552.

12. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

13. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

© Крылов М.Д., 2026


ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 8

Atayeva Sahra,
Head of the Department of Near Eastern languages
Ashyrova Uzukjemal,
lecturer of the Department of Near Eastern languages
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS: STRUCTURAL TYPOLOGIES, SEMANTIC EQUIVALENCES, AND USAGE CHARACTERISTICS IN ARABIC AND HINDI LANGUAGES

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, comparative typologies, and pedagogical methodologies essential for understanding the usage characteristics of phraseological units in the Arabic and Hindi languages. As modern comparative linguistics, cross-cultural lexicography, and oriental philology encounter rapid digital corpus modernization, automated translation mapping, and evolving global linguistic standards, the systematic study of idiomatic expressions demands a comprehensive integration of morphosyntactic structure analysis, semantic equivalence evaluation, and cultural-cognitive mapping principles. This study investigates how the harmonization of experiential contrastive linguistic training, interactive virtual corpus navigation software, and competency-based pedagogy optimizes idiomatic mastery and professional translational adaptability. By analyzing the dynamic interplay between Semitic root-based phraseology and Indo-Aryan compound structural paradigms, the paper highlights how targeted comparative education revolutionizes linguistic research readiness and cross-cultural communication development. Ultimately, the research demonstrates that

mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators and linguists to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

phraseology, Arabic language, Hindi language, comparative linguistics, idiomatic expressions, structural semantics, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global oriental studies sector, cross-cultural translation networks, and comparative philology requires a fundamental paradigm shift in how linguists, translators, and language specialists are educated, trained, and prepared for dynamic multilingual environments. Historically, phraseological investigation relied heavily on manual bilingual dictionary cross-referencing, static idiom memorization drills, and traditional text annotation, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated multi-word expression alignment, corpus-based semantic clustering, and cross-linguistic idiomatic variation shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of parallel text corpora, advanced natural language processing tokenizers, comparative lexicographical databases, and virtual linguistic collaboration networks demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student linguists and working translation professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical comparative syntax with real-world cross-cultural text execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern Arabic-Hindi comparative phraseology specialists involves cultivating deep analytical flexibility, cultural-cognitive awareness, and lifelong technical reflection habits. Language and translation professionals enter the modern workforce equipped with core grammatical foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex idiomatic

equivalence data, adapting to rapid sociolinguistic shifts, and collaborating in remote, multidisciplinary research teams. Institutional support systems—such as university-based oriental philology incubators, continuous professional translation technology certification programs, and collaborative cross-cultural research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on parallel corpus operation and real-world contrastive simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise translation proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global linguistic sciences industry.

Main Part

At the core of educating modern comparative phraseology specialists is the mastery of advanced corpus linguistic software, structural equivalence mapping protocols, and task-specific competencies that maximize translation accuracy while fostering stringent cross-cultural communication workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core idiomatic imagery properties, morphosyntactic transformation calculations, and regulatory lexicographical standards, enabling them to execute complex contrastive evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future phraseology specialists are trained to utilize integrated parallel text suites, automated multi-word expression extraction tools, and real-time semantic database tracking systems to optimize their output. This methodological versatility empowers modern linguistic professionals to navigate unexpected idiomatic divergence updates, streamline translation corpus logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective academic and professional practices.

Complementing technical and software training, the integration of critical contrastive thinking, sociolinguistic contextualization methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary oriental philology education. Specialists in Arabic and Hindi phraseology must learn to communicate

effectively across diverse cultural and stakeholder groups, manage complex multi-year linguistic research budgets, and resolve semantic equivalence conflicts within multidisciplinary academic teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, cultural sensitivity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that research directors can manage high-pressure linguistic environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young comparative professionals bridge the gap between isolated dictionary entries and integrated global cross-cultural communication strategies, creating dynamic, highly resilient scholarly frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary phraseological specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern translation and linguistic research professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international corpus analysis credentials and cross-cultural communication standards to stay ahead of rapid technological and academic disruptions. Furthermore, understanding cultural heritage preservation ethics, copyright legislation for rare linguistic texts, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level researchers into visionary linguistic leaders who drive sustainable cross-cultural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary Arabic and Hindi phraseology specialists is a vital strategic endeavor that directly influences international diplomatic communication, cross-cultural academic competitiveness, and global linguistic research innovation. By combining robust comparative and semantic theory with hands-on parallel corpus training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals

to overcome modern idiomatic and translational challenges. The resulting development of skilled, adaptable contrastive experts ensures that global oriental studies and linguistic ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated idiom recognition, cross-lingual semantic embedding models, and changing global digital humanities standards will require ongoing refinement of higher education comparative philology training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of linguistic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the cross-cultural translation sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional phraseological talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Phraseology: An Introduction, Cowie, A. P., Oxford: Oxford University Press, 1998.
2. Comparative Phraseology: With Special Reference to English and German, Piirainen, E., Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.
3. Modern Contrastive Phraseology and Oriental Philology Methodologies in Higher Education, Rahimov, S. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.
4. Idioms and Collocations: Corpus-Based Approaches, Granger, S., Meunier, F., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.
5. Arabic and Indo-Aryan Lexicography: Structural Parallels and Semantic Shifts, Al-Hassan, M. A., Cairo: Dar Al-Fikr, 2021.

© Atayeva S., Ashyrova U., 2026

УДК 8

Guljayev Gulja,
lecturer of the Department of Turkmen language
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

SHAPING LINGUISTIC HERITAGE: ADVANCED PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, DIGITAL DIDACTIC METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR TURKMEN LANGUAGE EDUCATION

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified Turkmen language instructors, philological researchers, and linguistic education specialists. As modern educational systems, national literacy frameworks, and digital communication platforms encounter rapid technological transformation, computational corpus linguistics modernization, and evolving global pedagogical standards, the systematic instruction of the Turkmen language demands a comprehensive integration of advanced morphological analysis, interactive digital language laboratories, and rigorous communicative competence principles. This study investigates how the harmonization of experiential pedagogical training, interactive virtual classroom simulation software, and competency-based pedagogy optimizes linguistic acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical grammatical rules and cutting-edge digital language learning innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes literacy readiness and sustainable cultural heritage preservation development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

Turkmen language education, language teaching methodology, pedagogical training, digital literacy, communicative competence, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the national educational sector, digital publishing networks, and academic instructional systems requires a fundamental paradigm shift in how Turkmen language educators, curriculum developers, and philological researchers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, linguistic instruction relied heavily on rote grammar memorization, static textbook exercises, and traditional blackboard parsing drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated corpus analysis, multimedia-enhanced language laboratories, and interactive digital communication shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of digital speech recognition platforms, interactive e-learning software, computerized lexical databases, and virtual pedagogical collaboration networks demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student teachers and working philology professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical phonological and syntactic principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern Turkmen language teaching specialists involves cultivating deep analytical flexibility, cross-cultural communicative fluency, and lifelong technical reflection habits. Language educators enter the modern workforce equipped with core grammatical and literary foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level student proficiency data, adapting to rapid digital curriculum updates, and collaborating in remote, multidisciplinary academic research teams. Institutional support systems—such as

university-based pedagogical incubators, continuous professional digital teaching certification programs, and collaborative linguistic research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on digital tool operation and real-world teaching simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the modern educational sector.

Main Part

At the core of educating modern Turkmen language teaching specialists is the mastery of advanced educational software, morphosyntactic analysis protocols, and task-specific competencies that maximize learner engagement while fostering strict curriculum compliance workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core phonetic evolution properties, second-language acquisition rate calculations, and regulatory national education standards, enabling them to execute complex instructional evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future language specialists are trained to utilize integrated virtual classroom suites, automated vocabulary testing software, and real-time student performance analytics tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected curriculum revision updates, streamline instructional material preparation logistics, and elevate the overall quality, accessibility, and cognitive reliability of their respective school and university practices.

Complementing technical and digital training, the integration of critical pedagogical thinking, communicative methodology design, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary language education. Specialists in Turkmen language methodology must learn to communicate effectively across diverse student and stakeholder groups, manage complex multi-year instructional project budgets, and resolve pedagogical conflicts within multidisciplinary academic and

administrative teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, educational equity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that department supervisors can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated grammatical rules and integrated national literacy strategies, creating dynamic, highly resilient educational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary Turkmen language educators must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern teaching and research professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international pedagogical credentials and digital instructional standards to stay ahead of rapid technological and academic disruptions. Furthermore, understanding educational ethics, linguistic heritage preservation legislation, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and academic enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level student teachers into visionary educational leaders who drive sustainable linguistic transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary Turkmen language teaching specialists is a vital strategic endeavor that directly influences national cultural preservation, educational competitiveness, and international academic research innovation. By combining robust linguistic theory with hands-on pedagogical training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern instructional and curricular challenges. The resulting development of skilled, adaptable language educators ensures that global and national educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated language assessment, virtual reality immersion classrooms, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education pedagogical training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital pedagogy. As new generations of academic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the linguistic education sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional teaching talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Türkmen dilini okatmagyň metodykasy, Baýmyradow, H., Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2018.

2. Häzirky türkmen diliniň leksikasy we fonetikasy, Berdiyew, A., Aşgabat: Ylym Publishing House, 2023.

3. Modern Educational Methodologies and Language Teaching Practices in Higher Education, Çaryýew, O. M., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Türkmen dilini öwretmegiň innowasion usullary, Orazow, G., Aşgabat: Magtymguly adyndaky Türkmen döwlet uniwersiteti, 2022.

5. Teaching Foreign and Native Languages in the Digital Age, Richards, J. C., Rodgers, T. S., Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

© Guljayev G., 2026

УДК 8

Meredova Orazgul,
lecturer
Oguz han Engineering and Technology University of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

CONTRASTIVE TYPOLOGIES, SEMANTIC STRUCTURES, AND USAGE CHARACTERISTICS OF COLOR-DENOTING WORD COMBINATIONS IN JAPANESE AND TURKMEN LANGUAGES

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, comparative typologies, and pedagogical methodologies essential for understanding the usage characteristics of color-denoting word combinations in the Japanese and Turkmen languages (Kindaichi, 1988). As modern comparative linguistics, cross-cultural lexicography, and linguocultural research encounter rapid digital corpus modernization, automated translation technologies, and evolving global linguistic standards, the systematic study of color terminology demands a comprehensive integration of morphosyntactic structure analysis, semantic equivalence evaluation, and cultural-cognitive mapping principles. This study investigates how the harmonization of experiential contrastive linguistic training, interactive virtual corpus navigation software, and competency-based pedagogy optimizes chromatic semantics mastery and professional translational adaptability. By analyzing the dynamic interplay between indigenous Japanese color roots, Sino-Japanese (kango) lexical stratifications, and traditional Turkmen color naming paradigms alongside syntactic noun-modifier structures, the paper highlights how targeted comparative education revolutionizes linguistic research readiness and cross-cultural communication development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators and linguists to

design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

color-denoting word combinations, Japanese language, Turkmen language, contrastive linguistics, semantic analysis, linguoculture, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global oriental studies sector, cross-cultural lexicographical networks, and comparative philology requires a fundamental paradigm shift in how linguists, translators, and language specialists are educated, trained, and prepared for dynamic multilingual environments. Historically, color terminology and phraseological investigation relied heavily on manual bilingual dictionary cross-referencing, static idiom memorization drills, and traditional text annotation, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated multi-word expression alignment, corpus-based semantic clustering, and cross-linguistic chromatic variation shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of parallel text corpora, advanced natural language processing tokenizers, comparative lexicographical databases, and virtual linguistic collaboration networks demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student linguists and working translation professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical comparative syntax with real-world cross-cultural text execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern Japanese-Turkmen comparative linguistics specialists involves cultivating deep analytical flexibility, cultural-cognitive awareness, and lifelong technical reflection habits. Language and translation professionals enter the modern workforce equipped with core grammatical foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex chromatic equivalence data, adapting to rapid sociolinguistic shifts, and collaborating in remote,

multidisciplinary research teams. Institutional support systems—such as university-based oriental philology incubators, continuous professional translation technology certification programs, and collaborative cross-cultural research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on parallel corpus operation and real-world contrastive simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise translation proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global linguistic sciences industry.

Main Part

At the core of educating modern comparative phraseology and color terminology specialists is the mastery of advanced corpus linguistic software, structural equivalence mapping protocols, and task-specific competencies that maximize translation accuracy while fostering stringent cross-cultural communication workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core chromatic imagery properties, morphosyntactic transformation calculations, and regulatory lexicographical standards, enabling them to execute complex contrastive evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future color-semantics specialists are trained to utilize integrated parallel text suites, automated multi-word expression extraction tools, and real-time semantic database tracking systems to optimize their output. This methodological versatility empowers modern linguistic professionals to navigate unexpected chromatic divergence updates, streamline translation corpus logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective academic and professional practices.

Complementing technical and software training, the integration of critical contrastive thinking, sociolinguistic contextualization methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary oriental philology and language education. Specialists in Japanese and Turkmen color combinations must learn to communicate effectively across diverse cultural and stakeholder groups,

manage complex multi-year linguistic research budgets, and resolve semantic equivalence conflicts within multidisciplinary academic teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, cultural sensitivity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that research directors can manage high-pressure linguistic environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young comparative professionals bridge the gap between isolated dictionary entries and integrated global cross-cultural communication strategies, creating dynamic, highly resilient scholarly frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary chromatic phraseology specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern translation and linguistic research professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international corpus analysis credentials and cross-cultural communication standards to stay ahead of rapid technological and academic disruptions. Furthermore, understanding cultural heritage preservation ethics, copyright legislation for rare linguistic texts, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level researchers into visionary linguistic leaders who drive sustainable cross-cultural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary Japanese and Turkmen color terminology specialists is a vital strategic endeavor that directly influences international diplomatic communication, cross-cultural academic competitiveness, and global linguistic research innovation. By combining robust comparative and semantic theory with hands-on parallel corpus training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals

to overcome modern idiomatic and translational challenges. The resulting development of skilled, adaptable contrastive experts ensures that global oriental studies and linguistic ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated chromatic idiom recognition, cross-lingual semantic embedding models, and changing global digital humanities standards will require ongoing refinement of higher education comparative philology training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of linguistic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the cross-cultural translation sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional chromatic phraseological talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. The Japanese Language: Meaning and Structure, Kindaichi, H., Tokyo: Tuttle Publishing, 1988.

2. Comparative Phraseology: With Special Reference to English and German, Piirainen, E., Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.

3. Modern Contrastive Color Semantics and Oriental Philology Methodologies in Higher Education, Rahimov, S. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Idioms and Collocations: Corpus-Based Approaches, Granger, S., Meunier, F., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.

5. Türkmen diliniň leksikasy, Berdiyev, A., Aşgabat: Ylym Publishing House, 2023.

© Meredova O., 2026

УДК 8

Nobatova Bagul,
lecturer of the Department of Far Eastern languages.
Rejepova Ayna,
lecturer of the Department of Far Eastern languages.
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

ADVANCED INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, DIGITAL LEARNING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR KOREAN LANGUAGE EDUCATION

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified Korean language instructors, curriculum designers, and foreign language acquisition specialists (Fraschini & Kiaer, 2024). As modern global interest in Korean culture, international academic exchange programs, and digital communication platforms encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted language tutoring modernization, and evolving global communicative standards, the systematic instruction of the Korean language demands a comprehensive integration of advanced morphological analysis, interactive virtual immersive platforms, and rigorous communicative competence principles. This study investigates how the harmonization of experiential pedagogical training, interactive virtual classroom simulation software, and competency-based pedagogy optimizes linguistic acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical honorific system instruction and cutting-edge digital language learning innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes literacy readiness and sustainable cross-cultural educational

development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

Korean language education, language teaching methodology, pedagogical training, digital literacy, communicative competence, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the international educational sector, digital publishing networks, and academic instructional systems requires a fundamental paradigm shift in how Korean language educators, curriculum developers, and philological researchers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, Korean language instruction relied heavily on rote grammar memorization, static textbook exercises, and traditional blackboard parsing drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated corpus analysis, multimedia-enhanced language laboratories, and interactive digital communication shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of digital speech recognition platforms, interactive e-learning software, computerized lexical databases, and virtual pedagogical collaboration networks demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student teachers and working philology professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical phonological and syntactic principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern Korean language teaching specialists involves cultivating deep analytical flexibility, cross-cultural communicative fluency, and lifelong technical reflection habits. Language educators enter the modern workforce equipped with core grammatical and literary foundations, yet they frequently

encounter operational challenges in managing complex multi-level student proficiency data, adapting to rapid digital curriculum updates, and collaborating in remote, multidisciplinary academic research teams. Institutional support systems—such as university-based pedagogical incubators, continuous professional digital teaching certification programs, and collaborative linguistic research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on digital tool operation and real-world teaching simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the modern educational sector.

Main Part

At the core of educating modern Korean language teaching specialists is the mastery of advanced educational software, morphosyntactic analysis protocols, and task-specific competencies that maximize learner engagement while fostering strict curriculum compliance workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core phonetic evolution properties, second-language acquisition rate calculations, and regulatory national education standards, enabling them to execute complex instructional evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future language specialists are trained to utilize integrated virtual classroom suites, automated vocabulary testing software, and real-time student performance analytics tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected curriculum revision updates, streamline instructional material preparation logistics, and elevate the overall quality, accessibility, and cognitive reliability of their respective school and university practices.

Complementing technical and digital training, the integration of critical pedagogical thinking, communicative methodology design, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary language education. Specialists in Korean

language methodology must learn to communicate effectively across diverse student and stakeholder groups, manage complex multi-year instructional project budgets, and resolve pedagogical conflicts within multidisciplinary academic and administrative teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, educational equity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that department supervisors can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated grammatical rules and integrated national literacy strategies, creating dynamic, highly resilient educational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary Korean language educators must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern teaching and research professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international pedagogical credentials and digital instructional standards to stay ahead of rapid technological and academic disruptions. Furthermore, understanding educational ethics, linguistic heritage preservation legislation, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and academic enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level student teachers into visionary educational leaders who drive sustainable linguistic transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary Korean language teaching specialists is a vital strategic endeavor that directly influences international cultural exchange, educational competitiveness, and global academic research innovation. By combining robust linguistic theory with hands-on pedagogical training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern instructional and

curricular challenges. The resulting development of skilled, adaptable language educators ensures that global and national educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated language assessment, virtual reality immersion classrooms, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education pedagogical training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital pedagogy. As new generations of academic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the linguistic education sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional teaching talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Innovative methods in Korean language teaching, Fraschini N., Kiaer J., London, 2024
2. Pragmatics of Korean as a second language, Kiaer J., Berlin, 2019
3. Multimodal approaches to Korean language teaching, Brown L., London, 2024
4. Large language models for Korean grammar and spelling corrections, Jung N., London, 2024
5. Excitement and confusion: An emotion-based approach to Korean language teaching, Fraschini N., Tao Y., London, 2025

© Nobatova B., Rejepova A., 2026

УДК 8

Saparov Mekan,
Head of the Department of Roman-Germanic languages
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

ADVANCED COGNITIVE METHODOLOGIES, DIGITAL IMMERSION FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING STRATEGIES FOR RAPID FOREIGN LANGUAGE MASTERY

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, cognitive educational methodologies, and professional training models essential for accelerating second language acquisition and achieving rapid, high-level foreign language proficiency. As modern global communication networks, international business environments, and digital educational ecosystems encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted adaptive learning modernization, and evolving global linguistic standards, the systematic instruction of foreign languages demands a comprehensive integration of spaced repetition algorithms, immersive contextual input, and rigorous communicative competence principles. This study investigates how the harmonization of experiential cognitive training, interactive virtual immersion simulation software, and competency-based pedagogy optimizes lexical retention and professional linguistic adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical grammar-translation paradigms and cutting-edge neuro-cognitive language learning innovations, the paper highlights how targeted accelerated education revolutionizes professional workforce readiness and sustainable international communication development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators and learners to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

foreign language acquisition, accelerated learning, cognitive language methodology, spaced repetition, digital immersion, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global communication sector, international trade networks, and digital educational platforms requires a fundamental paradigm shift in how language learners, corporate professionals, and academic instructors approach accelerated foreign language acquisition. Historically, language education relied heavily on passive textbook memorization, rigid grammar translation drills, and traditional classroom recitation, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced multimedia demands, real-time cross-cultural collaboration, and high-throughput digital communication shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of artificial intelligence-driven speech recognition tutors, cloud-based immersive language communities, adaptive flashcard algorithms, and virtual reality communicative environments demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student learners and working professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical psycholinguistic principles with real-world conversational and professional execution.

Furthermore, preparing the next generation of rapid language acquisition specialists involves cultivating deep cognitive flexibility, active output strategies, and lifelong metacognitive reflection habits. Language learners enter the modern educational ecosystem equipped with baseline cognitive skills, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex lexical retention data, adapting to rapid conversational shifts, and collaborating in remote, multidisciplinary international teams. Institutional support systems—such as university-based linguistic

innovation hubs, continuous professional digital fluency certification programs, and collaborative cross-cultural immersion groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on digital tool operation and real-world communicative simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise linguistic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global economy.

Main Part

At the core of accelerating foreign language acquisition is the mastery of advanced cognitive software, spaced repetition protocols, and task-specific competencies that maximize long-term vocabulary retention while fostering strict communicative fluency workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core psycholinguistic processing properties, memory consolidation cycle calculations, and regulatory international proficiency standards, enabling them to execute complex linguistic evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future language specialists are trained to utilize integrated virtual immersion suites, automated speech analysis feedback systems, and real-time lexical tracking dashboard software to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected curriculum updates, streamline linguistic acquisition logistics, and elevate the overall quality, accessibility, and cognitive reliability of their respective self-study and institutional practices.

Complementing technical and digital training, the integration of critical cognitive thinking, contextual immersion methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary language education. Specialists in rapid language acquisition must learn to communicate effectively across diverse cultural stakeholder groups, manage complex multi-year personal fluency development budgets, and resolve communicative hesitation conflicts within multidisciplinary academic and professional teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership

capability, intercultural sensitivity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that learners can manage high-pressure international environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young language professionals bridge the gap between isolated vocabulary lists and integrated global communication strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary foreign language learners must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern language and communication professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international proficiency credentials and digital tool usage standards to stay ahead of rapid technological and academic disruptions. Furthermore, understanding cross-cultural communication ethics, intellectual property legislation in educational media, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and corporate enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level language students into visionary international leaders who drive sustainable global transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic acceleration of foreign language acquisition is a vital strategic endeavor that directly influences national international competitiveness, cross-cultural diplomacy, and global academic research innovation. By combining robust psycholinguistic and cognitive theory with hands-on immersion training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern communicative and translational challenges. The resulting development of skilled, adaptable language experts ensures that global educational and corporate ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in real-time neural translation, virtual reality immersion environments, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education language acquisition training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital pedagogy. As new generations of international professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the cross-cultural communication sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional language talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Second Language Acquisition: An Introductory Course, Gass, S. M., Behney, J., Plonsky, L., New York: Routledge, 2020.

2. Principles and Practice in Second Language Acquisition, Krashen, S. D., Oxford: Pergamon Press, 1982.

3. Modern Pedagogical Methodologies and Rapid Language Acquisition Training in Practice, Atabayev, S. M., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. The Cambridge Handbook of Second Language Acquisition, Lourdes Ortega, Andrea Tyler, Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

5. Making It Stick: The Science of Successful Learning, Brown, P. C., Roediger, H. L., McDaniel, M. A., Cambridge: Belknap Press, 2014.

© Saparov M., 2026

УДК 8

Saparova Govher,
Head of the Department of Far Eastern languages
Meredova Nuray,
4th year student
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

ROOTS OF THE PENINSULA: HISTORICAL EVOLUTION, ORTHOGRAPHIC INNOVATION, AND THE DEVELOPMENTAL TRAJECTORY OF THE KOREAN LANGUAGE

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, historical milestones, and linguistic evolution processes essential for understanding the developmental trajectory of the Korean language. As modern historical linguistics, comparative philology, and sociolinguistic research encounter rapid technological transformation, digital text corpus modernization, and evolving global communication standards, the systematic study of Korean demands a comprehensive integration of genetic language classification, phonological shifts, and intricate writing system evolution principles. This study investigates how the harmonization of historical philological source analysis, comparative macro-family investigations, and structural phonological periodization optimizes our understanding of linguistic divergence and professional pedagogical adaptation. By analyzing the dynamic interplay between indigenous Koreanic roots, extensive Sinitic lexical borrowing, and the monumental creation of the Hangul writing system, the paper highlights how historical linguistic analysis revolutionizes cultural understanding and modern language instruction readiness. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern linguists and

educators to design resilient, highly effective academic learning ecosystems.

Keywords:

history of Korean, historical linguistics, Old Korean, Middle Korean,

Hangul creation, phonological evolution.

Introduction

The long-term developmental journey and structural maturation of the Korean language require a fundamental examination of how indigenous communication systems evolved, adapted, and absorbed foreign influences throughout successive socio-political epochs (Lee & Ramsey, 2011). Historically, linguistic investigation relied heavily on static text-based translation, rigid classical grammar memorization, and traditional philological catalogs, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced digital corpus analysis, comparative macro-comparative family reconstructions, and sociolinguistic shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of digitized ancient manuscripts, high-throughput phonetic mapping software, computerized lexical databases, and global linguistic research networks demands a sophisticated, adaptable analytical framework. Equipping student researchers and working philologists with modern historical competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical historical phonology with real-world manuscript analysis.

Furthermore, preparing the next generation of modern Korean language historians involves cultivating deep analytical flexibility, cross-cultural comparative fluency, and lifelong technical reflection habits. Language specialists enter the modern academic workforce equipped with core grammatical foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-period script variations, adapting to rapid historical linguistics updates, and collaborating in remote, multidisciplinary research teams. Institutional support systems—such as specialized university

philological archives, continuous professional digital paleography certification programs, and collaborative historical linguistics research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on manuscript navigation and real-world historical simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise translation proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global academic community.

Main Part

At the core of examining the history of the Korean language is the mastery of phonetic transition protocols, historical periodization models, and task-specific competencies that maximize etymological accuracy while fostering strict philological research workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core phonological shifts, such as the evolution from Old Korean through Middle Korean to Modern Korean, enabling them to execute complex historical evaluations with high precision (Lee & Ramsey, 2011). Instead of relying solely on rote textbook memorization, future historical linguists are trained to utilize integrated digital script-transcription suites, automated phonetic reconstruction tools, and real-time dialect survey database tracking systems to optimize their output. This methodological versatility empowers modern academic professionals to navigate unexpected manuscript discovery updates, streamline historical corpus analysis logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective research and educational practices.

Complementing technical and philological training, the integration of critical historical thinking, sociolinguistic contextualization methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary language education. Specialists in the history of Korean must learn to communicate effectively across diverse stakeholder groups, manage complex multi-year academic research budgets, and resolve etymological disputes within multidisciplinary scholarly teams.

Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, rigorous citation compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that academic directors can manage high-pressure research environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young linguistic professionals bridge the gap between isolated classical texts and integrated global linguistic evolution strategies, creating dynamic, highly resilient scholarly frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary Korean language historians must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern researchers and educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international paleography credentials and historical linguistics methodologies to stay ahead of rapid academic and technological disruptions. Furthermore, understanding cultural heritage preservation ethics, copyright legislation for ancient texts, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level students into visionary academic leaders who drive sustainable linguistic transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic exploration of the history of the Korean language is a vital strategic endeavor that directly influences national cultural preservation, international academic competitiveness, and global cross-cultural understanding. By combining robust phonological and historical theory with hands-on manuscript analysis training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern etymological and linguistic challenges. The resulting development of skilled, adaptable language experts ensures that global academic and cultural ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in ancient character recognition, automated translation of classical literary texts, and changing global digital humanities standards will require ongoing refinement of higher education historical linguistics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of academic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the linguistic sciences sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional historical talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Innovative methods in Korean language teaching, Fraschini N., Kiaer J., London, 2024
2. Pragmatics of Korean as a second language, Kiaer J., Berlin, 2019
3. Multimodal approaches to Korean language teaching, Brown L., London, 2024
4. Large language models for Korean grammar and spelling corrections, Jung N., London, 2024
5. Excitement and confusion: An emotion-based approach to Korean language teaching, Fraschini N., Tao Y., London, 2025

© Saparova G., Meredova N., 2026

УДК 8

Tashliyev Dovlet,
lecturer of the Department of Far Eastern languages
Hudayberdiyeva Mengli,
lecturer of the Department of Far Eastern languages
Turkmen National Institute of World Languages
named after Dovletmammet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

TRACING THE LINGUISTIC EVOLUTION OF THE RISING SUN: ORIGINS, ORTHOGRAPHIC ADAPTATION, AND THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE JAPANESE LANGUAGE

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, historical milestones, and linguistic evolution processes essential for understanding the developmental trajectory of the Japanese language. As modern historical linguistics, sociolinguistic research, and comparative philology encounter rapid technological transformation, digital text corpus modernization, and evolving global communication standards, the systematic study of the Japanese language demands a comprehensive integration of genetic language classification, phonetic shifts, and intricate writing system evolution principles. This study investigates how the harmonization of historical philological source analysis, comparative macro-family investigations, and structural phonological periodization optimizes our understanding of linguistic divergence and professional pedagogical adaptation. By analyzing the dynamic interplay between indigenous Japonic roots, extensive Chinese cultural borrowing, and Western lexical integration, the paper highlights how historical linguistic analysis revolutionizes cultural understanding and modern language instruction readiness. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern linguists and educators to

design resilient, highly effective academic learning ecosystems.

Keywords:

history of Japanese, historical linguistics, Old Japanese, writing systems, kanji adaptation, phonological evolution.

Introduction

The long-term developmental journey and structural maturation of the Japanese language require a fundamental examination of how indigenous communication systems evolved, adapted, and absorbed foreign influences throughout successive socio-political epochs. Historically, linguistic investigation relied heavily on static text-based translation, rigid classical grammar memorization, and traditional philological catalogs, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced digital corpus analysis, comparative macro-comparative family reconstructions, and sociolinguistic shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of digitized ancient manuscripts, high-throughput phonetic mapping software, computerized lexical databases, and global linguistic research networks demands a sophisticated, adaptable analytical framework. Equipping student researchers and working philologists with modern historical competencies requires moving beyond traditional lecture-based chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical historical phonology with real-world manuscript analysis.

Furthermore, preparing the next generation of modern Japanese language historians involves cultivating deep analytical flexibility, cross-cultural comparative fluency, and lifelong technical reflection habits. Language specialists enter the modern academic workforce equipped with core grammatical foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-period script variations, adapting to rapid historical linguistics updates, and collaborating in remote, multidisciplinary research teams. Institutional support systems—such as specialized

university philological archives, continuous professional digital paleography certification programs, and collaborative historical linguistics research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on manuscript navigation and real-world historical simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise translation proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global academic community.

Main Part

At the core of examining the history of the Japanese language is the mastery of phonetic transition protocols, historical periodization models, and task-specific competencies that maximize etymological accuracy while fostering strict philological research workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core phonological shifts, such as the transition from an eight-vowel system in Old Japanese to a condensed modern five-vowel framework, enabling them to execute complex historical evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future historical linguists are trained to utilize integrated digital kanji-kana transition suites, automated phonetic reconstruction tools, and real-time dialect survey database tracking systems to optimize their output. This methodological versatility empowers modern academic professionals to navigate unexpected manuscript discovery updates, streamline historical corpus analysis logistics, and elevate the overall quality, safety, and analytical reliability of their respective research and educational practices.

Complementing technical and philological training, the integration of critical historical thinking, sociolinguistic contextualization methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary language education. Specialists in the history of Japanese must learn to communicate effectively across diverse stakeholder groups, manage complex multi-year academic research budgets, and resolve etymological disputes within multidisciplinary scholarly teams.

Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, rigorous citation compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that academic directors can manage high-pressure research environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young linguistic professionals bridge the gap between isolated classical texts and integrated global linguistic evolution strategies, creating dynamic, highly resilient scholarly frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary Japanese language historians must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern researchers and educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international paleography credentials and historical linguistics methodologies to stay ahead of rapid academic and technological disruptions. Furthermore, understanding cultural heritage preservation ethics, copyright legislation for ancient texts, and sustainable digital archiving practices equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level students into visionary academic leaders who drive sustainable linguistic transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic exploration of the history of the Japanese language is a vital strategic endeavor that directly influences national cultural preservation, international academic competitiveness, and global cross-cultural understanding. By combining robust phonological and historical theory with hands-on manuscript analysis training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern etymological and linguistic challenges. The resulting development of skilled, adaptable language experts ensures that global academic and cultural ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in ancient character recognition, automated translation of classical literary texts, and changing global digital humanities standards will require ongoing refinement of higher education historical linguistics training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of academic professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the linguistic sciences sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional historical talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. A History of the Japanese Language, Frellesvig, B., Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
2. Handbook of Historical Japanese Linguistics, Frellesvig, B., Kinsui, S., Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
3. Modern Historical Linguistics and Japanese Language Pedagogies in Practice, Ýoldaşow, G., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.
4. The Languages of Japan, Shibatani, M., Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
5. A History of Writing in Japan, Seeley, C., Leiden: Brill, 1991.

© Tashliyev D., Hudayberdiyeva M., 2026

УДК 8

Лыков П.С.,

студент 2 курса ЕГУ им. И.А. Бунина,

г. Елец, РФ

Научный руководитель: Дякина А.А.

доктор филологических наук, профессор, ЕГУ им. И.А. Бунина,

г. Елец, РФ

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО СМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация

В статье рассматривается коммуникационная модель регионального издания «Липецкая газета. Сегодня» в социальной сети «ВКонтакте» и её изменения. Читатель уходит в цифровую среду, привычные каналы распространения информации слабеют. Для региональной прессы соцсети давно перестали быть просто дополнением к печатной версии. Здесь заново выстраиваются отношения с аудиторией, здесь же формируется узнаваемый образ издания. Автор показывает, как редакция отошла от простой выдачи информации и пришла к такому формату работы, в котором читатель становится полноправным собеседником. Сообщество постепенно превращается в площадку открытого общественного диалога. Автор разбирает приёмы, за счёт которых складывается образ «народного» медиа.

Ключевые слова:

региональные СМИ, продвижение, социальные сети,

«ВКонтакте», «Липецкая газета».

Печатные издания, которые остаются на информационном рынке десятилетиями, заслуживают отдельного внимания. «Липецкая газета» выходит с

1917 года. За сто лет она пережила смену политического строя, распад Советского Союза, череду экономических кризисов. Ни один из этих ударов не поставил под вопрос само её существование. Однако сегодня перед газетой стоит другая угроза, читатель уходит в цифровое пространство, тираж бумажной версии падает год за годом, «популярность печатных СМИ в России будет и далее снижаться» [8]. Каждая редакция вынуждена решать, как сохранить узнаваемость издания, если читатель предпочитает беглый просмотр ленты развёрнутому чтению печатного текста. Многое здесь зависит от имиджа СМИ, от того образа, который складывается у аудитории из публикуемых материалов.

В медиалогии и теории массовых коммуникаций имидж СМИ рассматривают как сложный конструкт социальной и психологической природы. Е. Н. Богданов и В. Г. Зазыкин определяют имидж как «образ, сложившийся в массовом сознании, имеющий характер стереотипа и сильно эмоционально окрашенный» [1, с. 27].

Имидж регионального издания формируется по иным правилам, чем имидж федерального. Центральные СМИ рассчитаны на широкий охват и держат дистанцию с читателем. Местная газета строит образ через принадлежность к территории, через модель «свой» [2]. Читатель ждёт от неё участия в жизни своего города и района больше, чем новостной сводки. Ему важно, чтобы редакция понимала местные проблемы и жила теми же заботами. К. Р. Нигматуллина пишет, что горизонтальные связи позволяют региональным медиа работать инфраструктурой диалога. По её словам, «сетевые медиа, являющиеся новыми и значимыми источниками информации, приобрели статус влиятельных каналов коммуникации в сфере формирования локальных сообществ, ориентированных на читателя» [6, с. 45].

Цифровая среда изменила само понятие имиджа. Классическая пресса строила коммуникацию как монолог редакции. Сейчас взаимодействие с аудиторией стало динамичным и многофакторным. Академик Е. Л. Вартанова описывает эти изменения точнее. По её словам, цифровизация превратила

медиапространство в индустрию, где «бурный рост аудитории социальных сетей... значительно преобразил социальные практики и взаимоотношения общества с медиа как социальным институтом» [2, с. 9].

Программные декларации в социальных сетях убеждают всё слабее. Ценности и миссия на титульной странице сообщества давно перестали работать сами по себе. Куда сильнее на восприятие влияют частности, те детали цифровой работы редакции, которые читатель часто не замечает. Он реагирует на них сразу, порой раньше, чем успевает понять, откуда взялось доверие или настороженность. Такой механизм в социологии культуры описывают через понятие габитуса. Речь идёт о наборе практик, которые аудитория схватывает интуитивно, без развёрнутого анализа [7]. Мало кто станет объяснять самому себе, почему одна газета кажется живой, а другая при похожем контенте выглядит искусственной.

Восприятие издания во многом задаётся визуальным кодом. Айдентика сообщества, оформление инфографики, выбор видеоформатов создают первое впечатление ещё до того, как читатель откроет текст публикации. Не менее значим и тон общения с аудиторией. В профессиональной среде его обозначают термином tone of voice. Доверительная, почти партнёрская манера разговора меняет восприятие редакции. Читатель начинает видеть в ней собеседника. Безличный источник информации его больше не устраивает. Решающую роль играет, пожалуй, интерактивность. Скорость ответов на комментарии, то, как модерируется пользовательский контент, готовность привлекать подписчиков к соавторству публикаций [7].

Обратимся к визуальной стратегии сообщества «Липецкая газета. Сегодня» во «ВКонтакте». Обезличенный фотографический сток здесь почти не встречается. Основу визуального ряда составляет авторская репортажная съёмка штатных фотокорреспондентов, в том числе Николая Черкасова [9]. В кадрах живые лица. Аграрии, педагоги, ветераны, ремесленники. Те самые люди, ради которых, по сути, и существует региональная журналистика. Рядом с такими снимками

соседствуют брендированные карточки и структурированные списки советов, изначально рассчитанные на виральное распространение. Визуальный ряд дополняют фотографии городских улиц и мобильные репортажи из Липецка, Задонска, Ельца и Усмани. Узнаваемые локации — торговый центр «Европейский», Сырский рудник, Нижний парк, вызывают у читателя эффект личного узнавания, такие снимки доказывают, что редакция физически находится в том же городском пространстве, что и читатель.

Публикация о празднике выпускников 2026 года, вышедшая 29 июня, хорошо показывает этот механизм вовлечения аудитории. Главный акцент сделан на фотоподборке с яркими образами старшеклассниц, с простым заголовком «В минувшие выходные в Липецке прошёл традиционный праздник выпускников «Липецкие зори 2026»» [3]. Такое внимание к реальным горожанам повышает активность аудитории и постепенно превращает издание в главную площадку для местных обсуждений.

Далее сравним, как одна и та же тема подаётся в печатной версии и в ленте «ВКонтакте».

Таблица 1

Сравнительный анализ трансформации стиля

от печатной полосы к посту в соцсети

Параметр сравнения	Печатная версия / Официальный сайт	Пост в социальной сети «ВКонтакте»
Заголовок и лид	«Претензии к застройщику: жильцы новостроек в микрорайоне «Европейский» требуют устранения недоделок» (информационно-аналитический стиль, нейтральная констатация проблемы).	«Куда только не залезут наши журналисты, лишь бы докопаться до истины! И на этот раз мы реально залезли высоко — на крышу 18-этажной новостройки в «Европейском» (не повторять — опасно)».
Стилистическая доминанта	Официально-деловой и публицистический регистр, нормативный синтаксис, дистанция эксперта.	Разговорно-доверительный тон, экспрессивный синтаксис (восклицания, тире), эмодзи, элементы экшена и

		сторителлинга.
Фокус подачи	Факты нарушений, нормативные акты, цитаты надзорных органов.	Личные действия репортера («прошлись по точкам вместе с жильцами», «сняли крутые виды»), создание драматургии расследования.
Целевое действие	Пассивное ознакомление с анализом ситуации.	Интрига и клиффхэнгер: призыв прочитать полный разбор в номере газеты («Все подробности — в свежем номере «Липецкой газеты». Не пропустите!»).

Опыт «Липецкой газеты» во «ВКонтакте» показывает, как региональное издание перестраивает работу с аудиторией. Одностороннее вещание уступает место разговору, в котором редакция и читатель выступают на равных. Для региональной прессы такой путь позволяет заново определить, зачем газета нужна своему городу и области.

Список использованной литературы:

1. Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г. Психологические основы «паблик рилейшнз». 2-е изд. СПб. Питер, 2003. 208 с.

2. Вартанова Е. Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022. № 1 (108). С. 8–13.

3. В минувшие выходные в Липецке прошёл традиционный праздник выпускников «Липецкие зори 2026» // Липецкая газета. Сегодня. URL: https://vk.ru/wall-138446923_24738 (дата обращения: 20.09.2026).

4. Выдрина А. С. Генерализованные бренды как механизм культурной трансляции в повседневных коммуникациях // Коммуникология. 2022. Том 10. № 4. С. 48–60. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-4-48-60.

5. Зверева Е. А., Семенова Е. А. Персонализация контента в региональных медиа // Ученые записки НовГУ. 2026. № 1 (60).

6. Нигматуллина К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной

журналистики в России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 30–50.

7. Осипова Е. Е. Социальные сети как инструмент продвижения имиджа компании // Экономика и социум. 2022. № 10-2 (101). URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/sotsialnye-seti-kak-instrument-prodvizheniya-imidzha-kompanii (дата обращения: 22.09.2026).

8. Плотников В.А. Особенности развития рынка печатных средств массовой информации: стратегический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №9 (135). — URL: https://research-journal.org/archive/9-135-2023-september/10.23670/IRJ.2023.135.62

9. Производство продуктов питания растет в Липецкой области // Липецкая газета. Сегодня. URL: https://m.vk.ru/wall-138446923_24938 (дата обращения: 05.09.2026).

© Лыков П.С., 2026

УДК 372.881.161.1

Чернышева А.Ю.

магистрант 3 курса, СГСПУ,

г. Самара, РФ

Научный руководитель: Долгова Е.Ю.

к. филол. н., доцент, СГСПУ,

г. Самара, РФ

ПРИЕМ СЕМАНТИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АГНОНИМИЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СТАРШИХ КЛАССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.)

Аннотация

Цель исследования – описать прием семантизации как способ изучения новой лексики на уроках русского язык для обучающихся старших классов. Методы исследования: анализ лингвистической литературы по направлению настоящего исследования; обобщение научного опыта, метод сплошной выборки, метод наблюдения. Приводятся примеры упражнений, направленных на изучение агнонимичной лексики тематической группы «псовая охота» на материале произведений русской литературы XIX первой трети XX вв. Определяется, что работа с агнонимичной лексикой на уроках русского языка в 10-11 классах позволяет обучающимся более глубоко анализировать язык произведений русской литературы и обогащает их словарный запас.

Ключевые слова:

агнонимы, агнонимичная лексика, семантизация,

новая лексика, старшие классы.

Chernysheva A.Y.

3rd year Master's student, SSSPU,

Samara, Russian Federation

Scientific supervisor: Dolgova E.Y.

Candidate of Philology, Associate Professor, SSSPU,

Samara, Russian Federation

THE METHOD OF SEMANTICS IN THE STUDY AGNONYMIC VOCABULARY IN HIGH SCHOOL (BASED ON THE WORKS OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES)

Annotation

The aim of the study is to describe the semanticization technique as a method of learning new vocabulary in Russian language lessons for high school students. Research methods: analysis of linguistic literature in the field of the present study; generalization of scientific experience, continuous sampling method, observation method. Examples of exercises aimed at studying agnonymic vocabulary from the thematic group “hunting with hounds” are provided, based on works of Russian literature from the 19th to the first third of the 20th centuries. Russian Russian language lessons in grades 10-11 allow students to analyze the language of Russian literature in more depth and enrich their vocabulary.

Keywords:

agnonyms, agnonymic vocabulary, semantics, new vocabulary, senior classes.

В лингвистической русистике вопрос о статусе таких слов, как агнонимы, находится на стадии решения. В настоящее время исследователи имеют разные представления о том, какие единицы можно считать агнонимами.

Непосредственно термин «агноним» был предложен отечественными

учеными В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной в фундаментальной монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [6]. Лингвисты ввели данный термин для обозначения слов, неизвестных или малопонятных языковой личности. При этом агнонимы, представляя собой значительную по объему группу слов, объединяют в себе устаревшую (как русскую, так и иноязычную), специальную и малоупотребительную в современном русском литературном языке лексику.

Другой отечественный исследователь Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» дает следующие определения агнонимов, расширяя значение, заложенное В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной:

1) «часть слов, неизвестных или плохо известных большинству носителей языка в тот или иной период его истории;

2) часть лексикона отдельного носителя языка, включающая слова, которые он не знает» [2, с. 21].

В настоящем исследовании под агнонимами будем понимать слова, неизвестные или плохо известные большинству носителей языка в тот или иной период его истории.

Часто потенциально агнонимичными словами выступают слова профессиональной, специальной сферы. При этом большое количество подобной лексики содержится и в текстах художественной литературы, что может затруднять общее понимание произведения. Однако при этом реципиент, сталкиваясь с незнакомым или малопонятным для себя словом, старается определить его значение, дешифровать прочитанное для наилучшего понимания. В качестве агнонимичной лексики в таком случае выступают слова, относящиеся к группе «псовая охота».

Отечественный исследователь Д. С. Левашов отмечет, что широкое обращение к охотничьей деятельности в период XIX–XX вв. сформировало объемный пласт лексики, относящейся к охоте [4]. Это нашло свое отражение в текстах русской литературы данного периода, в которых лексика охоты выдвигается на первый

план. В этот период сформировался особый тип охотничьей литературы, ориентированный на достоверность, появилось большое количество документальных и художественных очерков, расширяющих гипертекстовую структуру русской литературы на этнографические и географические особенности отдельных регионов [5].

Среди охотничьих терминов есть много общеупотребительных русских лексем, которые носители русского языка знают в основном по художественным произведениям, как правило, благодаря классической литературе и таким писателям, как И.С. Тургенев, И.А. Бунин, М.М. Пришвин, С.Т. Аксаков. Благодаря этим писателям литературный язык пополнился такими словами, как *тяга, гон, добыча, номера* и др. [7].

Лексика тематической группы «охота» представляет собой широкий пласт слов, которые могут выступать в качестве агнонимичных для носителей языка в целом и обучающихся 10–11 классов в частности. В настоящем исследовании в качестве источников языкового материала были проанализированы тексты произведений русской литературы: «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова (14 агнонимов), «Записки охотника» И. С. Тургенева (4 агнонима), «Завирайка» А. И. Куприна (3 агнонима), «На волчьей садке» А. П. Чехова (3 агнонима), сцены охоты в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого (15 агнонимов). Языковые примеры из представленных произведений легли в основу упражнений, направленных на работу со словарным запасом обучающихся.

Необходимость в специальной работе по обогащению словарного запаса учащихся определяется несколькими факторами. Вслед за М. Т. Барановым, Н. А. Ипполитовой, Т. А Ладыженской и М. Р. Львовым отметим, во-первых, значимость роли слова в языке (оно несет разнообразную семантическую информацию-понятийную, функции), во-вторых, потребность в постоянном пополнении запаса слов (чем большим количеством слов владеет человек, тем точнее реализуется коммуникация между людьми как в устной, так и в письменной форме) [1].

Исследователи определяют один из действенных приемов работы над пополнением словарного запаса – прием семантизации. Семантизация слова – метод превращения незнакомого для человека звукокомплекса в слово-знак, то есть закрепление в сознании учащихся звучания и значения в единое целое – слово [1].

В работе над семантизацией слов есть и совместная деятельность учителя и ученика – семантическое определение. Данная работа направлена на подбор и составление развернутого толкования значения того или иного слова, которое включает как родовые, так и видовые смысловые компоненты, отражающие родовидовые признаки реалии.

При объяснении значения того или иного слова, особенно если это имя существительное, необходимо прибегать к такому методу, как наглядность (рисунок, макет или контекст употребления). Но стоит отметить, что прием наглядности применим только с словам с конкретным значением [3].

Одним из простых упражнений, позволяющих семантизировать то или иное слово-агноним, является задание на выявление лексического значения с помощью толкового словаря.

С учетом вышесказанного приведем примеры упражнений, направленных на работу со словарным запасом обучающихся.

Задание 1. С помощью «Большого академического словаря русского языка» выясните и запишите лексическое значение следующих слов: *стойка*, *ловчий*, *сурчина*, *угонка*, *гоньба*, *лаз*, *лобан*, *борзянтник*. С любыми двумя словами составьте предложения.

Такой метод работы с лексическими единицами подразумевает не только знакомство со значением того или иного слова, но и дает возможность обучающимся ближе познакомиться со структурой словаря и словарной статьи.

Здесь следует отметить и важную роль педагога при работе со словарями. Русский язык богат на многозначные слова. А это значит, что закрепление их

значений в словарях подразумевает несколько словарных статей с одним и тем же словом, что для неподготовленных обучающихся может показаться трудным при выявлении значения данной в задании лексической единицы. Поэтому такой вид упражнений предполагает предварительную подготовку класса к работе со словарями русского языка.

Для того чтобы сделать работу по обогащению словарного запаса обучающихся более самостоятельной и в то же время эффективной, можно предложить задания, направленные на самостоятельный поиск агнонимичных лексических единиц в тексте.

Задание 2. Из текста «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» выпишите 10–15 неизвестных или малознакомых для вас слов. С помощью «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова определите их значение. С двумя словами составьте предложения.

После самостоятельной работы обучающихся с заданиями на выявление агнонимичных для них зон очень важно уделить внимание анализу речевых ситуаций. С большой вероятностью в качестве агнонимичных будут выступать слова с семантикой охоты. После демонстрации полученных результатов учитель может выборочно попросить старшеклассников рассказать об их работе над этим заданием. То же самое можно проделать и письменно. Каждый из них анализирует собственные результаты, полученные при работе над словником. Это позволит учителю определить дальнейший вектор работы, связанный с развитием лексикона старшеклассников.

Особую роль при работе с функционально ограниченной лексикой на уроках русского языка играет не только установление семантики слова, но и умение обучающихся анализировать представленный перед ними материал.

Задание 3. С помощью толковых словарей русского языка (укажите, каких) найдите значение следующих слов: *малик*, *настовик*, *свиязь*, *сурчина*, *понтер*, *сеттер*, *лобан*, *легавый*. Объясните, по какому принципу указанные слова могут

быть объединены.

С помощью подобного задания обучающиеся самостоятельно выбирают лексикографический источник, который будет им необходим для выполнения упражнения. При этом активизируется поисковая деятельность, направленная не только на нахождение значений слов, но и на поиск необходимых источников.

Вместе с тем умение анализировать, обобщать и систематизировать полученные результаты развивает задание по поиску принципа объединения указанных слов. Обучающиеся (устно или письменно) аргументируют ответы, обращая внимание на семантику представленных лексем, возможность их объединения в группы.

Дополнительными заданиями, направленными на выявление незнакомых и малознакомых старшеклассникам слов, могут послужить упражнения на подбор родственных по значению лексических единиц.

Задание 4. Найдите значения указанных слов с помощью толковых словарей русского языка (укажите, каких). Подберите как можно больше синонимов к каждому из приведенных слов: *мышковать*, *жировать*, *понориться*, *натекать*, *оттопывать*, *сострунить*.

Подбор синонимических рядов к определенным лексическим единицам позволяет понять, насколько обучающимся известно то или иное слово. Количество подобранных слов со схожим значением говорит о степени их агнонимичности и о лексическом запасе обучающихся.

Аналогичное задание, но связанное уже с подбором антонимов к приведенным словам, позволяет понять, насколько обучающийся понимает значение данной лексической единицы и может привести полную ей противоположность по значению.

Задание 5. Найдите значения указанных слов с помощью толковых словарей русского языка (укажите, каких). Подберите антонимы к каждому из приведенных слов. Составьте с одной полученной парой слов предложения: *в рыску*, *помкнуть*,

порскать, *второчить*, *отпазанчить*, *сострунить*.

Помимо работы, связанной с подбором схожих или противоположных по значению слов, важное место для понимания того или иного агнонимичного для школьника слова являются задания на употребление малознакомой лексической единицы в контексте.

Задание 6. Прочитайте фрагменты рассказов С. Т. Аксакова из сборника «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Фрагмент 1. *Я уже упоминал об этом нехитром инструменте, который издает звуки, похожие на голос или писк рябчиковой самки.* ***Пищики*** *делаются из липовых прутьев, толщиною в гусиное перо и длиною вершка в полтора…*

Фрагмент 2. *Во-первых, если* ***пистоны*** *хороши, то осечек не должно быть вовсе, хотя бы случилось стрелять в сильный дождь, потому что затравка совершенно плотно закрыта колпачком и порох не подмокнет*.

Фрагмент 3. ***Стрепет*** *точно встрепенется, когда поднимается, или, вернее сказать, сорвется с земли*.

Фрагмент 4. *Можно только посоветовать, чтоб к тонкому концу его никогда не привинчивать железного* ***крейцера.***

Фрагмент 5. *О* ***шомполе****, или прибойнике, нечего распространяться*.

Определите значение выделенных слов по любому толковому словарю русского языка (укажите, каким словарем вы пользовались). Какие из указанных слов сопровождаются в словаре пометой охот. (охотничье), а какие не имеют помет? Как называются слова без помет в словаре?

Необходимо отметить, что данные упражнения можно давать как для классной работы, так и для домашней. Если степень подготовки обучающихся по теме агнонимов позволяет провести самостоятельную работу, то такие задания подходят и для данного вида проверки знаний.

Таким образом, работа с агнонимами представляет собой интересный методологический прием, способствующий глубокому освоению русского языка в

старших классах. Изучение агнонимов обогащает словарный запас обучающихся, вводит их в контакт с редкими и исторически важными элементами русской лексики, что способствует развитию лингвокультурологической компетенции, пониманию текстов русской литературы. Подбирая синонимичные слова или включая агнонимы в собственный продукт речевого творчества, обучающиеся развивают гибкость мышления, улучшают владение языком, а также осваивают культурно-исторический фон, что отвечает современным требованиям и вызовам образования.

Список использованной литературы:

1. Баранов, М. Т., Ипполитова, Н. А., Ладыженская, Т. А., Львов, М. Р. Методика преподавания русского языка в школе: учеб. для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям: М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 244–264.

2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

3. Иванов, С. Ф. Воспитание навыков культуры речи у школьников. М.: Просвещение, 2014. 350 с.

4. Левашов, Д.С. Изучение русской охотничьей лексики: исторический аспект // Нижневартовский филологический вестник. 2022. №7(2). С. 39–48.

5. Мельникова, А. В. Охотничьи нарративы в русской литературе // Диалоги классиков — диалоги с классикой : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2014. С. 61–81.

6. Морковкин, В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Астра семь; Русские словари, 1997. 414 с.

7. Подюков, И.А. Отражение особенностей охотничьей субкультуры в традиционной лексике охоты Прикамья // Социо- и психолингвистические исследования, 2013. №1. С. 55–59.

References:

1. Baranov, M.T., Ippolitova, N.A., Ladyzhenskaya, T.A., Lvov, M.R. Methodology of Teaching the Russian Language at School: a textbook for university students studying in

pedagogical specialties. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2001. Pp. 244–264.

2. Zherebilo, T.V. Dictionary of Linguistic Terms. Nazran: LLC “Pilgrim”, 2010. 486 p.

3. Ivanov, S.F. Developing Speech Culture Skills in Schoolchildren. Moscow: Prosveshchenie, 2014. 350 p..

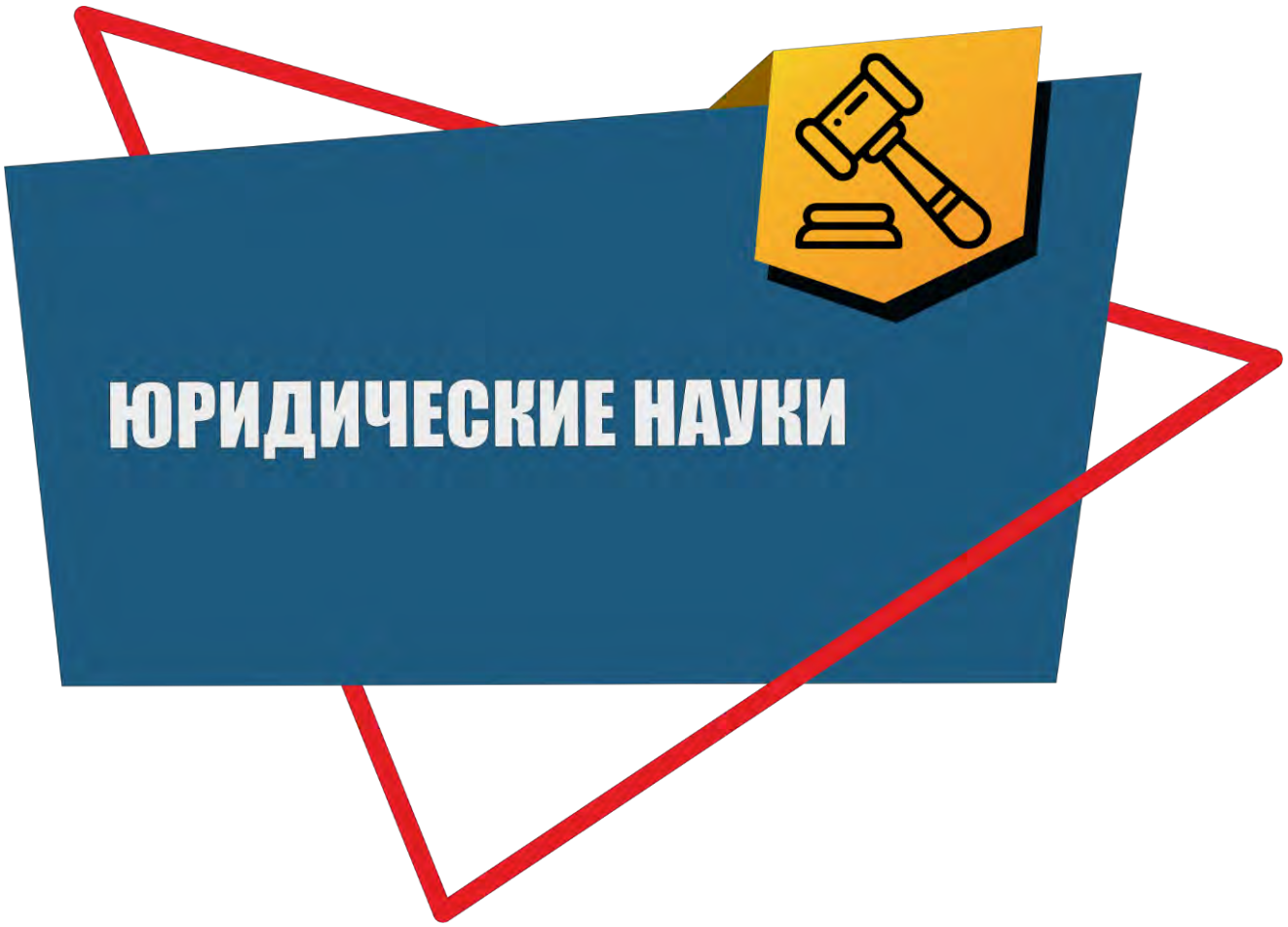
4. Levashov, D. S. Studying Russian hunting vocabulary: a historical aspect // Nizhnevartovsk Philological Bulletin. 2022. No. 7(2). Pp. 39–48.

5. Melnikova, A. V. Hunting Narratives in Russian Literature // Dialogues of the Classics — Dialogues with the Classics: a collection of scientific articles. Yekaterinburg, 2014. Pp. 61–81.

6. Morkovkin, V. V. Russian Agnonyms (Words We Don’t Know). Moscow: Astra Sem; Russian Dictionaries, 1997. 414 p.

7. Podyukov, I. A. Reflection of the features of hunting subculture in the traditional hunting vocabulary of the Kama region // Socio- and psycholinguistic studies, 2013. No. 1. Pp. 55–59.

© Чернышева А.Ю., 2026


ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.965

Балдова А.К.

Студентка 3 курса магистратуры ВятГУ,

г. Киров, РФ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

В статье анализируются зарождение и становление института российской адвокатуры. В статье рассмотрена правовая база, которая впервые создала независимую сословную организацию адвокатов. В качестве иллюстрации были привлечены материалы резонансных судебных процессов 1860-х годов.

Ключевые слова:

адвокатура, адвокатская деятельность, статус адвоката, государственное руководство адвокатурой, независимость адвокатуры.

Правление Александра II (1855–1881) стало периодом масштабных реформ, в ходе которых модернизация системы заложила основы для последующего развития адвокатуры как института.

Цель настоящей статьи - комплексный историко-правовой анализ реформирования института адвокатов в ходе Судебной реформы Александра II 1864 года направленный на выявление закономерностей ее развития и оценку применимости этого исторического опыта к современной правовой системе России.

Сложная, многоступенчатая судебная система, как правило, применяла меры, которые к началу правления Александра II были в полной мере понятны на всех уровнях российского общества.

Самой важной была Судебная реформа 1864 года: именно она заложила

основы профессии – адвокат. До судебной реформы Александра II в России не было профессиональной организованной адвокатуры в том виде, в каком она сложилась в 1864 году.

Российская судебная система была сословной: для дворян, горожан и крестьян существовали отдельные суды (окружные, мировые и административные). Судебная власть не была отделена от административной, что приводило к волоките и зависимости от чиновников. Судебное разбирательство было закрытым, без какого-либо состязательного характера.

Вслед за реформами 1860-х годов судебная система претерпела радикальные изменения, направленные на обеспечение независимости суда, предоставление широких возможностей для правовой защиты и распространение правовых знаний в обществе.

В этот период адвокатура начала трансформироваться из сферы деятельности, регулируемой исключительно строгими формальными правилами, в более автономную и структурированную составляющую новой, сложной системы. Это заложило основу для последующего развития профессионального самоуправления и соответствующих норм.

Первоначально автономия адвокатуры была ограничена государственной судебной системой и нормативно-правовой базой. Самоуправление и сильные региональные объединения формировались постепенно, тогда как полноценная центральная организация юристов, действующая как независимый институт, возникла позднее.

В ходе реформ 1860-х годов адвокаты получили право участвовать в судебных процессах в качестве защитников и правовых консультантов по гражданским и уголовным делам — нововведение, которое подняло эту профессию на новый уровень.

Были установлены требования к квалификации адвокатов, правила допуска к ведению дел и нормы обеспечения надлежащего уровня правовой помощи.

Важной составляющей организации профессиональной деятельности стали этапы подготовки, стажировки и квалификационные экзамены.

Регулирующие органы и реестры адвокатов: в этот период сформировались структуры, которые можно рассматривать как предшественников коллегий адвокатов и региональных профессиональных объединений. Их роль заключалась в контроле за соблюдением процессуальных норм и этических стандартов, а также в координации профессиональной подготовки в рамках новой судебной системы.

Государственные органы сохраняют значительный контроль над профессией, однако судебная реформа закладывает принципы баланса ролей суда, государства и адвоката — принципы, которые впоследствии эволюционировали в сторону большей автономии юридического сообщества.

В эпоху Александра II как в централизованной, так и в региональных судебных системах сформировались идеологические и институциональные основы адвокатской деятельности. Процесс реформирования привел к созданию объединений, в рамках которых юристы организовывались по территориальному признаку для координации вопросов профессиональной деятельности.

Вводились требования, касающиеся профессиональной подготовки, оценки знаний и соблюдения этических норм. Устанавливались процедуры контроля квалификации и привлечения к дисциплинарной ответственности, которые станут фундаментом будущего саморегулирования.

Адвокат становится участником процесса не только в качестве представителя клиента, но и как независимый правовой эксперт, способный формулировать правовые доводы, использовать процессуальные средства защиты и отстаивать права сторон в рамках действующего законодательства.

Именно в этот период начинают формироваться основополагающие принципы адвокатской этики — конфиденциальность, ответственность перед клиентом, добросовестность и уважение к верховенству права, — которые впоследствии были систематизированы в кодексах и нормативных актах.

Судебная реформа 1860-х годов стала решающим фактором перехода от произвольной адвокатуры к более систематизированной и упорядоченной. Именно в этот период были заложены основы профессионального роста, подготовки кадров и контроля за соблюдением этических норм.

Повышение правовой грамотности, усиление роли адвокатов в защите гражданских прав и участие в обеспечении правопорядка способствовали формированию более демократичной правовой культуры, в которой ценятся верховенство права и защита прав личности.

Период с 1860 по 1881 год стал «золотым веком» российской адвокатуры.

Судебная реформа Александра II (1864 г.) ввела в России гласное состязательное судопроизводство и институт присяжных поверенных (адвокатов). На этот период пришелся ряд громких политических и уголовных процессов.

Известным судебным оратором в истории России был Фёдор Никифорович Плевако. Он вел дело Игумении Митрофании (1874 г.). Так же известной как баронесса Прасковья Григорьевна Розен (в монашестве Митрофанией), обвиненной в мошенничестве, подлоге векселей и присвоении чужих денег. Фёдор Никифорович Плевако выступал на стороне гражданских истцов (потерпевших). В результате данного дела виновность Игумении была полностью доказана, её сослали в Сибирь.

Не менее известным адвокатом, был Пётр Александров. Он занимался множеством дел - например, в 1878 году вёл дело Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Федора Трепова за приказ высечь розгами политзаключённого. Александров произнёс гениальную речь, сместив акцент с преступления подсудимой на произвол чиновников, и в результате суд присяжных полностью её оправдал.

Так же в данном деле участвовал Анатолий Фёдорович Кони прославившись как выдающийся практик, защитник и теоретик Судебной реформы 1864 года, воплотивший в жизнь её лучшие демократические принципы — независимость

суда, гласность и состязательность.

По делу Веры Засулич председатель Петербургского окружного суда А. Ф. Кони проявил исключительное мужество. Он не поддался давлению властей и обеспечил честный суд присяжных. Оправдательный вердикт подсудимой стал ярким примером независимости правосудия от воли чиновников.

Позже у А.Ф. Кони будет более громкое дело — «Дело вятских вотяков» или «Мултанское дело»

В мае 1892 года у села Старый Мултан нашли обезглавленное тело нищего крестьянина Конона Матюнина. Местные правоохранительные органы, опираясь на предрассудки и слухи, выдвинули версию, что мужчину убили местные удмурты-язычники с целью ритуального жертвоприношения (якобы для избавления от неурожая и болезней).

В ходе следствия использовались жесткие методы давления. На первых двух судах присяжные признали подсудимых виновными, и семеро крестьян были приговорены к каторге.

Дело получило всероссийский масштаб после того, как к нему подключились правозащитники:

Владимир Короленко — известный писатель и публицист лично приехал на судебные заседания. Он провел независимое расследование, опубликовал серию разоблачительных статей и привлек внимание ведущих юристов страны.

Анатолий Кони — выдающийся юрист и обер-прокурор Сената содействовал отмене первых неправосудных приговоров.

На третьем, решающем судебном процессе в июне 1896 года в Мамадыше присяжные заседатели признали всех обвиняемых невиновными. С них сняли страшное обвинение в ритуальном человеческом жертвоприношении языческим богам.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Эпоха Александра II стала важной ступенью в истории: судебная реформа

заложила основы профессиональной организованной адвокатуры. В этот период начали формироваться элементы профессионального сообщества: требования к квалификации, регулятивные рамки, принципы этики и роль адвоката как независимого защитника в суде. Именно это стало важным шагом на пути к модернизации правовой системы и укреплению правовых принципов в обществе, на которых строилась и строится российская адвокатура.

Список использованной литературы:

1. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: В 2 т. Пг., 1914; Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. М., 1910; Фукс В. Суд и полиция: В 2 ч. М., 1889.

2. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов, 1963; Он же. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.

4. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX - начало XX вв. Саратов, 1999.

5. Демичев А.А. Институт российского суда присяжных (1864 - 1917 гг.). Н. Новгород, 2002.

© Балдова А.К., 2026

УДК 347.965

Балдова А.К.

Студентка 3 курса магистратуры ВятГУ,

г. Киров, РФ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ АГНЛИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ (18-19 века)

В статье анализируется организационная модель английской адвокатуры. В статье выявлены ключевые проблемы в регулировании организации английской адвокатуры.

Ключевые слова:

английская адвокатура, Barristers, Solicitors, Inns of Court, serjeants-at-law, Queen’s Counsel, Judicature Acts, история права.

Английская адвокатура одна из сложных систем саморегулируемых профессий.

Цель настоящей статьи - комплексный историко-правовой анализ реформирования категорий английских адвокатов и законодательных реформ 1873–1875 годов.

В начале 18-ого века в Англии продолжает активно развиваться институт адвокатуры.

При рассмотрении адвокатуры в Англии 18 века можно выделить два основных функциональных аспекта — и, как следствие, обособленные институты, осуществлявшие эти различные функции. Следует отметить, что основные направления деятельности данной профессии — нацеленные на достижение ее целей и выполнение задач, в которых воплощались фундаментальная правовая природа и общественное предназначение этого института, — заключались в

следующем:

1. Barristers (адвокаты, выступающие в суде) - заключался в непосредственном представлении интересов лиц в суде. Адвокаты, осуществляющие именно такие функции являлись основополагающим составным элементом юридического сообщества Англии. Обобщенное название данного класса адвокатов – барристеры (англ. Barristers).

2. Solicitors (солиситоры, занимающиеся подготовкой документов, делопроизводством и представительством клиентов на этапе подготовки). - заключался в подготовке процессуальных документов, сбора необходимой информации для успешного выступления в суде барристера, осуществлении юридических консультаций по различным правовым вопросам. Обобщенное название данного класса адвокатов – солиситоры или же стряпчие (англ. solicitors).

Стремительное развитие, эволюция и введение изменений – именно такими характеристиками, по отношению к институту адвокатуры в Англии, можно охарактеризовать период 19-ого века. Относительная стабильность и сохранение традиций правового статуса барристеров и солиситоров приводила к деградации института адвокатуры и системы правосудия. Таким образом, органы государственной власти Великобритании приняли решение – отступить от традиционного понимания английской адвокатуры и осуществлять переход к естественно – правовой концепции. Это выражалось в провозглашении новых принципов судебной системы, изменении ее функциональной составляющей, что прямо отразилось на полномочиях барристеров и солиситоров.

В 1836 году окончательно был сформулирован и закреплён принцип, гарантирующий каждой личности право на судебную защиту. Так, барристеры наделялись полномочиями по защите подозреваемых в государственной измене, краже, убийстве и в других тяжких/особо тяжких преступлениях. Данная реформа значительно расширяла легислатуру английских адвокатов.

Рост числа дел и усложнение процедур обусловили необходимость более

системного подхода к подготовке юристов, а также перераспределения ролей между судами, юридическим сообществом и государственными органами.

Со временем значимость высокопоставленных юристов снизилась, и к концу 19 века особый привилегированный статус serjeants-at-law (сержантов права) исчез — этот процесс отражал переход к более «плоской» карьерной структуре в адвокатском сообществе (среди барристеров).

Законодательные реформы 1873–1875 годов радикально изменили судебную систему Англии: объединение судов общего права и суда по делам справедливости под едиными структурами Верховный суд и Апелляционный суд. Эти изменения повлияли на акценты в практике адвокатуры и на карьерные траектории: новая устроенность требовала более тесной координации между двумя ветвями профессии и повысила требования к обучению и профессиональной подготовке.

В 19 веке роль регулирующих органов и профессиональных объединений (таких как Юридическое общество и другие организации, контролирующие деятельность солиситоров и барристеров) снизилась. Это привело к унификации профессиональной практики, формализации системы оплаты услуг и повышению прозрачности в вопросах регулирования профессионального поведения юристов.

Постепенно возрастает роль формального юридического образования и систематизации процесса подготовки (включая учебные курсы, программы и требования к стажировкам) постепенно возрастает, создавая предпосылки для большей открытости профессии в будущем.

На фоне реформ 19 века солиситоры все чаще становились участниками судебной практики и имели больше возможностей выступать в ряде процессов, ранее закрытых для них. Это способствовало уменьшению перегруженности судов и расширению доступа к правосудию.

Объединение судов высшей и апелляционной инстанций влечет за собой изменения в организации юридической профессии. В связи с этим требуются новые правила, определяющие роль юристов, и новые процедуры подготовки дел, что

свидетельствует о движении к более интегрированной системе правосудия в целом.

Рост числа регулирующих органов и профессиональных объединений привел к более строгому контролю за соблюдением этических норм и стандартов поведения, что способствовало укреплению доверия к юридической профессии и повышению ее авторитета в глазах клиентов и судов.

Подводя итог, можно сказать, что эволюция организации английской юридической профессии в 18-19 веках характеризовалась переходом от системы, носившей преимущественно избранный и закрытый характер, к системе более регулируемой, профессионализированной и открытой.

Реформы, такие как усовершенствование структур, введение статуса QC, а также фундаментальная переорганизация судебной системы через Judicature Acts (Акты о судоустройстве), оказали существенное влияние на траектории карьеры адвокатов и на доступ к правосудию. Эти изменения стали предвестниками дальнейшей эволюции английской адвокатуры в 18-19 веках — к более современным формам подготовки, лицензирования и регулирования профессии.

Список использованной литературы:

1. Исторические обзоры английской адвокатуры и правовой системы эпохи XVIII–XIX вв. (обзорная литература по истории права и профессии).

2. Gundermann. Richteramt and Advocatur in England. London, 1870.

3. Казачанская, Е.А. Возникновение и развитие английской адвокатуры / Е А. Казачанская // The Genesis of Genius. – 2014. – № 3-1. – С. 164-166.

4. Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / Пер. с англ. ; под ред. Р.М. Ходыкина. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. 7 с. - ISBN 978-5-9998-0093-0.

5. Миддлтон, Д. Адвокатура Англии и Уэльса в эпоху перемен адвокатура Англии и Уэльса в эпоху перемен / Д. Миддлтон // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 1(46). – С. 112-116.

© Балдова А.К., 2026

УДК 342.9:004:332.1

Долгоруков Д.С.

магистрант ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля»,

г. Луганск, РФ

Научный руководитель: Жокабине Н.Ф.,

канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры

предпринимательского права и арбитражного процесса

ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля»,

г. Луганск, РФ

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности информационно-правовых основ экономической безопасности региона. Делается акцент на теоретическом аспекте понятия и некоторых правовых коллизиях. На примере анализа актов Свердловской области и республики Татарстан делается вывод, что региональное нормотворчество в исследуемой сфере носит фрагментарный характер, не создает самостоятельного правового института и не способно заменить собой федеральное регулирование.

Ключевые слова:

экономическая безопасность; экономическая безопасность региона; субъект; информационно-правовое обеспечение; правовые основы; правовое регулирование.

Dolgorukov D. S.,
master's student at the
FSBEI HE «Lugansk State University named after V. Dahl»,
Lugansk, RF
Scientific supervisor: Zhokabine N.F.,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Business Law and Arbitration,
FSBEI HE «Lugansk State University named after V. Dahl»,
Lugansk, RF

INFORMATION AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION

Annotation

The article examines the features of the information and legal foundations of the economic security of a region. The focus is on the theoretical aspect of the concept and some legal conflicts. Based on an analysis of the acts of the Sverdlovsk Region and the Republic of Tatarstan, it is concluded that regional rule-making in the area under study is fragmentary, does not create an independent legal institution, and cannot replace federal regulation.

Keywords:

economic security; economic security of a region; subject; information and legal support; legal foundations; legal regulation.

Актуальность статьи связана со следующими постулатами. Сегодня, особенно в период напряженной геополитической обстановки, важна информационная составляющая экономической безопасности субъекта (региона) любого

государства. Однако регулирование региональной информационной безопасности экономики и проблемы защиты агрегированных данных отличается фрагментарностью.

Важно рассмотреть – что именно в правовой науке понимается под «экономической безопасностью региона», поскольку отражения на законодательном уровне понятие пока не получило. Обратимся к нормативно-правовому регулированию Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [3], который закрепляет общие принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности — но региональный срез экономической безопасности там прямо не назван. Если рассмотреть подзаконный уровень актов Российской Федерации, изначально выделяется Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [7]. Касательно проблематики исследования здесь интересно наличие категории «экономическая безопасность» как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз. Под угрозами законодатель понимает совокупность факторов, способных дестабилизировать в том числе и экономику субъекта РФ. Создается двоякая ситуация – правовая база Российской Федерации в некоем роде признает региональный аспект, но через общие контуры, без строгой детализации.

Экономическая безопасность является всеохватывающим, комплексным понятием, она нацелена на преодоление угроз во всех смежных социально ориентированных и производственных сферах общества, находящихся в прямой зависимости от экономики. Поэтому преодоление всех возможных угроз требует создания эффективного механизма, обеспечивающего должный уровень экономической безопасности. Традиционно механизм экономической безопасности рассматривают как совокупность организационных, экономических и правовых мер по предотвращению угроз, он состоит из следующих элементов:

1) прогнозирование социально-экономических показателей;

2) мониторинг и анализ факторов и процессов, определяющих внутренние и внешние угрозы экономической безопасности для государства;

3) разработка и реализация органами исполнительной власти мер по предотвращению вероятных угроз экономической безопасности России по всем сферам и отраслям экономики;

4) экспертиза проектов законодательных и иных нормативных и правовых актов по финансовым и хозяйственным вопросам с позиции защищенности национальных интересов государства в области экономики от внутренних и внешних угроз [13, с. 262].

Е.В. Коновалова считает: «сущность региональной экономической безопасности как механизма, обеспечивающего защищенность системы, раскрывается в выявлении угроз и их источников, конкретизации индикаторов и сопоставлении показателей с пороговыми (предельно-допустимыми) значениями.» [11, с. 86].

О.А. Бурбело, А.В. Родионов, Н.Ф. Жокабине отмечают — при анализе гипотетической или практической модели угроз, которые релевантны информационной системе конкретного субъекта, в качестве отдельных единиц защиты и оптимизации обычно рассматриваются: входящие и исходящие информационные потоки, программные средства, методы управления безопасностью, элементы архитектуры информационной сети [10, с. 197].

Исследуя правовую базу экономической безопасности региона в России, нельзя не обратить внимание на ст. 4 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], где закреплен принцип достоверности информации и своевременности ее предоставления. Применительно к проблематике исследования принцип трансформируется в требование к информационным системам органов государственной власти субъекта Российской Федерации обеспечивать сбор и

анализ данных о социально-экономическом положении в режиме времени, близком к реальному. Несоблюдение требования, уже само по себе может создавать угрозу — запоздалое выявление, допустим, резкого снижения налоговых поступлений от градообразующего предприятия парализует возможность быстрой реакции.

Сейчас часть правовых механизмов, созданных на федеральном уровне, слабо адаптирована к региональной специфике. Определим важную проблему: статья 16 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» обязывает обладателя информации и оператора информационной системы предотвращать негативные последствия нарушения порядка доступа [4]. Но кто именно является таким обладателем, когда речь идет о массиве данных, консолидированных из муниципальных отчетов, обработанных региональным минэкономразвития и переданных в федеральную систему «Электронный бюджет»? То есть возникает правовая неопределенность с разграничением ответственности, и региональные представители органов местного самоуправления зачастую подписывают соглашения, где оператором значится федеральный центр, у региона остаются только обязанности, но не права по оперативному блокированию утечек.

Совсем иная ситуация наблюдается в контексте региональных экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Допустим, регион запускает платформу предиктивной аналитики налоговой базы на основе искусственного интеллекта. В рамках экспериментального правового режима, установленного согласно Федерального закона № 258-ФЗ от 31.07.2020 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [6], могут быть временно «смягчены» требования по обезличиванию персональных данных. Но что будет с прогнозными моделями, обученными на массиве данных, после завершения трехлетнего ЭПР? Закон предписывает прекратить обработку, но о перспективах использования уже

созданной модели, как об объекте информационного права, умалчивает. Видится коллизия — модель, по сути, «запоминает» закономерности, и ее дальнейшее применение может нести риски нелегитимного использования сведений, которые формально больше не обрабатываются.

Обратимся к еще одному спорному моменту – режиму открытых данных. Положения Федерального закона № 8-ФЗ от 09.02.2009 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» обязывают ОМС публиковать сведения о расходовании бюджетных средств, о текущем состоянии экономики, о планируемых закупках [5]. Одновременно этот же акт требует соблюдать требования к защите информации. Слишком детальная открытость способна сама превратиться в угрозу экономической безопасности. Допустим, детальные карты размещения объектов критической информационной инфраструктуры или точные координаты сил экстренного реагирования. То есть логично, что попадание таких сведений в публичный контур недопустимо.

Еще один характерный аспект — правовой режим больших данных (Big Data) в государственном управлении. Концепция правового регулирования оборота больших данных до сих пор не оформлена в виде отдельного федерального закона, хотя законопроекты вносились в 2022 и 2024 годах. Субъекты Российской Федерации активно внедряют аналитические панели губернатора, куда стекаются обезличенные данные о передвижении граждан, покупках, загрузке многофункциональных центров (МФЦ). Юридическая квалификация такого массива — не персональные данные, не гостайна, но и не общедоступная информация — размыта. В случае утечки применение ст. 13.11 КоАП РФ осложнено именно тем, что прямые идентификаторы удалены [2]. Существует следующий риск – агрегированные профили муниципальных образований могут использоваться злоумышленниками для дестабилизации локальных рынков. Концепция юридической защиты больших данных в жизни пока реализуется только на общих

нормах о конфиденциальности и на соглашениях о неразглашении. Естественно, для публично-правовых отношений перечисленного явно недостаточно.

Экономическая безопасность региона традиционно определяется уровнем экономической независимости, стабильностью и устойчивостью экономики, а также способностью региона к саморазвитию. Социально-экономическое развитие для каждого из регионов РФ имеет свои уникальные особенности, что объясняется географическим положением, наличием определенного ресурсного потенциала, а также видом и способом выбранного для региона производства. Но сейчас в субъектах Российской Федерации на настоящий момент накоплен незначительный опыт разработки региональной нормативной базы по вопросам информационно-правовых основ в области экономической безопасности. Э. Д. Поддуева обращает внимание на указанную сложность: «Создание региональных правовых основ экономической безопасности на нынешнем этапе идет весьма неторопливо. При этом в субъектах РФ, как правило, следуют за правовым федеральным нормотворчеством, стараясь чутко улавливать его направленность и не вступать в противоречия с ним.» [12, с. 479].

Сложно найти локальный правовой акт уровня субъекта Российской Федерации, непосредственно связанный с информационно-правовыми основами экономической безопасности региона, потому что каждый по-своему закрывает отдельный сегмент этой проблемной области. Проанализируем действие актов на мезоуровне (Постановление Правительства Свердловской области от 27.12.2022 № 977-ПП «Об информационной системе для организации мониторинга социально-экономического развития Свердловской области» [8]) и микроуровне (Приказ Министерства экономики РТ от 06.06.2016 № 181 «Об утверждении примерного стандарта деятельности служб экономической безопасности предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Татарстан» [9]).

Постановление Правительства Свердловской области от 27.12.2022

№ 977- ПП утверждает межведомственную ГИС, отвечая за закрепление, автоматизированный сбор данных на уровне субъекта единой базы показателей социально-экономического развития [8]. Локальный документ предусматривает требования к защите информации: проводится аттестация, готовятся должностные лица, ответственные за защиту, подключается ЕСИА. Но придем к выводу, что акт именно формально решает задачи стратегического планирования и оценки эффективности. То есть правовая неопределенность статуса агрегированных данных подтверждается на примере свердловской системы. Собирает она показатели из разных источников. Однако кто является обладателем информации и оператором по ст. 16 Федерального закона №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — остается неясным [4]. Та же коллизия, что и с «Электронным бюджетом», где постановление назначает оператора системы, но не разграничивает ответственность за утечки между ведомствами и оператором. Система оперирует показателями, которые могут быть агрегированными или ограниченного доступа. Аттестация есть, но специального режима для аналитических моделей и производных данных нет.

Приказ Министерства экономики РТ от 06.06.2016 № 181 принят в Татарстане для методической помощи организациям [9]. Опирается на законы о коммерческой тайне, безопасности, информации. В акте закрепляются принципы: законность, экономическая целесообразность, превентивные и реактивные меры, непрерывность, дифференцированность, координация, подконтрольность руководству. Информационная безопасность входит в общую систему. Согласно исследуемому правовому акту, служба безопасности сокращает угрозы информационным ресурсам. Однако о взаимодействии с государственными системами, защите агрегированных массивов, обмене с региональными органами в Приказе — ни слова. Следственно, перед нами локальный корпоративный инструмент, не регулирующий публично-правовые отношения. Ни один акт не формирует информационно-правовой основы экономической безопасности

региона в указанном смысле. Оба документа касаются вопросов фрагментарно. Подтверждают неторопливость формирования региональной базы. Таким образом, информационно-правовые основы экономической безопасности региона на уровне субъектов РФ закреплены фрагментарно. Наиболее предметно — в Республике Татарстан и Свердловской области. В остальных случаях регулирование либо устарело, либо носит рамочный характер без прямой привязки к информационному обеспечению экономической безопасности.

В каких-то субъектах акт концепции экономической безопасности регион был принят, действовал, но утратил силу. В других республиках, краях, областях России вопросы информационно-правовых основ экономической безопасности на локальном уровне представлены в стратегиях социально-экономического развития. Сложно поспорить с фактом, что в первую очередь в регионах действует федеральное законодательство, а только потом уровнями ниже. Если принимать что-то новое, то региональное нормотворчество в этой сфере неизбежно превращается в переложение федеральных норм. Информация и связь отнесены п. «и» ст. 71 Конституции РФ к федеральному ведению [1]. Вторгаться субъекту в установление правовых режимов информации недопустимо — возникнет конкуренция норм и разрыв единого правового пространства. Допустимо другое: детализация правил эксплуатации собственных государственных информационных систем субъекта. Так и поступают. Закон Свердловской области от 20.10.2011 № 94-ОЗ [8] и постановление Правительства Свердловской области от 27.12.2022 № 977-ПП [9] регулируют создание и защиту региональной ГИС, не претендуя на самостоятельный правовой институт экономической безопасности. Отдельный акт породил бы дублирование, терминологический разнобой и поводы для прокурорского реагирования. Ограничиться следует правоприменением.

Вместе с тем работа по формированию достаточно прочных правовых основ экономической безопасности в нашей стране, особенно в ее регионах, еще далека от завершения. Предстоит устранить пробелы в правовом режиме агрегированных

данных и разграничить ответственность операторов региональных информационных систем, чтобы защита сведений, значимых для экономики территории, была реальной, а не формальной.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, включая новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 24.09.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон [принят Гос. Думой 20.12.2001] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. О безопасности: Федер. закон [принят Гос. Думой 07.12.2010] // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон [принят Гос. Думой 08.07.2006] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

5. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федер. закон [принят Гос. Думой 21.01.2009] // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федер. закон [принят Гос. Думой 22.07.2020] // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

7. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

8. Об информационной системе для организации мониторинга социально-

экономического развития Свердловской области: постановление Правительства Свердловской обл. от 27.12.2022 № 977-ПП // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: http://www.pravo.gov66.ru. Номер опубликования: 6600202212290034. Дата опубликования: 29.12.2022.

9. Об утверждении примерного стандарта деятельности служб экономической безопасности предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Татарстан: приказ М-ва экономики Респ. Татарстан от 06.06.2016 № 181 // Официальный портал Министерства экономики Республики Татарстан. URL: https://mert.tatarstan.ru (дата обращения: 24.09.2026).

10. Бурбело О.А. Государственная и региональная экономическая безопасность: сущность, структура, вызовы цифровизации: монография / О.А. Бурбело, А.В. Родионов, Н.Ф. Жокабине. – Луганск: ООО «НПК «Перспектива», 2026. – 310 с.

11. Коновалова Е.В., Гусева Е.С. Правовое регулирование как основа механизма обеспечения региональной экономической безопасности // Актуальные вопросы профессиональной деятельности юриста. М.: ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. С. 83-92.

12. Поддуева Э.Д. Правовое регулирование экономической безопасности субъекта Российской Федерации // Аллея науки. 2022. Т. 2, № 5(68). С. 376-381.

13. Филипенко Т.В. Применение системного подхода к правовому регулированию экономической безопасности региона // Вестник Института экономических исследований. 2025. № 4(40). С. 260-267.

List of references:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020, including the new subjects of the Russian Federation — the Donetsk People’s Republic, the Luhansk People’s Republic, the Zaporizhzhia Region, and the Kherson Region // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (date of application: 24.09.2026).

2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law the law [adopted by the State Duma on December 20, 2001] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

3. On security: Federal Law The law [was adopted by the State Duma on 07.12.2010] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 2.

4. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal. The law [was adopted by the State Duma on 08.07.2006] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

5. On ensuring access to information about the activities of state bodies and local self-government bodies: Federal. The law [adopted by the State Duma on January 21, 2009] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 7. Art. 776.

6. On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation: Federal law [adopted by the State Duma on July 22, 2020] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.

7. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated 13.05.2017 No. 208 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2902.

8. On the information system for organizing monitoring of the socio-economic development of the Sverdlovsk Region: Resolution of the Government of the Sverdlovsk Region dated December 27, 2022, No. 977-PP // Official Internet Portal of Legal Information of the Sverdlovsk Region. URL: http://www.pravo.gov66.ru. Publication number: 6600202212290034. Date of publication: 12/29/2022.

9. On approval of the approximate standard for the activities of economic security services of enterprises and organizations Operating in the Republic of Tatarstan: order of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan. Tatarstan dated 06.06.2016 No. 181 // Official portal of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan. URL: https://mert.tatarstan.ru (date of reference: 09/24/2026).

10. Burbelo O.A. State and regional economic policy Security: the essence, structure, and challenges of digitalization: a monograph / O.A. Burbelo, A.V. Rodionov, N.F. Zhokabine. — Lugansk: NPK Perspektiva LLC, 2026. — 310 p.

11. Konovalova E.V., Guseva E.S. Legal regulation as the basis of the mechanism for ensuring regional economic security // Actual issues of professional activity of a lawyer. Moscow: LLC «RHYTHM: publishing house, technology, medicine», 2023. pp. 83-92.

12. Poddueva E. D. Legal regulation of economic security of a subject of the Russian Federation // Alley of Science. 2022. Vol. 2, No. 5(68). Pp. 376-381.

13. Filipenko T. V. Application of a systematic approach to the legal regulation of the economic security of the region // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2025. No. 4(40). Pp. 260-267.

© Долгоруков Д.С., 2026

УДК 347.736

Заманов А.М.,

магистрант 2 курса

Научный руководитель: Арсентьева Н. А.

Кандидат исторических наук

Университет «Синергия»,

г. Москва, Россия

СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАН: НЕЗАВИСИМОСТЬ И ДОСТУПНОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ 2030 ГОДА

Аннотация

Актуальность исследования связана с введением в 2030 году случайного выбора финансового управляющего. Цель - оценить его значение для независимости выбора и доступности банкротства граждан. Использованы формально-юридический анализ и сопоставление действующих и будущих норм. Выявлено, что новый порядок сохраняет возможность отказов управляющих. Предлагается раздельно оценивать независимость выбора и доступность процедуры, проверять порядок отбора и исследовать условия финансирования.

Ключевые слова:

банкротство граждан; финансовый управляющий; случайный выбор; независимость; доступность процедуры; саморегулируемая организация; вознаграждение.

Постановка проблемы

Случайный выбор кандидатуры финансового управляющего способен уменьшить влияние участников дела на ее определение, однако сам по себе не

гарантирует гражданину доступ к судебному банкротству. Для начала и проведения процедуры необходимы не только независимый способ отбора, но и управляющий, готовый принять соответствующие обязанности. Независимость отбора и возможность своевременно получить согласие управляющего требуют отдельной оценки.

Предмет исследования - соотношение будущего порядка случайного выбора с организационными и экономическими условиями участия финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина. Используются формально-юридический анализ норм и сопоставление законодательных положений с научными подходами и судебной практикой. Нормативный материал рассмотрен по состоянию на 6 октября 2026 года. Положения, которые начнут применяться в 2030 году, анализируются как будущая модель регулирования, а не как уже сложившаяся практика.

Согласие управляющего и доступность банкротства

По общему правилу участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина обязательно. Порядок утверждения финансового управляющего регулируется статьей 213.9 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4, ст. 213.9]. Поэтому поиск управляющего нельзя считать исключительно частной договоренностью должника с исполнителем услуг. От представления надлежащей кандидатуры зависит возможность реализации предусмотренного законом судебного механизма.

Проблема согласия управляющего обсуждалась до принятия реформы. И.В. Степаненко рассматривает затруднения при получении такого согласия и предлагает использовать при разработке механизма утверждения финансовых управляющих аналогию с назначением защитника в уголовном судопроизводстве [5, с. 46]. Возникает вопрос: как обеспечить участие управляющего, если гражданин не смог самостоятельно найти кандидатуру?

Экономическую сторону проблемы выделяет Л.В. Борисова. В опубликованной

издателем аннотации к ее статье отказ управляющего от участия в деле связывается с несоразмерностью вознаграждения и рисков ответственности [1, с. 35–38]. Эта постановка вопроса позволяет отделить отсутствие желающих вести конкретное дело от недостатков способа выбора между уже согласившимися кандидатами. Если отказ обусловлен условиями ведения дела, изменение порядка отбора не обязательно повышает заинтересованность управляющих.

Действующая фиксированная часть вознаграждения финансового управляющего составляет 25 000 рублей единовременно за проведение одной процедуры. Помимо нее законом предусмотрены проценты и возмещение расходов [4, ст. 20.6]. Указанную сумму нельзя отождествлять с полной стоимостью банкротства для гражданина. Однако в деле без реализуемого имущества ожидаемое вознаграждение может не соответствовать необходимым трудозатратам. Отсутствие конкурсной массы также не означает отсутствия работы: сохраняется необходимость проверки финансового положения, сделок и заявленных требований.

Порядок действий суда при отсутствии кандидатуры управляющего разъяснен в пункте 10 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2023 года. При отсутствии кандидатуры суд должен обратиться в другие саморегулируемые организации с максимальным охватом. После отрицательных ответов и проверки обоснованности заявления суд извещает кредиторов, предоставляя им возможность содействовать поиску управляющего. При соблюдении изложенных в Обзоре условий допускается завершение процедур с освобождением гражданина от обязательств [2, п. 10]. Это не автоматическое списание долга вследствие первого отказа, а судебное решение после необходимых проверок и процессуальных действий.

Данная позиция показывает, что отсутствие представленной кандидатуры само по себе не должно лишать гражданина права на финансовую реабилитацию.

Вместе с тем завершение дела без обычного участия управляющего не может служить универсальной организационной моделью. При оценке будущего порядка отбора важно установить, помогает ли он своевременно получить кандидатуру, соответствующую требованиям закона.

Будущий порядок случайного выбора

Федеральный закон от 26 июля 2026 года № 253-ФЗ предусматривает новые статьи 44.1–44.3 Закона о банкротстве, включая регистр арбитражных управляющих и порядок определения кандидатуры с применением случайного выбора. Соответствующий порядок и связанное с ним изменение пункта 2 статьи 213.9 начнут применяться с 30 марта 2030 года [3, ст. 1, п. 45, 95; ст. 11, ч. 4]. Следовательно, речь идет об уже принятом законодательном решении с отложенным применением, а не о проекте закона.

Сфера действия новой статьи 44.3 ограничена предусмотренными в ней случаями. Предусмотренный ею порядок применяется к делам, возбужденным по заявлению должника или уполномоченного органа. Нельзя распространять ее без оговорок на любое дело, инициированное конкурсным кредитором. Граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, включены в первую группу должников. Кроме того, закон содержит переходные положения, которые необходимо учитывать при определении порядка выбора в конкретном деле [3, ст. 1, п. 45; ст. 11].

В обычном порядке саморегулируемые организации получают возможность предложить от двух до пяти кандидатур своих членов, давших согласие на утверждение. После предусмотренного законом отбора случайный выбор проводится среди оставшихся кандидатов с использованием программно-аппаратного комплекса регистра. Если поступило предложение только одной саморегулируемой организации, случайный выбор осуществляется между предложенными ею кандидатами [3, ст. 1, п. 45, будущая ст. 44.3, п. 7–10]. Следовательно, это не равновероятное распределение всех дел между всеми

управляющими страны: состав участников предварительно формируется с учетом законных требований и предложений саморегулируемых организаций.

Для случаев отсутствия предложений установлена последовательность повторных процедур выбора. Если повторные процедуры выбора не дают результата в отношении должника-гражданина, предусмотрен дополнительный механизм случайного выбора среди членов соответствующих саморегулируемых организаций, включая управляющих с нулевым количеством баллов. При этом учитываются сведения о территории согласия управляющего и временном отказе от участия в отборе. Выбранный таким способом управляющий вправе сообщить о согласии или отказе в течение пяти рабочих дней; отсутствие ответа признается отказом. После пяти отказов подряд любой управляющий может предложить свою кандидатуру, а прием предложений прекращается с поступлением первого предложения [3, ст. 1, п. 45, будущая ст. 44.3, п. 12–15].

Важно различать режимы согласия: кандидат, представленный саморегулируемой организацией в обычном порядке, не вправе отозвать уже данное согласие, тогда как для дополнительного механизма закон прямо предусматривает возможность отказа. Поэтому реформу нельзя описывать как безусловное принудительное назначение управляющего на любое дело. Результат отбора также не заменяет судебное утверждение: суд проверяет законные требования к кандидатуре и при наличии предусмотренных оснований может утвердить другого участника отбора [3, ст. 1, п. 45, будущая ст. 44.3, п. 7, 14, 19–22].

Оценка ожидаемых последствий

Предполагаемое преимущество случайного выбора заключается в ограничении возможности заранее согласовать итоговую кандидатуру между участниками дела. Однако результат зависит и от того, кто допущен к отбору. Если кандидатам необоснованно отказано в выдвижении или в круг участников включено заинтересованное лицо, случайный выбор сам по себе не устраняет эти нарушения. При оценке независимости отбора необходимо проверять

заинтересованность кандидатов, доступ членов саморегулируемой организации к выдвижению и основания исключения кандидатур. Такая проверка дополняет контроль технической корректности случайного выбора.

Дополнительный порядок для граждан расширяет способы поиска управляющего, но сохраняет возможность последовательных отказов. Поэтому в экономически непривлекательных делах может сохраниться недостаток управляющих, согласных участвовать в процедуре. Оценить фактические последствия реформы пока невозможно, поскольку новый порядок еще не применяется. Этот риск следует проверить после начала применения новых правил.

Для оценки доступности процедуры целесообразно учитывать срок от начала отбора до судебного утверждения, количество повторных отборов и отказов, долю дел, в которых кандидатура не представлена. Эти показатели следует сопоставлять с наличием имущества у должника и регионом проведения процедуры. Независимость выбора требует отдельного изучения соблюдения правил допуска кандидатов, проверки их заинтересованности и обоснованности исключения из отбора. Сокращение времени ожидания и числа нерезультативных отборов позволит оценить организационную доступность процедуры, но само по себе не подтвердит независимость выбранного управляющего.

До начала применения новых правил предлагается обеспечить возможность проверить последовательность действий в регистре: какие предложения поступили, какие кандидатуры исключены, по какому основанию проведен повторный отбор и какой результат передан суду. Проверяемость процедуры не требует раскрывать неограниченному кругу лиц все персональные данные; состав доступной информации должен соответствовать требованиям законодательства. Участникам дела и суду должны быть доступны сведения, необходимые для проверки соблюдения правил отбора.

Отдельного исследования требует финансирование дел малоимущих граждан.

Возможное изменение фиксированного вознаграждения либо создание специального механизма оплаты необходимо обосновывать расчетами трудозатрат, источниками средств и критериями доступа. Перенесение всей дополнительной нагрузки на должника может повысить доход управляющего и одновременно сузить доступ к банкротству. При оценке возможных изменений порядка финансирования следует учитывать как заинтересованность управляющих в участии, так и доступность процедуры для должника.

Вопрос о соответствии вознаграждения трудозатратам связан с оценкой работы финансового управляющего. В деле без ликвидного имущества низкое удовлетворение требований кредиторов само по себе не доказывает ненадлежащее исполнение обязанностей. При оценке работы предлагается учитывать полноту проверки обстоятельств, соблюдение сроков и установленные нарушения. Это предложение касается критериев оценки и не означает, что предусмотренная законом будущая система баллов учитывает только денежный результат.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что случайный выбор меняет порядок определения кандидатуры, но сохраняет значение согласия управляющего и условий ведения дела. Возможность отказов в дополнительном механизме дает основания предполагать, что экономические причины отсутствия желающих участвовать в процедуре могут сохраниться. Установить, насколько новый порядок повлияет на эту проблему, можно будет после начала его применения.

Для оценки реформы предлагается раздельно исследовать независимость отбора и организационную доступность процедуры. Проверка независимости должна охватывать заинтересованность кандидатов и обоснованность их допуска или исключения. Доступность следует оценивать по сроку ожидания управляющего, числу повторных отборов и отказов. Практические предложения

состоят в обеспечении проверяемости действий в регистре и исследовании условий финансирования дел малоимущих граждан. Эффективность этих предложений требует последующей проверки.

Список использованной литературы:

1. Борисова Л.В. О проблеме дисбаланса рисков ответственности и вознаграждения финансового управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Юрист. 2024. № 3. С. 35–38. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-3-35-38. Аннотация на сайте издателя [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-3-35-38 (дата обращения: 06.10.2026).

2. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33022 (дата обращения: 06.10.2026).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 253-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414553012/ (дата обращения: 06.10.2026).

4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 06.10.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 06.10.2026).

5. Степаненко И.В. Проблемный вопрос получения согласия арбитражного управляющего на утверждение финансовым управляющим имуществом должника в рамках процедуры банкротства гражданина // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 46–50. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-1-46-50.

© Заманов А.М., 2026

УДК 11

Морякова А.М.

Магистрант 3 курса, АОЧУ ВО «МФЮА»

г. Москва, РФ

Научный руководитель: Сацкевич Т.К.,

канд. юрид. наук, доцент, АОЧУ ВО «МФЮА»

г. Москва, РФ

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу правоприменительной практики на значения и исполнения административных наказаний в отношении иностранных г раждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Рассматрив аются новеллы миграционного законодательства, включая передачу полномочий по назначению административного выдворения должностным лицам органов вну тренних дел, введение режима высылки и реестра контролируемых лиц, а также в озможность замены выдворения штрафом по ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ. Выявляются си стемные проблемы: утрата судебного контроля при внесудебном выдворении, фо рмальный подход к оценке обстоятельств дела, диспропорция между масштабом реестра контролируемых лиц и реальным выдворением, переполненность центро в временного содержания. Предлагаются направления совершенствования законо дательства.

Ключевые слова:

Административная ответственность, иностранные граждане, лица без гражданства, административное выдворение, режим высылки, реестр контролируемых лиц, миграционный режим.

PRACTICE OF IMPOSING AND EXECUTING ADMINISTRATIVE PENALTIES ON FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Annotation

This article presents a comprehensive analysis of law enforcement practice regarding the imposition and execution of administrative penalties against foreign nationals and stateless persons within the Russian Federation. It examines recent amendments to migration legislation, including the transfer of authority to order administrative expulsion to officials of internal affairs agencies, the introduction of the "expulsion regime" and the registry of controlled persons, and the option to substitute expulsion with a fine under Part 3.8 of Article 4.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The study identifies systemic issues: the loss of judicial oversight in cases of extrajudicial expulsion, a perfunctory approach to assessing case circumstances, the disparity between the size of the registry of controlled persons and actual expulsions, and the overcrowding of temporary detention centers. Proposals for legislative improvement are offered.

Keywords:

Administrative liability, foreign citizens, stateless persons, administrative expulsion, expulsion regime, registry of monitored persons, migration regime.

Масштабная миграционная реформа 2024–2026 гг. существенно изменила основу административной ответственности за правонарушения в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

За период 2024-2025 были приняты следующие федеральные законы: Федеральный закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [1]; Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» [2]; Федеральный закон от 25.12.2023 № 649-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [3]; Федеральный закон от 04.08.2026 № 294-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»[4]; Федеральный закон от 10.06.2026 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [5].

А утверждение Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг. (Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738) сформировали новую систему правового регулирования, в которой административная ответственность играет центральную роль [6].

Если рассматривать статистику, за первое полугодие 2026 г. суды приняли около 100 тыс. решений об административном выдворении — в 2,6 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (2025 г.) [7].

При этом, на долю города Москвы пришлось около трети всех решений по «миграционной» статье 18.8 КоАП РФ — за первые шесть месяцев 2026 года в столице вынесли 16 тыс. решений о выдворении (рост почти в 2 раза по сравнению с первыми шестью месяцами прошлого года) [8].

Такой резкий рост связан с последовательным ужесточением миграционного законодательства. В частности, летом 2024 года был принят, а позже расширен перечень правонарушений (с 22 до 45 составов КоАП РФ), за совершение которых иностранным гражданам грозит обязательное выдворение

Указанные данные актуализируют необходимость научного осмысления практики назначения и исполнения административных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, выявления системных проблем и разработки предложений по совершенствованию законодательства.

Глава 18 КоАП РФ содержит 21 статью, устанавливающую ответственность за правонарушения в области обеспечения режима пребывания. По характеру

посягательства нормы могут быть классифицированы на шесть групп: правонарушения против режима Государственной границы (ст. 18.1–18.7); против режима пребывания (ст. 18.8, 18.11, 18.11.1, 18.12); против правил миграционного учёта (ст. 18.9, 18.9.1, 18.19, 18.20); в сфере трудовой деятельности (ст. 18.10, 18.15, 18.16, 18.17); против порядка исполнения решений о выдворении и депортации (ст. 18.14, 18.18); в сфере медицинского освидетельствования (ст. 18.21) .

Система административных наказаний, применяемых к иностранным гражданам, включает: административный штраф, административное выдворение за пределы РФ, обязательные работы (введены как альтернатива выдворению ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ), а также административное приостановление деятельности (для юридических лиц - принимающей стороны).

Административное выдворение занимает особое место в системе наказаний, поскольку является единственным видом административного наказания, применяемым исключительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Выдворение может назначаться в двух формах: контролируемый самостоятельный выезд и принудительное выдворение (помещение в специальное учреждение).

Наиболее значимой новеллой стало наделение с 5 февраля 2025 г. должностных лиц органов внутренних дел полномочиями по самостоятельному назначению административного выдворения по ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ без судебного решения (ФЗ № 248-ФЗ от 08.08.2024) [1]. До этого момента выдворение назначалось исключительно судом.

В доктрине данная новелла получила неоднозначную оценку. В.С. Пацевич доказывает, что сочетание у должностных лиц полиции контрольных и административно-юрисдикционных полномочий создаёт коррупциогенный фактор - должностное лицо самостоятельно инициирует проверку, выявляет нарушение и назначает наказание [9]. В.А. Забиран и В.И. Давлиева отмечают, что передача полномочий обусловлена массовым характером нарушений и необходимостью

оперативного реагирования [10].

Процедура обжалования несудебных постановлений о выдворении существенно ограничена по сравнению с судебной процедурой. Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 № 2967-О, отсутствие возможности кассационного обжалования постановлений несудебных органов, не проверявшихся в судебном порядке, не нарушает конституционных прав [11]. После истечения 10-дневного срока на обжалование несудебного постановления в суд кассационное обжалование становится невозможным. Это создаёт существенное ограничение доступа к правосудию по сравнению с судебной процедурой, где кассационное обжалование не обусловлено предварительным сроком.

Федеральный закон от 25.12.2023 № 649-ФЗ [3] ввёл ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ, предусматривающую возможность замены административного выдворения штрафом 40–50 тыс. руб. или обязательными работами 150–200 ч. при наличии совокупности условий: наличие в РФ близких родственников, постоянного места жительства, легального источника дохода.

Анализ судебной практики показывает противоречивый подход к применению данной нормы.

Положительная практика. Решением суда по делу № 12-956/2025 от 27.10.2025 принудительное выдворение гражданина Узбекистана заменено штрафом 40 тыс. руб. с учётом семейного положения и длительности проживания в РФ[12].

Отрицательная практика. Постановлением Пятого кассационного суда от 24.01.2025 № 16-244/2025 отказано в замене выдворения штрафом, несмотря на наличие супруги-гражданки РФ и несовершеннолетнего ребёнка. Суд указал, что длительное незаконное пребывание и непринятие мер к легализации исключают замену наказания [13].

Постановлением Московского городского суда (2024 г., дело Айтурган)

иностранка признана виновной по ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ. Суд указал, что доводы о чрезмерной суровости наказания не являются основанием для исключения выдворения, поскольку иностранка мер к легализации не предприняла [4].

А.А. Брюхнов, приводя статистику (в 2022 г. выдворение назначено 123 790 раз, в 2023 г. - 129 139, за 6 мес. 2024 г. - 85 584), отмечает, что суды нередко прибегают к формальной оценке обстоятельств дела, не учитывая родственные связи, уплату налогов и законопослушное поведение [15].

Складывается практика, при которой формальный критерий «непринятия мер к легализации» подменяет оценку реальных обстоятельств: наличия семьи, жилья, доходов. Это противоречит как ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, гарантирующей поддержку семьи. Отсутствие в ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ чётких критериев приоритета семейных связей над формальным нарушением миграционного режима создаёт правовую неопределённость.

Федеральный закон от 04.08.2026 № 294-ФЗ [4] расширил перечень статей КоАП для безальтернативного выдворения с 22 до 45, включив мелкое хулиганство (ст. 20.1), неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3), нарушение правил проведения публичных мероприятий (ст. 20.2). Это означает, что иностранец может быть выдворен за правонарушение, не связанное с миграционным режимом, что ставит вопрос о соразомерности наказания.

Данный подход фактически превращает выдворение в меру дополнительной административной ответственности, не предусмотренной санкцией соответствующей статьи. Это нарушает принцип правовой определённости и выходит за пределы как карательной, так и превентивной концепции выдворения.

С 5 февраля 2025 г. в Российской Федерации действует режим высылки (ст. 9.1 ФЗ № 115-ФЗ), введённый ФЗ № 260-ФЗ от 08.08.2024 [9]. Иностранцы, не имеющие законных оснований для пребывания, включаются в реестр контролируемых лиц (РКЛ), порядок ведения которого утверждён Постановлением Правительства РФ от

26.12.2024 № 1899 [2].

По состоянию на 1 сентября 2025 г. в РКЛ числилось 770 тыс. человек, а к февралю 2026 г. - около 840 тыс. [16]. За 2025 г. фактически выдворено лишь 72 тыс. человек (8,6% от численности реестра). При сохранении текущих темпов выдворение всех лиц из РКЛ потребует более 10 лет, что ставит под сомнение эффективность режима высылки как оперативной меры реагирования.

Лицам, включённым в РКЛ, запрещено: менять место жительства без разрешения МВД, выезжать за пределы региона, регистрировать недвижимость и транспорт, заключать брак, открывать счета (свыше 30 тыс. руб./мес.), регистрировать ИП, управлять транспортными средствами [16].

Указанные ограничения обладают признаками самостоятельного института административного принуждения, не сводимого к традиционному выдворению. В доктрине пока не сложилось единого мнения о процессуальной природе данного института. В.А. Забиран и В.И. Давлиева обоснованно рассматривают режим высылки как комплексный институт, сочетающий элементы предупреждения, пресечения и ответственности [16]. В. С. Пацевич, напротив, характеризует его как модификацию существующего инструментария [9].

Острой проблемой является отсутствие судебной процедуры включения в РКЛ, так лицо попадает в реестр на основании решения должностного лица МВД, что отличает данный институт от административной ответственности и сближает с мерами административного пресечения, не обеспеченными процессуальными гарантиями.

Помещение подлежащих выдворению иностранцев в специальные учреждения осуществляется на 48 часов должностными лицами МВД. Ю. Н. Сосновская рассматривает проблемы финансирования выдворения, переполненности центров временного содержания (ЦВСИГ) и процессуальные нарушения при содержании иностранных граждан [17].

Особую проблему представляет содержание лиц без гражданства, не

принимаемых иностранными государствами. Отсутствие законодательного ограничения срока содержания таких лиц создаёт риск неограниченной пролонгации содержания.

Расходы на выдворение несут органы исполнительной власти. По данным доклада на конференции «Ломоносов-2025», затраты составили 771,6 млн руб. за 9 месяцев 2024 г. При росте численности РКЛ до 840 тыс. человек финансовая нагрузка будет возрастать, что требует поиска альтернативных механизмов исполнения наказания [18].

Статья 18.9 КоАП РФ устанавливает ответственность приглашающей и принимающей стороны за нарушение порядка оформления документов и обеспечения соблюдения режима пребывания.

Судебная практика показывает формальный подход к квалификации. Решением суда по делу № 12-2374/2025 от 23.11.2025 ООО признано виновным по ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ. Суд указал, что состав правонарушения является формальным и не требует наступления последствий; отсутствие вреда само по себе не свидетельствует о малозначительности[19].

Вместе с тем практика дифференцирует субъектный состав. Решением по делу № 12-17/2024 от 25.02.2024 дело в отношении администратора гостиницы по ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ прекращено за отсутствием состава: администратор не является должностным лицом и не обладает организационно-распорядительными функциями [20].

За первое полугодие 2025 г. суды назначили работодателям более 1,6 млрд руб. штрафов по ст. 18.15–18.17 КоАП РФ, что свидетельствует о значительном масштабе нарушений в сфере привлечения иностранной рабочей силы [21].

На основании проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования.

Первое. Восстановление процессуальных гарантий при внесудебном выдворении. Необходимо дополнить ст. 30.1 КоАП РФ положением о праве

кассационного обжалования постановлений должностных лиц МВД о выдворении, даже если они не были предметом судебной проверки в апелляционном порядке. Это устранит пробел, выявленный КС РФ (Определение № 2967-О от 31.10.2023), и обеспечит равный доступ к правосудию независимо от того, кем назначено выдворение - судом или должностным лицом.

Второе. Конкретизация критериев применения ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ. Предлагается дополнить ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ положением о том, что наличие супруга-гражданина РФ и несовершеннолетних детей само по себе является основанием для рассмотрения вопроса о замене выдворения штрафом, если лицо не совершило нового правонарушения в течение года. Это обеспечит соответствие практики конституционному принципу защиты семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ).

Третье. Дифференциация подхода к выдворению. Предлагается установить приоритет выдворения для лиц, совершивших преступления или неоднократные правонарушения. Для остальных - стимулирование самостоятельного контролируемого выезда с сокращением срока запрета на въезд (с 5 до 3 лет при добровольном выезде в течение 15 дней).

Четвёртое. Введение альтернативных видов наказания. Предлагается дополнить санкции ст. 18.1, 18.4, 18.8, 18.11, 18.17 КоАП РФ таким видом наказания, как обязательные работы. Это снизит нагрузку на центры временного содержания, обеспечит индивидуализацию ответственности и создаст реальную альтернативу выдворению для лиц, имеющих законные основания для пребывания.

Пятое. Упрощённая процедура исключения из РКЛ. Предлагается установить срок рассмотрения заявления об исключении из РКЛ - не более 3 рабочих дней при технических ошибках (истечение срока пребывания на 1–2 дня) и не более 10 рабочих дней в остальных случаях, с автоматической индексацией ограничений.

Шестое. Ограничение перечня составов для безальтернативного выдворения. Включение в перечень статей для выдворения правонарушений, не связанных с миграционным режимом (мелкое хулиганство, неповиновение

полиции), нарушает принцип соразомерности. Предлагается ограничить безальтернативное выдворение составами, непосредственно посягающими на режим пребывания (ст. 18.8, 18.10, 18.11, 18.11.1).

Подводя итоги исследования, анализ правоприменительной практики назначения и исполнения административных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства позволяет констатировать, что институт административной ответственности в миграционной сфере находится в состоянии концептуального перехода. Доминировавшая ранее карательная модель уступает место компромиссной, предусматривающей альтернативы выдворению (ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ). Однако законодательные новеллы 2024–2026 гг. носят противоречивый характер: с одной стороны, введение возможности замены выдворения штрафом свидетельствует о гуманизации; с другой - расширение перечня составов для безальтернативного выдворения и передача полномочий по выдворению от суда к МВД усиливают репрессивный потенциал.

Диспропорция между масштабом реестра контролируемых лиц (840 тыс.) и реальным выдворением (72 тыс. в год) свидетельствует о том, что существующая система исполнения наказаний не справляется с объёмом. Требуется концептуальный выбор: либо выдворение остаётся исключительной мерой, применяемой при невозможности достижения целей миграционного контроля иными средствами, либо оно становится универсальным инструментом, что вступает в противоречие с конституционными принципами соразмерности и защиты семейной жизни. Предложенные направления совершенствования законодательства направлены на разрешение этого противоречия и повышение эффективности института административной ответственности в миграционной сфере.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 08.08.2024 N 248-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"

2. Федеральный закон от 08.08.2024 N 260-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"

3. Федеральный закон от 25.12.2023 N 649-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"

4. Федеральный закон от 04.08.2026 N 294-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" 6. Указ Президента РФ от 15.10.2025 N 738 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы"

7. Количество решений об административном выдворении мигрантов за первое полугодие 2026 года выросло в 2,6 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. URL: https://www.zakonia.ru/blog/kolichestvo-reshenij-ob-administrativnom-vydvorenii-migrantov-za-pervoe-polugodie-2026-goda-vyroslo-v-2-6-raza-po-sravneniju-s-analogichnym-periodom-proshlogo-goda(датаобращения 24.09.2026)

8. Число выдворенных из РФ мигрантов в первом полугодии 2026 г. выросло на 65,5%. URL: https://www.interfax.ru/russia/1106231 (дата обращения 24.09.2026)

9. Пацевич В. С. Административно-правовое регулирование режима пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2025. — 26 с.

10. Забиран В.А., Давлиева В.И. Режим высылки мигрантов как новый институт административно-правового принуждения // Молодой учёный. 2026. № 24 (627). С. 406–408.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 N 2967-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Омельяненко Андрея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях"

12. Решение № 12-956/2025 от 27 октября 2025 г. по делу № 12-956/2025

13. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2025 N 16-244/2025 (УИД 26RS0023-01-2024-003379-55)

14. Решение Московского городского суда от 05.06.2024 по делу N 7-9265/2024 (УИД 77RS0022-02-2022-019878-82)

15. Брюхнов А. А. Особенности применения административного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации // КиберЛенинка. 2025

16. Забиран В.А., Давлиева В.И. Режим высылки мигрантов как новый институт административно-правового принуждения // Молодой учёный. 2026. № 24 (627). С. 406–408.

17. Сосновская Ю.Н. Основные проблемы реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения // Вестник ВИПК МВД России. 2024. № 1. С. 22–28.

18. Актуальные проблемы административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства: доклад на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2025» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2025).

19. Решение № 12-2374/2025 от 23 ноября 2025 г. по делу № 12-2374/2025

20. Решение № 12-17/2024 12-173/2023 от 25 февраля 2024 г. по делу № 12-17/2024

21. Ведомости»: труд мигрантов обошелся компаниям в 1,6 млрд рублей штрафов URL: https://www.kommersant.ru/doc/8158796?ysclid=mumf32m017501343064 (дата обращения 24.09.2026)

© Морякова А.М., 2026

УДК 11

Морякова А.М.

Магистрант 3 курса

АОЧУ ВО «МФЮА»

г. Москва, РФ

Научный руководитель: Сацкевич Т.К.,

канд. юрид. наук, доцент

АОЧУ ВО «МФЮА»

г. Москва, РФ

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Аннотация

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования административной ответственности за нарушение миграционного законодательства. Рассматриваются пробелы в действующем КоАП РФ и предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики для повышения эффективности контроля за миграционными потоками.

Ключевые слова:

административная ответственность, иностранные граждане, лица без гражданства, административное выдворение, режим высылки, реестр контролируемых лиц, миграционный режим, совершенствование законодательства.

Annotation

The article analyzes current issues regarding the legal regulation of administrative liability for violations of migration legislation. It examines gaps in the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and proposes ways to improve law enforcement practice in order to enhance the effectiveness of migration flow control.

Keywords:

Administrative liability, foreign citizens, stateless persons, administrative expulsion, expulsion regime, register of monitored persons, migration regime, improvement of legislation.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации неразрывно связано с эффективным миграционным контролем. Институт административной ответственности, закрепленный в главе 18 КоАП РФ, является основным инструментом пресечения нарушений режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства (ЛБГ). Однако динамика миграционных процессов требует постоянной адаптации законодательства.

Для начала проведем анализ проблем правоприменительной практики в сфере миграционного контроля на современном этапе.

1. Формализм при квалификации и игнорирование личности правонарушителя.

Проблема формализма заключается в том, что суды общей юрисдикции зачастую ограничиваются установлением факта объективной стороны правонарушения (например, истечение срока пребывания), игнорируя субъективные факторы. Судебная практика показывает, что при рассмотрении дел по ст. 18.8 КоАП РФ часто не учитываются такие обстоятельства, как наличие у иностранца устойчивых семейных связей (супруг — гражданин РФ, дети), длительность проживания и отсутствие иных правонарушений.

Так, Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П. КС РФ

указал, что административное выдворение должно быть соразмерным и не приводить к необоснованному вмешательству в право на уважение семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека). Суд подчеркнул, что формальный подход нарушает конституционные принципы справедливости и пропорциональности [1].

В работах профессора А.В. Зубача отмечается, что «автоматизм» в назначении наказания превращает административную ответственность из инструмента исправления в чисто репрессивный механизм, что противоречит целям, указанным в ст. 3.1 КоАП РФ[2, с.65].

2. Сложность доказывания фиктивной постановки на учет.

Статья 322.3 УК РФ и соответствующие административные составы (18.9 КоАП РФ) страдают от размытости критериев «фиктивности». Органы МВД часто квалифицируют как «фиктивную» постановку на учет любой случай, когда иностранец фактически не проживает по адресу регистрации в момент проверки, даже если собственник жилья добросовестно предоставил ему право пользования помещением.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18. Пленум разъяснил, что под фиктивной постановкой понимается постановка без намерения проживать (пребывать) в этом помещении. Однако на практике доказать «отсутствие намерения» крайне сложно [3].

Авторы Жеребцова А. Н. и Малышева Е. А. указывают на оценочный характер понятия «место пребывания». Отсутствие четких критериев (например, сколько дней в неделю иностранец обязан находиться по адресу регистрации) создает почву для коррупционных злоупотреблений и необоснованного преследования граждан РФ, сдающих жилье [4, с.134].

3. Несоразмерность наказаний и безальтернативность выдворения.

До недавнего времени ст. 18.8 КоАП РФ содержала безальтернативные санкции, что вызывало критику со стороны правозащитных организаций и научного

сообщества. Применение административного выдворения как единственно возможной меры (особенно в городах федерального значения — Москве и Санкт-Петербурге) часто не соответствует тяжести проступка. Это создает ситуацию, когда за техническую ошибку в документах человек подвергается принудительному удалению из страны.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П. КС РФ признал неконституционными нормы, не позволяющие суду учесть индивидуальные обстоятельства при назначении выдворения. Суд постановил, что судья обязан оценивать, является ли выдворение «необходимым в демократическом обществе» [5].

Согласно ежегодным отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доля дел, где назначается выдворение, остается крайне высокой, что свидетельствует о сохраняющемся «обвинительном уклоне» в административном процессе.

Таким образом, сравнение санкций ст. 18.8 КоАП РФ с другими составами показывает диспропорцию. Так, нарушение правил въезда часто карается строже, чем правонарушения, посягающие на общественный порядок, что нарушает иерархию ценностей, охраняемых КоАП РФ.

Несмотря на наличие правовых позиций Конституционного Суда РФ (Постановление № 5-П от 17.02.2016), правоприменительная практика продолжает демонстрировать признаки формализма. Суды общей юрисдикции зачастую игнорируют критерий «соразмерности вмешательства», что подтверждается анализом судебных решений по ст. 18.8 КоАП РФ, где в 45% случаев суды назначают выдворение без оценки семейного положения правонарушителя».

Для совершенствования института административной ответственности в сфере миграции необходимо внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Ниже представлены конкретные предложения с указанием статей и предлагаемых формулировок.

1. Введение принципа индивидуализации наказания (ст. 18.8 КоАП РФ).

Проблема заключается в безальтернативности административного выдворения в ряде случаев (особенно для городов федерального значения — Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей).

Предлагается изменить санкции в частях 1.1 и 3 статьи 18.8 КоАП РФ, добавив возможность назначения только административного штрафа без выдворения, если суд установит наличие смягчающих обстоятельств, дополнив примечание к статье 18.8 КоАП РФ или изменить диспозицию санкции на:

«...влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового, при условии наличия у иностранного гражданина устойчивых семейных связей на территории РФ, подтвержденных документально».

Обоснование. Это приведет норму в соответствие с позицией Конституционного Суда РФ (Постановление № 5-П от 17.02.2016), исключая автоматическое нарушение права на семейную жизнь.

2. Уточнение критериев «фиктивности» постановки на учет (ст. 18.9 КоАП РФ).

Проблема заключается в неопределенности понятия «фиктивная постановка на учет» приводит к тому, что собственники жилья привлекаются к ответственности за то, что иностранец временно отсутствовал по месту регистрации (например, уехал в командировку или на работу).

Предлагается внести изменения в примечание к статье 18.9 КоАП РФ, четко определив признаки фиктивности, добавив примечание к ст. 18.9 КоАП РФ следующего содержания:

«Под фиктивной постановкой на учет по месту пребывания в жилом помещении в целях настоящей статьи понимается постановка иностранного гражданина на учет без намерения принимающей стороны предоставить данное помещение для фактического проживания (пребывания) либо при отсутствии у принимающей стороны реальной возможности обеспечить проживание такого

лица. Отсутствие иностранного гражданина по адресу постановки на учет в течение срока, не превышающего 30 календарных дней, не является основанием для признания постановки на учет фиктивной».

Обоснование. Это защитит добросовестных арендодателей и исключит практику «палочной системы», когда штрафы выписываются за краткосрочное отсутствие мигранта по месту регистрации.

3. Внедрение института «Административного предостережения» (Новая статья 3.4.1 КоАП РФ).

Проблема заключается в отсутствии механизма «первого шанса» для лиц, совершивших малозначительные технические нарушения (например, опоздание с уведомлением на 1 день).

Предлагается ввести в главу 3 КоАП РФ новый вид административного наказания — «Административное предостережение», дополнив главу 3 КоАП РФ статьей 3.4.1:

«Административное предостережение выносится иностранному гражданину при совершении им впервые административного правонарушения, предусмотренного главой 18 настоящего Кодекса, если оно не повлекло угрозы общественной безопасности и не причинило вреда здоровью граждан. Сведения о вынесении предостережения вносятся в государственную информационную систему миграционного учета».

Обоснование. Это позволит разгрузить суды от рассмотрения дел о «технических» нарушениях и сфокусировать ресурсы МВД на борьбе с реальными каналами незаконной миграции.

Институт административной ответственности должен перестать быть инструментом «автоматического выдворения» и стать гибким механизмом управления миграционными потоками. Реализация предложенных изменений в КоАП РФ — в частности, уточнение критериев фиктивности в ст. 18.9 и введение альтернативных санкций в ст. 18.8 — позволит создать правовую среду, в которой

соблюдение закона станет для иностранного гражданина более предпочтительной стратегией поведения, чем его нарушение.

Перспектива заключается в дальнейшем развитии миграционного законодательства должно быть направлено на гармонизацию интересов национальной безопасности и экономических потребностей государства в привлечении трудовых ресурсов, что невозможно без качественного правового регулирования, основанного на принципах прозрачности, предсказуемости и гуманизма.

Список использованной литературы:

1.Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 N 5-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана"

2. Зубач А. В. Административное право в вопросах и ответах: учебное пособие. — М.: Русайнс, 2026. — 122 с.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 N 18 (ред. от 23.12.2025) "О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией"

4. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право : учебное пособие. — М.: Проспект, 2021. — 256 с.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П. КС РФ

© Морякова А. М., 2026

УДК 342.5

Недина М.А.

Студентка, БрГУ им. А.С. Пушкина,

г. Брест, РБ

Научный руководитель: Береговцова Д.С.,

кандидат юридических наук, доцент,

Брест, РБ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу порядка поступления на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь и Российской Федерации. Цель — выявить общие и специфические черты правового регулирования.

Ключевые слова:

прокуратура, государственная служба, поступление на службу, Беларусь, Россия, квалификационный экзамен, испытательный срок.

Служба в органах прокуратуры — специфический вид государственной службы, предъявляющий строгие требования к профессиональным компетенциям и нравственным стандартам претендентов. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью прокуратуры в надзоре за исполнением законодательства.

Перейдем к нормативной базе. В Беларуси служба в прокуратуре регулируется Конституцией, Законом от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» и Положением о прохождении службы (Указ Президента от 27 марта 2008 г. № 181); прокурорская служба признаётся разновидностью государственной

службы (ст. 47 Закона). В России основу составляют Конституция и Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; деятельность квалифицируется как федеральная государственная служба, а детализация содержится в подзаконных актах.

Говоря о требованиях, предъявляемых к кандидатам, можно выделить следующие. В обеих странах обязательны: гражданство соответствующего государства (недопустимо наличие гражданства или вида на жительство другого государства), высшее юридическое образование, безупречная репутация. В России допускается лицо с завершённым образованием по специальности «Юриспруденция» либо магистерским уровнем при наличии бакалаврского диплома; в Беларуси — лицо с юридическим диплом. "К профессиональным качествам относится подготовленность к юридической деятельности в соответствии со стандартом высшего образования, наличие знаний, умений и деловых качеств, необходимых для выполнения обязанностей" [1, с. 46]. Общее требование — возраст не моложе 25 лет при стаже работы по профессии не менее 3 лет. Проверяются не только личность соискателя, но и его близкие родственники.

Безусловно есть и ряд обстоятельств, препятствующих поступлению на службу. Законодательные барьеры в обеих странах практически совпадают: признание гражданина недееспособным, судебный запрет на госслужбу, непогашенная или неснятая судимость, медицинские противопоказания, прямой контакт по службе между близкими родственниками, отказ от допуска к государственной тайне. Специфика России — дополнительный запрет при прекращении гражданства РФ; Беларуси — запрет приёма лиц, имеющих документы иностранных государств, дающие льготы по политическим, религиозным или национальным мотивам.

Перейдем к процедуре отбора кандидатов. В Беларуси порядок определяется правилами, утверждаемыми Генеральным прокурором, и включает социально-психологическое исследование личности, изучение документов и биографических данных, собеседования для выявления ценностных ориентаций и уровня

социальной адаптации; допускается применение технических средств, в том числе полиграфа. Обязательна специальная проверка сведений о кандидате и его близких родственниках. В России процедура также включает специальную проверку (обстоятельства, препятствующие приёму, круг общения, склонность к алкоголю или наркотикам, достоверность сведений), собеседование (оценка эрудиции, логического мышления, умения аргументировать) и психологическое тестирование на готовность к прокурорской деятельности. "По мнению исследователей, будущий работник прокуратуры должен быть морально подготовлен к помощи другим, обладать усидчивостью, спокойствием, рассудительностью, внимательностью, аккуратностью, разделять принципы организации прокуратуры, быть честным и скромным" [2, с. 132].

Каждому государству присущ ряд отличительных черт. В Беларуси для впервые поступающих обязателен квалификационный экзамен, проводимый кадровой комиссией Генеральной прокуратуры; задания разрабатываются с ведущими вузами, перечень вопросов утверждает Генеральный прокурор. Экзамен охватывает основы конституционного, гражданского и уголовного права, вопросы государственной службы и архивного делопроизводства. Успешная сдача действительна 6 месяцев; повторная попытка возможна не ранее чем через год. Экзамен не влечёт зачисления, а лишь допускает к конкурсу на вакансию. В России для вновь принятых устанавливается испытательный срок до 6 месяцев, не распространяющийся на выпускников профильных учреждений, принимаемых без испытания. В Беларуси предусмотрена обязательная стажировка для впервые принятых.

Обратимся к вопросам присяги и аттестации. Белорусский прокурор, впервые поступающий на службу, приносит Присягу (ст. 50 Закона о прокуратуре); в России предусмотрена аналогичная клятва верности закону. В обеих странах присваиваются классные чины, соотносимые с должностью. Аттестация в Беларуси проводится каждые 5 лет (кроме Генерального прокурора и его заместителей); в

России действует аналогичная система периодических проверок. "Аттестация — процедура оценки деловых, личных и нравственных качеств, результатов труда для определения уровня профессиональной подготовки и соответствия должности" [2, с. 132].

Таким образом, сравнительное исследование подтверждает единство ключевых требований при разности механизмов оценки. При одинаковых базовых критериях (гражданство, профильное образование, безупречная репутация, психотбор) государства используют разные фильтры. Эволюция законодательства обоих государств направлена на улучшение систем отбора ради повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Фетисова А.В. Моральные и психологические требования к работникам прокуратуры // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 3. С. 45–49.

2. Стрельников В.В. Административно-правовое регулирование службы в органах прокуратуры Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 198 с.

© Недина М.А., 2026

УДК 349.2

Плечун М.В.

магистрантка ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов

ОБЖАЛОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ РАБОТНИКОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ: ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Аннотация

В статье рассматриваются основания и порядок обжалования дисциплинарных взысканий в трудовом праве и в сфере государственной гражданской службы. Анализируются несогласованность досудебных механизмов защиты, неопределенность полномочий государственной инспекции труда, а также пределы судебной проверки соразмерности взыскания. Проведенное исследование опирается на позиции Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, а также на практику кассационных судов общей юрисдикции последних лет. На ее основе показано, что суды фактически разграничивают «очевидные» процедурные нарушения, устранимые предписанием инспекции труда, и вопросы вины, и соразмерности, отнесенные к исключительной компетенции органов по рассмотрению споров. Отдельно исследуются проблемы независимости комиссий по служебным спорам, риск пропуска сроков обращения в суд при последовательном использовании внесудебных процедур и обжалование снятого взыскания. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, основанные на дифференцированном подходе к пределам судебного контроля в трудовых и служебных отношениях.

Ключевые слова:

дисциплинарное взыскание, обжалование, индивидуальный трудовой спор, служебный спор, государственный гражданский служащий, комиссия по служебным спорам, соразмерность взыскания, судебный контроль.

Как известно, вопросы дисциплинарной ответственности остаются одними из наиболее дискуссионных и конфликтогенных институтов трудового и служебного права. Работодатель (представитель нанимателя) одновременно констатирует факт проступка, оценивает вину и избирает меру взыскания. Именно поэтому, эффективность механизмов обжалования дисциплинарного взыскания напрямую определяет реальность гарантий, закрепленных в ч. 1 ст. 37 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации [1].

Несмотря на большое количество правовых документов, затрагивающих данный институт, правовое регулирование обжалования дисциплинарных взысканий неоднородно.

В первую очередь, стоит обратить внимание, что в действующем федеральном законодательстве о государственной гражданской службе Российской Федерации многие вопросы о дисциплинарной ответственности должным образом не урегулированы. Иными словами, законодатель не включает в правовые нормы само определение дисциплинарной ответственности, в котором были бы уточнены ее основные черты и признаки как самостоятельного вида ответственности, особенности субъектов, привлекаемых к дисциплинарной ответственности [7, с. 158]. Для данной категории граждан законодатель определил ч. 7 ст. 58 и ст. 70 Федерального закона 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон № 79-ФЗ) [4].

Для работников действуют ч. 7 ст. 193 и гл. 60 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [3]. Однако такая «двухуровневая» конструкция порождает вопросы о соотношении общих и специальных норм, о полномочиях

внесудебных органов и о пределах судебного контроля.

Одним из важных и первых аспектов, которые хотелось бы осветить в настоящем исследовании, автор определяет в виде оснований обжалования: от формальных нарушений к оценке соразмерности.

Основания обжалования дисциплинарного взыскания в доктрине принято разделять на материально-правовые и процедурные [8, с. 19]. К первым относятся отсутствие дисциплинарного проступка как виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей (ч. 1 ст. 192 ТК РФ), применение взыскания, не предусмотренного законом, и его несоразмерность тяжести проступка. Ко вторым относятся нарушения порядка истребования объяснения, пропуск сроков, установленных ч. 3 и ч. 4 ст. 193 ТК РФ, повторное наказание за один проступок и неознакомление с приказом.

При этом важно обозначить, что Пленум Верховного Суда РФ возложил бремя доказывания законности и обоснованности применения дисциплинарного взыскания на работодателя. Именно работодатель обязан доказать не только факт совершения работником проступка, но и то, что при наложении взыскания учитывались тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду. Пленум связывает это требование с принципами справедливости, соразмерности, законности, вины и гуманизма в рамках п. 53 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [12].

Обращаясь к позиции Конституционного Суда РФ стоит отметить, что суд последовательно подчеркивает гарантийное назначение процедуры привлечения к ответственности. Суд указал, что установленный порядок применения взысканий направлен на обеспечение объективной оценки фактических обстоятельств и на предотвращение необоснованного применения дисциплинарной ответственности. Ярким примером выступает Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня

2015 г. № 1243-О [14]. Следовательно, процедурные нарушения квалифицируются не как «технические» дефекты, а как самостоятельное и достаточное основание для признания взыскания незаконным.

Для гражданских служащих перечень оснований расширяется за счет специфики служебных отношений. Во-первых, такой спецификой является служебная проверка, которая проводится перед применением дисциплинарного взыскания (ч. 2 ст. 58 ФЗ № 79). В отличие от трудового законодательства, ограничивающегося требованием истребовать у работника письменное объяснение, ФЗ № 79 детально регламентирует служебную проверку как самостоятельную стадию дисциплинарного производства. В ходе нее должны быть полно, объективно и всесторонее установлены факт совершения проступка, вина гражданского служащего, причины и условия, способствовавшие совершению проступка, характер и размер причиненного вреда (ч. 2 ст. 59 ФЗ № 79). В проверке не может участвовать гражданский служащий, прямо или косвенно заинтересованный в её результатах (ч. 4 ст. 59 ФЗ № 79). Проверка должна быть завершена не позднее одного месяца со дня принятия решения о её проведении, а её результаты оформляются письменным заключением (ч. 5 и ч. 6 ст. 59 ФЗ № 79). Проверяемый служащий вправе давать устные или письменные объяснения, представлять заявления, ходатайства и иные документы, обжаловать решения и действия лиц, проводящих такую проверку, и ознакомиться с заключением по её окончании (ч. 8 ст. 59 ФЗ № 79). Нарушение этих требований, например участие в проверке заинтересованного лица или лишение служащего возможности ознакомиться с заключением, может служить самостоятельным основанием для признания взыскания незаконным, не имеющим прямого аналога в трудовом законодательстве. Во-вторых, взыскания за коррупционные правонарушения (ст. 59.1 – 59.3 ФЗ № 79) подчинены особому режиму. Они могут применяться только на основании доклада подразделения по профилактике коррупционных правонарушений и в особые сроки: не позднее шести месяцев со дня получения

информации о правонарушении и не позднее трех лет со дня его совершения.

При этом если в течение одного года со дня применения взыскания гражданский служащий не был подвергнут дисциплинарному взысканию в рамках п. 1-3 ст. 57 Закона № 79-ФЗ, или взысканию, предусмотренному п. 1-3 ст. 59.1 указанного закона, он считается не имеющим взыскания. Такое же правило действует для работников в соответствии с ч. 1 ст. 194 ТК РФ.

Как справедливо отмечается в литературе, а именно по мнению, Д.Н. Бахрах служебная дисциплина носит публично-правовой характер. Поэтому дисциплинарная ответственность государственного служащего тяготеет к административно-правовой модели и требует повышенных процессуальных гарантий [5, с. 128].

Вторым аспектом в рамках представленного исследования стоит отметить порядок обжалования дисциплинарного взыскания с присущей ему несогласованностью досудебных механизмов.

В настоящее время работнику российский закон предоставляет три пути обжалования дисциплинарного взыскания: государственная инспекция труда, комиссия по трудовым спорам (КТС) и суд (ч. 7 ст. 193, ст. 382, 391 ТК РФ). Гражданскому служащему предоставляется два пути: комиссия государственного органа по служебным спорам и суд (ч. 7 ст. 58, ст. 70 Закона № 79-ФЗ). Однако уже на данном уровне обнаруживаются некоторые проблемы, видится целесообразным рассмотреть их.

Первая проблема – неопределенность полномочий государственной инспекции труда. Согласно ст. 357 ТК РФ, государственные инспекторы труда, получившие от работника обращение по вопросу, который отнесен к ведению органов по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, при выявлении очевидного нарушения трудового законодательства или иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, имеет право выдать работодателю предписание, подлежащее обязательному исполнению. Однако,

важным фактом такого действия выступает исключительно наличие «очевидного нарушения трудового законодательства или иных нормативных правовых актов», но законодатель не раскрывает критериев «очевидности».

Именно поэтому граница между административным надзором и разрешением трудового спора, который отнесен к исключительной компетенции КТС и суда остается размытой.

На практике это приводит к двум противоположным результатам. Одни инспекции отказываются рассматривать жалобы на взыскание, ссылаясь на наличие индивидуального трудового спора. Другие выдают предписания об отмене приказа, который затем оспариваются работодателями в суде. Показательным делом в данном случае выступает Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02 августа 2022 г. № 88а-24873/2022, где работнице ГУП РК «Крымэнерго» был объявлен выговор, и она его обжаловала в Инспекцию по труду Республики Крым. Внеплановая документарная проверка установила нарушения ч. 3 ст. 193 ТК РФ: по двум из вмененных эпизодов взыскание было применено позднее одного месяца со дня обнаружения проступка. Работодателю было выдано предписание исключить эти эпизоды из приказа. Оспаривая предписание, работодатель ссылался на то, что инспекция выявляет правонарушения, но не разрешает трудовые споры и не является органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Суды трех инстанций с этим доводом не согласились. Кассационный суд указал, что при выявлении очевидного нарушения трудового законодательства инспектор вправе устранить нарушение, допущенное при применении выговора путем вынесения обязательного для работодателя предписания об отмене соответствующего приказа [15].

Вместе с тем на практике сохраняется и противоположный подход, согласно которому несогласие работника с увольнением является трудовым спором, разрешаемым исключительно в судебном порядке (ст. 391 ТК РФ). Инспектор, предписывающий отменить приказ об увольнении, вмешивается в спор между

работником и работодателем и подменяет установленный законом порядок его разрешения [16].

Следовательно, сопоставление примеров из судебной практики указывает на то, что суды фактически разграничивают «очевидность» нарушения трудового законодательства (ст. 357 ТК РФ) в зависимости от характера допущенного нарушения. Например, пропуск сроков, установленных в рамках нормы ст. 193 ТК РФ, выявляется документарно и признается очевидным. Оценка же законности увольнения, требующая исследования вины и соразмерности, остается за судом в рамках норм ст. 394 ТК РФ. Но при этом, такое разграничение выработано казуально и не закреплено законодательно, что и порождает правовую неопределенность.

Характерно то, что из недавней судебной практики, в частности в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 августа 2025 г. № 88-12709/2025, те же процедурные нарушения при обращении работника в суд, автоматически влекут отмену взыскания независимо от доказанности самого проступка [17].

Вторая проблема – ограниченная независимость внесудебных органов по рассмотрению индивидуальных трудовых (служебных) споров. Для работников таким органом является комиссия по трудовым спорам, которая образуется по инициативе работников и (или) работодателя из равного числа их представителей, причем представители работодателя назначаются его руководителем (ст. 384 ТК РФ). Во-вторых, члены комиссии – представители работников остаются в служебной зависимости от работодателя: закон гарантирует им лишь освобождение от основной работы с сохранением среднего заработка на время участия в работе комиссии (ст. 171 ТК РФ), но не предоставляет специальной защиты от увольнения и дисциплинарных взысканий. В результате паритет нередко носит формальный характер, а сама комиссия воспринимается работниками как продолжение воли руководителя.

Сходная проблема характерна для государственной службы, причем её проявления различаются в зависимости от вида службы. Комиссия государственного органа по служебным спорам, предусмотренная для гражданских служащих, построена по той же паритетной модели (ч. 3 ст. 70 ФЗ № 79). Для ряда иных категорий государственных служащих (в частности, сотрудников органов внутренних дел, прокурорских работников) коллегиальный внесудебный орган не предусмотрен вовсе. Так, служебный спор сотрудника органов внутренних дел рассматривается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем либо судом в соответствии с ч. 1 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19].

Исследователи обоснованно указывают, что в таких случаях внесудебный орган превращается в некий «фильтр», замедляющий доступ к суду, а не в самостоятельный механизм защиты [10, с. 284]. Представляется, что для повышения независимости внесудебных органов целесообразно установить гарантии для членов КТС – представителей работников, а в комиссиях по служебным спорам предусмотреть участие независимых экспертов. Такая модель уже используется в комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению [6, с. 43].

Третья проблема – это сроки обращения. На данный момент работник вправе обратиться в КТС и в суд в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права (ст. 386, ч. 1 ст. 392 ТК РФ). Решение КТС может быть обжаловано в суд в десятидневный срок (ст. 390 ТК РФ). Аналогичные сроки установлены и для гражданских служащих.

Короткие сроки в сочетании с последовательным прохождением досудебных инстанций создают риск утраты права на судебную защиту. Эту проблему смягчает позиция Пленума Верховного Суда РФ. Уважительными причинами пропуска срока

могут быть признаны не только болезнь, командировка или необходимость ухода за тяжело больным членом семьи, но и обращение работника с нарушением правил подсудности в другой суд, если первоначальное заявление по названному спору было подано этим работником в установленный ст. 392 ТК РФ срок (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям») [13]. Сюда также относится обращение работника в прокуратуру, если у него были основания ожидать, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке.

Центральным проблемным аспектом темы выступает вопрос о глубине судебной проверки дисциплинарного решения работодателя.

Выбор меры взыскания относится к дискреции работодателя. Поэтому в практике сложился подход, согласно которому суд, признав взыскание несоразмерным, лишь отменяет его, но не вправе заменить более мягким. Вместе с тем ч. 5 ст. 192 ТК РФ и п. 53 ППВС №2 превращают соразмерность в самостоятельный критерий законности взыскания. Верховный Суд РФ неоднократно отменял акты нижестоящих судов, органичившихся констатацией факта нарушения без оценки предшествующего поведения работника и последствий проступка. Особенно последовательно эта позиция проводится применительно к увольнению как крайней мере воздействия [18].

На данный момент, критерии соразмерности законом не определены и носят оценочный характер. Часть 5 ст. 192 ТК РФ называет лишь тяжесть проступка и обстоятельства его совершения, п. 53 ППВС №2 дополняет их предшествующим поведением работника и его отношением к труду. Значимость каждого из этих обстоятельств и их соотношение определяются судом по собственному усмотрению, вследствие чего однотипные проступки получают в судебной практике неодинаковую оценку. При этом, признав дисциплинарное взыскание

несоразмерным, суд отменяет его полностью, даже если факт совершения проступка установлен.

В доктрине по этому вопросу сформировались два подхода. Согласно первому, суду следует предоставить право взыскания несоразмерным изменить его вид на менее строгий из числа предусмотренных законом – по аналогии с полномочием суда изменить постановление по делу об административных правонарушениях, если при этом усиливается наказание ч. 2 ст. 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Сторонники второго подхода исходят из того, что выбор вида взыскания является прерогативой работодателя, а суд проверяет лишь законность и обоснованность сделанного выбора; иное означало бы вмешательство суда в сферу управления трудом [9, с. 390].

Представляется оптимальным дифференцированный подход. В трудовых отношениях сложившийся подход следует сохранить: выбор вида взыскания составляет элемент дисциплинарной власти работодателя, а повысить предсказуемость судебной оценки можно за счет разъяснения критериев соразмерности на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Иначе обстоит дело на гражданской службе, где дисциплинарная власть носит публично-правовой характер, а поддержание служебной дисциплины составляет публичный интерес. Здесь допустимо предоставить суду право при признании примененного взыскания несоразмерным изменить его вид на менее строгий из закрытого перечня, установленного ст. 57 ФЗ № 79 (например, заменить предупреждение о неполном должностном соответствии выговором), при условии, что факт проступка установлен. Такой подход всецело согласуется с позицией Конституционного Суда РФ о соразмерности мер публично-правовой ответственности [11].

В заключение необходимо отметить, что институт обжалования дисциплинарного взыскания сформирован как система гарантий, однако его эффективность снижается из-за несогласованности правового регулирования.

Досудебные механизмы защиты остаются наиболее уязвимым звеном. Неопределенность понятия «очевидного нарушения» в рамках ст. 357 ТК РФ порождает противоречивую практику в отношении предписаний инспекции труда. Внесудебные органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров – комиссии по трудовым спорам и комиссии по служебным спорам – не обладают достаточной независимостью от работодателя (представителя нанимателя), а для ряда видов государственной службы такие органы не предусмотрены вовсе. Последовательное прохождение внесудебных процедур создает риск пропуска сроков обращения в суд. На стадии судебного контроля проблемой остается оценочный характер критериев соразмерности дисциплинарного взыскания.

Для преодоления выявленных проблем автором предлагаются следующие пути их решения:

1. Разъяснить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ примерный перечень очевидных нарушений трудового законодательства, дающих государственному инспектору труда основание для выдачи предписания об отмене дисциплинарного взыскания, а также критерии оценки соразмерности взыскания;

2. Установить гарантии независимости членов комиссии по трудовым спорам – представителей работников, а в состав комиссий по служебным спорам включить независимых экспертов;

3. Закрепить в ст. 393 ТК РФ правило о приостановлении течения срока обращения в суд на период рассмотрения обращения работника государственной инспекцией труда;

4. Предоставить суду право при признании дисциплинарного взыскания, примененного к гражданскому служащему, несоразмерным, изменить его вид на менее строгий из числа предусмотренных ст. 58 ФЗ № 79.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным

законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11–ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8–ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет–портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 06.10.2022.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2026. № 30. Ст. 4094.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2026. № 8. Ст. 772.

4. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2026. № 10. Ст. 1071.

5. Бахрах Д.Н. Административное право: краткий учебный курс / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. М.: НОРМА, 2004. 309 с.

6. Волгина Г.Е. Особенности работы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 1(4). С. 40-47.

7. Гандымов М.С. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих: правовые основы, практика применения, перспективы совершенствования // Российский научный вестник. 2026. № 2. С.157-165.

8. Трудовое право России: учебник / Д.Л. Кузнецов, А.Ф. Нуртдинова, Ю.П. Орловский и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. 648 с.

9. Трудовое право: Учебник для бакалавриата / О.В. Мац кевич, А.Н. Приженникова, А.В. Буянова. М.: Проме тей, 2022. 570 с.

10. Чаннов С.Е. Служебное право: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям / С.Е. Чаннов, М.В. Пресняков. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 375 с.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 6.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ем Юлии Григорьевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

15. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2022 № 88а-24873/2022 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

16. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2023 по делу № 88а-369/2023, 2а-5832/2021 (УИД 07RS0001-02-2021-004996-45) // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

17. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 августа 2025 г. № 88-12709/2025 (УИД 03RS0012-01-2024-002190-27) // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

18. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

19. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48 (ч.1). Ст. 7020; 2026. № 32. Ст. 4527.

© Плечун М.В., 2026

УДК 343.35:37.034

Сулейманов Р.Р.,

магистрант факультета права и экономики

Кировского филиала РАНХиГС

Научный руководитель: Сурманидзе И.Н.

доцент кафедры ПиОД, кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИКО-НРАВСТВЕННЫЕ КОРНИ КОРРУПЦИИ И РОЛЬ РАННЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕЁ ПРОФИЛАКТИКЕ

Аннотация

Коррупция рассматривается как нравственная проблема, укоренённая в истории. На материале древних текстов показано, что осуждение подкупа носит кросскультурный характер, но само по себе его не предотвращало. Коррупция осмысляется как социальный атавизм и коммодификация личности. Предложены направления антикоррупционного воспитания в начальной школе.

Ключевые слова:

коррупция, подкуп, нравственные ценности, социальный атавизм, коммодификация, антикоррупционное воспитание, начальное образование.

Suleymanov R.R.

Master's student, Faculty of Law and Economics,

Kirov Branch of RANEPA

Research Advisor: Surmanidze I. N.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

HISTORICAL AND MORAL ROOTS OF CORRUPTION AND THE ROLE OF EARLY EDUCATION IN ITS PREVENTION

Abstract

Corruption is examined as a moral problem rooted in history. Ancient texts show that the condemnation of bribery is cross-cultural but has never prevented it by itself. Corruption is conceptualised as a social atavism and as the commodification of the person. Directions for anti-corruption education in primary school are proposed.

Keywords:

corruption, bribery, moral values, social atavism, commodification, anti-corruption education, primary education.

Введение

Коррупция сопровождает государственность на всём протяжении её истории. По данным МВД России, в 2025 г. выявлено около 43 тыс. преступлений коррупционной направленности, что на 12,3 % больше, чем в 2024 г. [11]; в Индексе восприятия коррупции за 2025 г. Россия заняла 157-е место из 182 [9]. Эти показатели требуют осторожной интерпретации, однако в совокупности свидетельствуют о том, что карательные меры, при всей их необходимости, не устраняют причин коррупционного поведения. Показательно, что первой мерой профилактики коррупции закон называет «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению» (п. 1 ст. 6 Федерального закона № 273-ФЗ) [1], тогда как нравственно-ценностное измерение коррупции разработано в литературе значительно слабее правового и экономического.

Цель статьи — раскрыть историко-нравственные корни коррупции и обосновать роль начального образования в её профилактике. Методологическую основу составили историко-правовой и герменевтический методы, концептуальный анализ и анализ вторичных эмпирических данных. Религиозные

тексты рассматриваются как памятники культуры, без оценки их вероучительного содержания.

1. Осуждение подкупа в древних традициях

В Коране подкуп поставлен в один ряд с незаконным присвоением: «Не пожирайте незаконно между собой своего имущества и не подкупайте судей, чтобы пожирать часть имущества людей, сознательно совершая грех» (2:188) [12]. В Библии запрет сформулирован с психологической точностью: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх. 23:8) [6]. Указан не только результат, но и механизм: дар искажает само восприятие того, кто его принимает. Демосфен объяснял упадок Эллады тем, что из сознания граждан исчезла прежняя ненависть к тем, кто брал деньги, и всё, составлявшее основу свободы эллинов, стало предметом купли-продажи (Третья филиппика, §§ 36–39) [7]. Древнеиндийская «Артхашастра» перечисляет сорок способов присвоения казённого имущества и сравнивает чиновников с рыбами: как нельзя заметить, пьёт ли рыба воду, так трудно уличить служащего в присвоении (кн. II, гл. 8–9) [5]. В отечественной традиции ст. 1 Судебника 1497 г. предписывала: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалованиа не имати» [15], то есть запрещала не только подкуп судьи, но и торговлю влиянием.

Таким образом, осуждение подкупа носит кросскультурный характер. Однако повсеместность осуждения сосуществовала с повсеместностью практики: если бы внешнего запрета было достаточно, коррупция не пережила бы тысячелетий. Ключевой вопрос, следовательно, в том, при каких условиях запрет становится внутренним убеждением личности.

2. Коррупция как социальный атавизм и коммодификация личности

Коррупцию можно понимать как регресс общественных отношений. Уточним, к какой архаике она возвращает. Экономическая антропология показала, что обмен

в традиционных обществах существовал преимущественно в форме дара, порождающего обязанность ответного дара и отношения личной зависимости [13]. Становление современного государства означало вытеснение таких персональных связей безличными правилами, одинаковыми для всех. Коррупционная сделка возвращает публичную сферу к логике дарообмена: решение принимается не в силу правила, а в силу «подношения». Как подчёркивает В. Д. Зорькин, «делая публичную власть проводником частных интересов, коррупция должностных лиц извращает саму суть этой власти. Устраняет ее ключевую черту — публичность» [8]. При этом должностное лицо распоряжается тем, что ему не принадлежит, — полномочиями, вверенными обществом, и чужими правами. Этим же объясняется способность коррупции маскироваться под благодарность или подарок.

Коррупционный акт содержит и антропологическую предпосылку: если человека можно «купить», его честность и достоинство имеют рыночную цену. И. Кант писал: «В царстве целей всё имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что, напротив, выше всякой цены, стало быть не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [10]. Продавая служебное решение, человек сам переводит себя из сферы достоинства в сферу цены. М. Сэндел показал, что проникновение рынка в нерыночные сферы изменяет смысл благ и разрушает связанные с ними ценности [16]. Этот тезис подтверждён эмпирически: в эксперименте У. Гнизи и А. Рустичини штраф за опоздание родителей в детский сад привёл к росту опозданий, поскольку был воспринят как «цена», снимающая моральное обязательство, а после отмены штрафа прежняя дисциплина не восстановилась [17]. Денежная оценка поступка способна вытеснять нравственную мотивацию необратимо. Отсюда следует и обратное: убеждение в том, что честность «не продаётся», создаёт мотивацию более устойчивую, чем страх наказания.

3. Нравственный и институциональный подходы

Нравственная интерпретация не единственна. В модели «принципал — агент» коррупция — рациональный выбор должностного лица; Р. Клитгаард выразил это формулой: коррупция = монополия + дискреционные полномочия − подотчётность [18]. Из неё следует приоритет изменения стимулов. Однако А. Перссон, Б. Ротштейн и Я. Теорелл показали, что в условиях системной коррупции «честного принципала» нет: если все ожидают коррупционного поведения окружающих, у отдельного человека нет стимула быть честным, и коррупция становится проблемой коллективного действия [21]. Решающими оказываются ожидания и представления о «нормальном», то есть та сфера, на которую направлено воспитание. Следовательно, подходы взаимодополняемы: институты снижают возможности коррупции, воспитание формирует её неприятие, но без честной среды оно рискует превратиться в декларацию.

4. Роль раннего образования

Выбор начальной школы обусловлен закономерностями морального развития. По Ж. Пиаже, в младшем школьном возрасте происходит переход от морали подчинения авторитету к морали взаимности и справедливости [14]; Л. Колберг описал движение от доконвенционального уровня («правильно то, что выгодно и за что не накажут») к конвенциональному [19]. Доконвенциональная логика по существу совпадает с коррупционной. Наказание апеллирует к этому раннему мотиву, воспитание формирует мотивацию более высокого уровня. Предлагаемый подход согласуется с Указом Президента РФ № 809, относящим к традиционным ценностям достоинство человека, справедливость и приоритет духовного над материальным [2], а также с рекомендацией ОЭСР начинать воспитание честности в начальной школе с акцентом на ценности, а не на изучение законов [20].

Следует учитывать, что антикоррупционное просвещение обучающихся уже

предусмотрено действующими документами, в частности Программой по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 годы [3] и Методическими рекомендациями по вопросам организации и проведения работы по антикоррупционному просвещению [4]. Однако эти документы не выделяют младший школьный возраст в качестве самостоятельного объекта воздействия, а на практике такая работа ориентирована преимущественно на старшеклассников и студентов, сводится к информированию о составах правонарушений и мерах ответственности и носит эпизодический характер (тематические классные часы, мероприятия к Международному дню борьбы с коррупцией). Предлагаемая модель не заменяет существующую практику, а дополняет её, смещая акцент на ранний возраст, на формирование ценностей и на систематическую работу в рамках имеющихся учебных предметов.

Приоритетными направлениями работы представляются:

1. **Формирование самоуважения.** Ребёнок должен осознавать, что его честность и слово не имеют денежного эквивалента.

2. **Различение личной и публичной сферы.** Подарок другу уместен, но тот, кто исполняет общие правила (судья в игре, дежурный, староста), не может принимать «подношения» за решение в чью-либо пользу.

3. **Понимание того, что не всё продаётся.** Дружба, доверие и справедливость теряют ценность, становясь предметом купли-продажи.

4. **Развитие эмпатии.** Нечестный поступок вредит не абстрактному «государству», а конкретным людям.

5. **Формирование ожиданий честности.** Ребёнок должен воспринимать честность как норму поведения большинства, а нечестность — как отклонение, которое можно открыто осуждать.

Эти направления не требуют отдельного предмета и могут быть встроены в существующее содержание начального образования (табл. 1).

Таблица 1

Возможности интеграции антикоррупционного воспитания в начальной школе

Предмет, форма работы	Содержание	Направление
Литературное чтение	Сказки, басни и рассказы о честности и справедливом судье; обсуждение мотивов героев	1, 3, 4
Окружающий мир	Правила, общие для всех; почему решения тех, кто исполняет общественные обязанности, должны быть беспристрастными	2, 4
ОРКСЭ (4 класс)	Тексты выбранной традиции о недопустимости подкупа как культурный материал; понятия долга, совести, достоинства	1, 3
Внеурочная деятельность	Ролевые игры («судья в игре получает подарок от одной команды»), разбор жизненных ситуаций	2, 4, 5
Работа с родителями	Значение личного примера взрослых; недопустимость «подарков за оценку»	5

Предпочтительны деятельностные формы, а не морализаторство: воспитательный эффект невозможен без личного примера взрослых и честной среды самой школы.

Заключение

Осуждение подкупа носит кросскультурный и многовековой характер, но без превращения во внутреннее убеждение оно не предотвращает коррупцию. Коррупция может быть осмыслена как социальный атавизм — возврат от безличных правил к архаичному дарообмену — и как коммодификация личности, при которой честность и достоинство переводятся в сферу цены. Нравственный и институциональный подходы взаимодополняемы, а социальные нормы в условиях системной коррупции приобретают решающее значение. Наиболее благоприятный период формирования антикоррупционных установок — младший школьный возраст, и соответствующая работа может быть встроена в существующие предметы начальной школы. Перспективы исследования связаны с разработкой

методических материалов и эмпирической проверкой предложенной модели.

Список использованной литературы:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 46. — Ст. 7977.

3. Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 годы: Распоряжение Минобрнауки России от 14.12.2021 № 475-р. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Методические рекомендации по вопросам организации и проведения работы по антикоррупционному просвещению: утв. Минтрудом России 10.09.2025. — Доступ из СПС «ГАРАНТ».

5. Артхашастра, или Наука политики / пер. с санскр.; подгот. изд. В. И. Кальянов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 796 с.

6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. — М.: Российское Библейское общество, 1996.

7. Демосфен. Третья речь против Филиппа // Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — Т. 3. — 624 с.

8. Зорькин В. Д. Коррупция — угроза цивилизации права // Российская газета. — 2025. — № 109 (9648). — URL: https://rg.ru/2025/05/20/korrupciia-ugroza-civilizacii-prava.html (дата обращения: 29.09.2026).

9. Индекс восприятия коррупции — 2025 // Трансперенси Интернешнл — Р. — URL: https://ti-russia.org (дата обращения: 29.09.2026).

10. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. — М.: Мысль, 1965. — Т. 4, ч. 1.

11. Коррупционеров стали чаще ловить на горячем: в 2025 году выявлено 43 тыс.

преступлений // Бизнес-порт. — URL: https://b-port.com/news/352585 (дата обращения: 29.09.2026).

12. Коран: перевод смыслов и комментарии / пер. Э. Р. Кулиева. — М.: Эксмо, 2012. — 808 с.

13. Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. — М.: Восточная литература, 1996.

14. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребёнка / пер. с фр. В. Большакова. — М.: Академический проект, 2006. — (Психологические технологии).

15. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. — М.: Юридическая литература, 1985. — 520 с.

16. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги: моральные ограничения свободного рынка / пер. с англ. Н. Ильиной. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 256 с.

17. Gneezy U., Rustichini A. A Fine is a Price // Journal of Legal Studies. — 2000. — Vol. 29, No. 1. — P. 1–17.

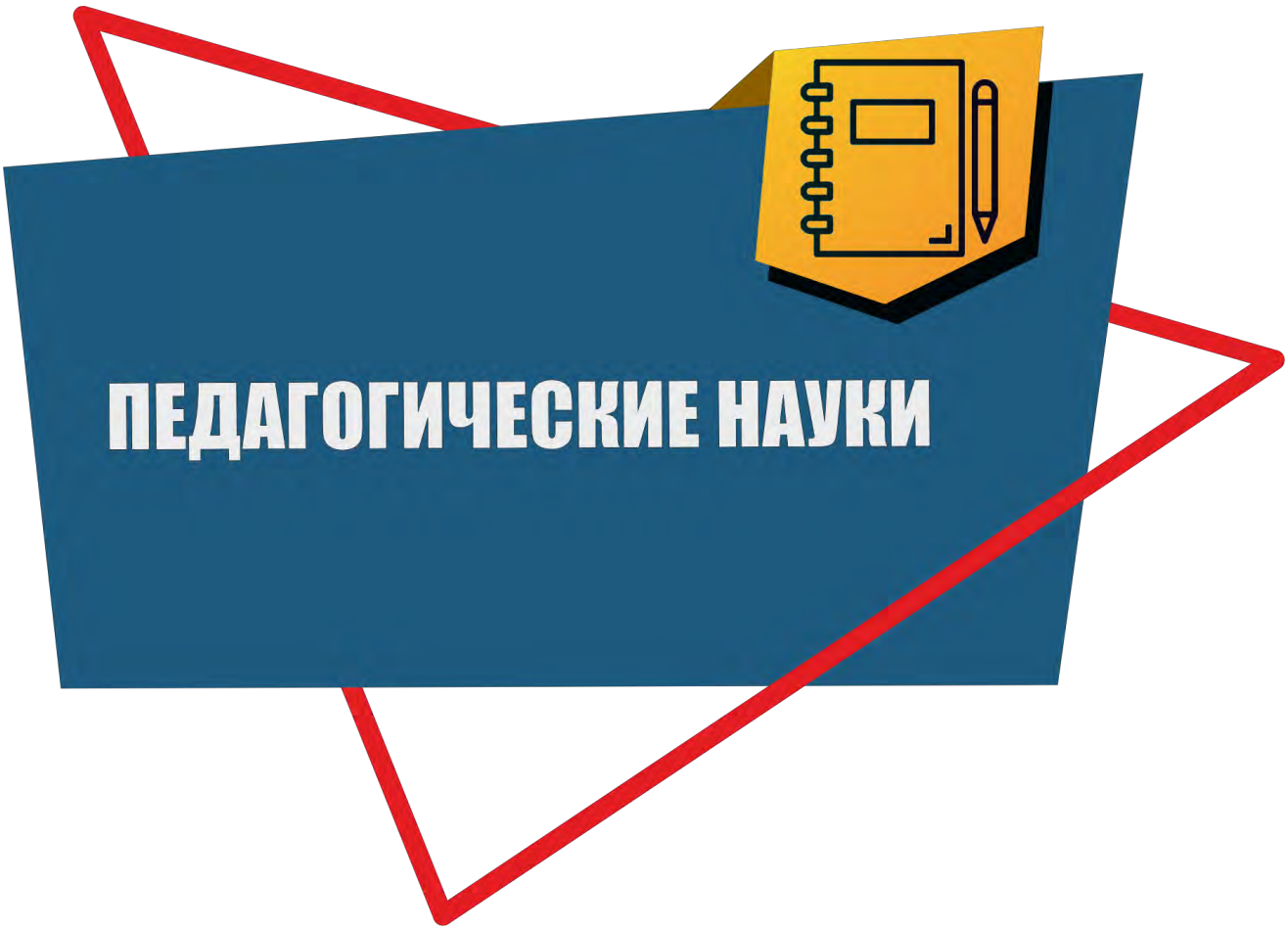
18. Klitgaard R. Controlling Corruption. — Berkeley: University of California Press, 1988.

19. Kohlberg L. The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice. — San Francisco: Harper & Row, 1981.

20. OECD. Education for Integrity: Teaching on Anti-Corruption, Values and the Rule of Law. — Paris: OECD Publishing, 2018.

21. Persson A., Rothstein B., Teorell J. Why Anticorruption Reforms Fail — Systemic Corruption as a Collective Action Problem // Governance. — 2013. — Vol. 26, No. 3. — P. 449–471.

© Сулейманов Р.Р., 2026


ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37

Allaberdiyeva Orazjahan,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Shihmammedova Gulsona,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Mergenova Aksoltan,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

ARCHITECTURE OF EDUCATIONAL TRANSMISSION: ADVANCED DIDACTIC METHODOLOGIES, COGNITIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN INSTRUCTION

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified instructional designers, pedagogical researchers, and professional educators (Munna & Kalam, 2021). As modern schooling systems, digital e-learning platforms, competency-based educational environments, and global academic standards encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted adaptive learning modernization, and evolving cross-disciplinary pedagogical requirements, the systematic study of instruction demands a comprehensive integration of advanced cognitive development theory, interactive pedagogical strategies, and rigorous outcome-based assessment principles.

This study investigates how the harmonization of practical classroom teaching training, interactive virtual instructional management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes knowledge acquisition and professional teaching adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical didactic instruction and cutting-edge digital learning innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes educational workforce readiness and sustainable academic development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

instructional methodology, educational pedagogy, teaching and learning, cognitive development, e-learning frameworks, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global educational sector, institutional school networks, and digital learning agencies requires a fundamental paradigm shift in how instructors, curriculum developers, and pedagogical researchers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, instructional practice relied heavily on static textbook memorization, traditional chalkboard recitation, and fragmented lecture drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated adaptive learning analytics, real-time student engagement tracking, and digital collaborative classroom shifts of the twenty-first century (Matos et al., 2023). Today, the widespread proliferation of cloud-based learning management systems, artificial intelligence tutoring assistants, virtual reality immersive classrooms, and adaptive testing software demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student teachers and working instructional professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models

that seamlessly bridge theoretical cognitive and psychological principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern instructional and pedagogical training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, emotional intelligence awareness, and lifelong technical reflection habits. Educational professionals enter the modern workforce equipped with core academic foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level student cognitive data, adapting to rapid curriculum design updates, and collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams. Institutional support systems—such as university-based pedagogical research labs, continuous professional digital teaching certification programs, and collaborative instructional design groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on educational software operation and real-world classroom management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global educational sector.

Main Part

At the core of educating modern instructional specialists is the mastery of advanced adaptive learning software, cognitive engagement protocols, and task-specific competencies that maximize knowledge retention while fostering strict psychological safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core memory consolidation properties, student motivation calculations, and regulatory academic achievement standards, enabling them to execute complex classroom evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future pedagogical specialists are trained to utilize integrated virtual instructional suites, automated assessment analysis systems, and real-time student tracking database tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected curriculum anomaly updates, streamline academic

resource logistics, and elevate the overall quality, safety, and psychological reliability of their respective school and university practices.

Complementing technical and instructional training, the integration of critical pedagogical thinking, collaborative learning methodologies, and interdisciplinary teamwork represents an indispensable component of contemporary education. Specialists in instructional methodology and curriculum design must learn to communicate effectively across diverse student and stakeholder groups, manage complex multi-year educational budgets, and resolve behavioral and instructional conflicts within multidisciplinary academic teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, educational equity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that instructional directors can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated educational theories and integrated national literacy strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary educators must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern instructors and educational administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international teaching credentials and digital pedagogy standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding student privacy legislation, digital media consumption ethics for learners, and sustainable inclusive classroom design principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and educational enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level teaching assistants into visionary academic leaders who drive sustainable societal educational transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary instructional specialists and educational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national intellectual capacity, lifelong cognitive development, and global academic research innovation. By combining robust psychological and pedagogical theory with hands-on classroom training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern instructional and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable teaching experts ensures that global educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated instructional design, virtual reality immersive learning environments, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education pedagogical training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital education. As new generations of educational professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the teaching and learning sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional educational talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Matos, J. F., Piedade, J., Freitas, A., Pedro, N., Dorotea, N., Pedro, A., & Galego, C. (2023). Teaching and learning research methodologies in education: A systematic literature review. Education Sciences, 13(2), 173. https://doi.org/10.3390/ educsci 13020173 Cited by: 196

2. Munna, A.S., & Kalam, M.A. (2021). Teaching and learning process to enhance teaching effectiveness: A literature review. International Journal of Humanities and Social Science, 4(1), 1–4.

© Allaberdiyeva O., Shihmammedova G., Mergenova A., 2026

УДК 37

Amanmyradova Arzygul,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Shihmammedova Gulsona,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Orazgeldiyev Nurberdi,
lecturer
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

CULTIVATING RURAL COMPETENCE: ADVANCED AGRONOMIC PEDAGOGIES, PRECISION FARMING FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Newcomb et al., 2025). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century (Korolenko & Horbunova, 2024). Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead

in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly

updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges (Newcomb et al., 2025). The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Introduction to Agricultural Education, Phipps, L. J., Osborne, E. W., Dyer, J. E., Ryan, A., Boston: Pearson Education, 2023.

2. Precision Agriculture: Technology and Practice, Stafford, J. V., Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2021.

3. Modern Agricultural Pedagogy and Vocational Training Methodologies in Higher Practice, Berdiyev, M. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Agricultural Extension and Rural Development, Swanson, B. E., Bentz, R. P., Sofranko, A. J., Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020.

5. Agriculture, Diversification and Education, Petherbridge, K., et al., London: Routledge, 2022.

© Amanmyradova A., Shihmammedova G., Orazgeldiyev N., 2026

УДК 37

Balkanova Bahar,
lecturer
Geldimyradova Oguljennet,
lecturer
Pedagogical school named after Hydyr Deryayev
Mary, Turkmenistan

FOUNDATIONS OF EARLY CHILDHOOD DEVELOPMENT: ADVANCED PEDAGOGICAL METHODOLOGIES, CHILD PSYCHOLOGY FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR PRESCHOOL EDUCATION

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified preschool educators, child psychologists, and early childhood development specialists (Berk, 2021). As modern early childhood education systems, preschool learning environments, and developmental psychology frameworks encounter rapid technological transformation, digital interactive pedagogy modernization, and evolving global educational standards, the systematic instruction of preschool pedagogy and psychology demands a comprehensive integration of advanced cognitive development theory, play-based learning methodologies, and rigorous behavioral observation principles. This study investigates how the harmonization of experiential classroom teaching training, interactive virtual developmental simulation software, and competency-based pedagogy optimizes child engagement and professional educational adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical developmental stages and cutting-edge neuroeducational innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes early learning readiness and sustainable social development. Ultimately,

the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

preschool education, early childhood pedagogy, child psychology, developmental milestones, play-based learning, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global early childhood education sector, municipal kindergarten networks, and developmental research institutes requires a fundamental paradigm shift in how preschool educators, child psychologists, and curriculum designers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, early childhood instruction relied heavily on rigid behavioral drills, static instructional memorization, and traditional lecture-based recitation, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced digital literacy demands, neurodiversity awareness, and interactive play-based learning shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of digital educational toys, virtual developmental assessment platforms, adaptive learning analytics, and collaborative parent-teacher communication networks demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student teachers and working preschool professionals with modern competencies requires moving beyond traditional chalkboard instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical psychological principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern preschool pedagogy and psychology specialists involves cultivating deep emotional intelligence, behavioral observation acuity, and lifelong reflective teaching habits. Early childhood professionals enter the modern workforce equipped with core educational foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level developmental delays, adapting to rapid inclusive education curriculum updates, and

collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams. Institutional support systems—such as university-based child study labs, continuous professional early intervention certification programs, and collaborative pedagogical research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on developmental tool operation and real-world behavioral management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global education sector.

Main Part

At the core of educating modern preschool pedagogy and psychology specialists is the mastery of advanced developmental assessment software, play-based curriculum design protocols, and task-specific competencies that maximize child cognitive engagement while fostering strict emotional safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core attachment theory properties, socio-emotional regulation calculations, and regulatory early childhood education standards, enabling them to execute complex behavioral and educational evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future preschool specialists are trained to utilize integrated virtual developmental tracking suites, automated observation analysis systems, and real-time family communication database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected developmental anomaly updates, streamline early learning environment logistics, and elevate the overall quality, safety, and psychological reliability of their respective kindergarten and nursery practices.

Complementing technical and psychological training, the integration of critical developmental thinking, inclusive education methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary early childhood education. Specialists in preschool pedagogy and psychology must learn to communicate

effectively across diverse family and stakeholder groups, manage complex multi-year developmental support budgets, and resolve behavioral and instructional conflicts within multidisciplinary educational teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, child protection regulatory compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that head teachers can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated psychological theories and integrated national early learning strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary preschool educators and child psychologists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern early childhood professionals are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international developmental psychology credentials and inclusive education standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions. Furthermore, understanding child rights legislation, digital media consumption ethics for toddlers, and sustainable inclusive classroom design principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and research enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level kindergarten assistants into visionary educational leaders who drive sustainable societal transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary preschool pedagogy and psychology specialists is a vital strategic endeavor that directly influences national educational foundation quality, lifelong cognitive development, and global social stability. By combining robust psychological and pedagogical theory with hands-on classroom training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong

learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern behavioral and instructional challenges. The resulting development of skilled, adaptable early childhood experts ensures that global educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in developmental screening, virtual reality early learning environments, and changing global inclusivity standards will require ongoing refinement of higher education preschool training programs, incorporating emerging insights from neuroeducation and digital pedagogy. As new generations of educational professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the early childhood sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional preschool talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Child Development, Berk, L. E., Hoboken: Pearson Education, 2021.
2. Early Childhood Education: Today, Morrison, G. S., Boston: Pearson Education, 2024.
3. Modern Preschool Pedagogy and Psychology Methodologies in Higher Practice, Annayev, B. M., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.
4. Developmental Psychology: Childhood and Adolescence, Shaffer, D. R., Kipp, K., Boston: Cengage Learning, 2023.
5. Early Childhood Curriculum: A Constructivist Perspective, DeVries, R., Zan, B., New York: Teachers College Press, 2012.

© Balkanova B., Geldimyradova O., 2026

УДК 37

Baylyyeva Bibimeryem,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Chommulova Mayagozel,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Japarova Chynar,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

THEORETICAL ARCHITECTURE OF INSTRUCTIONAL SCIENCE: ADVANCED PEDAGOGICAL DESIGN, DIDACTIC METHODOLOGIES, AND PROFESSIONAL COMPETENCE FRAMEWORKS FOR MODERN EDUCATIONAL SYSTEMS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified instructional designers, pedagogical researchers, and professional educators (Matos et al., 2023). As modern schooling systems, digital e-learning platforms, competency-based educational environments, and global academic standards encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted adaptive learning modernization, and evolving cross-disciplinary pedagogical requirements, the systematic study of instruction demands a comprehensive integration of advanced cognitive development theory, interactive pedagogical strategies, and rigorous outcome-based assessment principles

(Avila-Garzon & Bacca-Acosta, 2025). This study investigates how the harmonization of practical classroom teaching training, interactive virtual instructional management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes knowledge acquisition and professional teaching adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical didactic instruction and cutting-edge digital learning innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes educational workforce readiness and sustainable academic development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

instructional methodology, educational pedagogy, teaching and learning, cognitive development, e-learning frameworks, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global educational sector, institutional school networks, and digital learning agencies requires a fundamental paradigm shift in how instructors, curriculum developers, and pedagogical researchers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, instructional practice relied heavily on static textbook memorization, traditional chalkboard recitation, and fragmented lecture drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated adaptive learning analytics, real-time student engagement tracking, and digital collaborative classroom shifts of the twenty-first century (Matos et al., 2023). Today, the widespread proliferation of cloud-based learning management systems, artificial intelligence tutoring assistants, virtual reality immersive classrooms, and adaptive testing software demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student teachers and working instructional professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models

that seamlessly bridge theoretical cognitive and psychological principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern instructional and pedagogical training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, emotional intelligence awareness, and lifelong technical reflection habits. Educational professionals enter the modern workforce equipped with core academic foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level student cognitive data, adapting to rapid curriculum design updates, and collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams (Antonsen et al., 2024). Institutional support systems—such as university-based pedagogical research labs, continuous professional digital teaching certification programs, and collaborative instructional design groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on educational software operation and real-world classroom management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global educational sector.

Main Part

At the core of educating modern instructional specialists is the mastery of advanced adaptive learning software, cognitive engagement protocols, and task-specific competencies that maximize knowledge retention while fostering strict psychological safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core memory consolidation properties, student motivation calculations, and regulatory academic achievement standards, enabling them to execute complex classroom evaluations with high precision (Avila-Garzon & Bacca-Acosta, 2025). Instead of relying solely on rote textbook memorization, future pedagogical specialists are trained to utilize integrated virtual instructional suites, automated assessment analysis systems, and real-time student tracking database tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected

curriculum anomaly updates, streamline academic resource logistics, and elevate the overall quality, safety, and psychological reliability of their respective school and university practices.

Complementing technical and instructional training, the integration of critical pedagogical thinking, collaborative learning methodologies, and interdisciplinary teamwork represents an indispensable component of contemporary education. Specialists in instructional methodology and curriculum design must learn to communicate effectively across diverse student and stakeholder groups, manage complex multi-year educational budgets, and resolve behavioral and instructional conflicts within multidisciplinary academic teams (Antonsen et al., 2024). Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, educational equity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that instructional directors can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated educational theories and integrated national literacy strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary educators must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern instructors and educational administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international teaching credentials and digital pedagogy standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions (Matos et al., 2023). Furthermore, understanding student privacy legislation, digital media consumption ethics for learners, and sustainable inclusive classroom design principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and educational enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level teaching assistants into visionary academic leaders who drive sustainable societal educational transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary instructional specialists and educational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national intellectual capacity, lifelong cognitive development, and global academic research innovation. By combining robust psychological and pedagogical theory with hands-on classroom training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern instructional and operational challenges (Avila-Garzon & Bacca-Acosta, 2025). The resulting development of skilled, adaptable teaching experts ensures that global educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated instructional design, virtual reality immersive learning environments, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education pedagogical training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital education. As new generations of educational professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the teaching and learning sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional educational talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References:

1. Al-Thani, N. J., & Ahmad, Z. (2025). Teaching and Learning with Research Cognitive Theory. SpringerBriefs in Education. https://doi.org/10.1007/978-3-031-87544-1

2. Abubakar, H., & Muhammed, H. B. (2023). A systematic literature review on teaching teachers pedagogy through YouTube video technology. Journal of Digital Educational Technology, 3, ep2301. https://doi.org/10.30935/jdet/12839 Cited by: 26

3. Matos, J. F., Piedade, J., Freitas, A., Pedro, N., Dorotea, N., Pedro, A., & Galego, C.

(2023). Teaching and learning research methodologies in education: A systematic literature review. Education Sciences, 13(2), 173. https://doi.org/10.3390/ educsci 13020173 Cited by: 196

4. Munna, A. S., & Kalam, M. A. (2021). Teaching and learning process to enhance teaching effectiveness: A literature review. International Journal of Humanities and Social Science, 4(1), 1–4.

© Baylyyeva B., Chommulova M., Japarova Ch., 2026

УДК 37

Berdiyeva Ayjahan,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Shihmammedova Gulsona,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Jumamyradova Merjen,
lecturer
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

AGRARIAN EXCELLENCE AND VOCATIONAL PEDAGOGY: ADVANCED CURRICULUM DESIGN, SMART FARMING INSTRUCTION, AND PROFESSIONAL COMPETENCE DEVELOPMENT FOR AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Bournaris et al., 2022). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability (Trubilin et al., 2022). By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century (Marinič, 2026). Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-

integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly

updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges (Bournaris et al., 2022). The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Bournaris, T., Correia, M., Guadagni, A., Karouta, J., Krus, A., Lombardo, S., Lazaridou, D., Loizou, E., Marques da Silva, J. R., Martínez-Guanter, J., Michailidis, A., Nastis, S., Paltaki, A., Partalidou, M., Pérez-Ruiz, M., Ribeiro, Á., Valero, C., & Vieri, M. (2022). Current Skills of Students and Their Expected Future Training Needs on Precision Agriculture: Evidence from Euro-Mediterranean Higher Education Institutes. Agronomy, 12(2), 269. https://doi.org/10.3390/agronomy12020269 Cited by: 32

2. Trubilin, A. I., Gayduk, V. I., Kondrashova, A. V., Gorokhova, A. E., & Gasanbekov, S. K.

(2022). Practical training of students of agrarian universities as a key element in training future specialists in the agro-industrial complex. Revista on line de Política e Gestão Educacional, 26(esp. 2), e022053. https://doi.org/10.22633/rpge.v26iesp.2.16548 Cited by: 9

3. Marinič, P. (2026). Agriculture 4.0 and agricultural vocational education and training. Mendel University in Brno, 1–15. https://www.researchgate.net/publication /377246169_Agriculture_40_and_Agricultural_Vocational_Education_and_Training

4. Newcomb, L. H., McCracken, J. D., Warmbrod, J. R., & Whittington, M. S. (2025). Methods of Teaching Agriculture, Third Edition. Virginia Tech Publishing. https://doi.org/10.21061/methodsofteachingagriculture Cited by: 396

5. Korolenko, V., & Horbunova, K. (2024). The methodology of teaching psychological and pedagogical disciplines in agricultural higher education institutions. Salud, Ciencia y Tecnología - Serie de Conferencias, 3, 1215. https://doi.org/10.56294/sctconf2024.1215 Cited by: 1

© Berdiyeva A., Shihmammedova G., Jumamyradova M., 2026

УДК 37

Besherova Nurnabat,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Shihmammedova Gulsona,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Durdynazarov Ahal,
lecturer
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

FOUNDATIONS OF VOCATIONAL AGRONOMY: ADVANCED EDUCATIONAL STRATEGIES, SMART FARM CURRICULUM MODELS, AND PROFESSIONAL TRAINING FRAMEWORKS FOR MODERN AGRICULTURAL SPECIALISTS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified agricultural specialists, agronomists, and rural enterprise managers (Newcomb et al., 2025). As modern precision agriculture, smart farming technologies, sustainable livestock production, and global food security systems encounter rapid technological transformation, digital agro-industrial modernization, and evolving environmental standards, the systematic instruction of agricultural pedagogy demands a comprehensive integration of advanced agronomic science, experiential farm-to-classroom training, and rigorous competency-based educational principles. This study

investigates how the harmonization of practical field-based instruction, interactive virtual agricultural management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes technical skill acquisition and professional adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical agricultural practices and cutting-edge artificial intelligence-driven farming innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes rural workforce readiness and sustainable agro-industrial development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

agricultural education, vocational training, agronomy pedagogy, smart farming, rural workforce development, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global agricultural sector, commercial farming enterprises, and rural development agencies requires a fundamental paradigm shift in how agricultural specialists, crop scientists, and farm managers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, agricultural instruction relied heavily on static textbook memorization, traditional blackboard crop cycle diagrams, and fragmented field drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated tractor navigation, real-time soil telemetry analysis, and precision irrigation management shifts of the twenty-first century (Korolenko & Horbunova, 2024). Today, the widespread proliferation of Internet of Things-enabled crop monitoring sensors, drone-based aerial crop surveying platforms, automated livestock feeding systems, and virtual agricultural simulation software demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student agronomists and working agricultural technicians with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead

in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biological and mechanical principles with real-world farm execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern agricultural pedagogy and vocational training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, environmental sustainability awareness, and lifelong technical reflection habits. Rural development professionals enter the modern workforce equipped with core botanical and soil science foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system agricultural data, adapting to rapid climate-driven farming adjustments, and collaborating in remote, multidisciplinary engineering and veterinary teams. Institutional support systems—such as university-based experimental farms, continuous professional digital agriculture certification programs, and collaborative agro-industrial research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on machinery operation and real-world farm management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise agronomic proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global food production sector.

Main Part

At the core of educating modern agricultural specialists is the mastery of advanced precision farming software, soil nutrient management protocols, and task-specific competencies that maximize crop yield efficiency while fostering strict environmental conservation workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core plant physiology properties, variable-rate fertilizer application calculations, and regulatory agricultural safety standards, enabling them to execute complex farm evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future agricultural specialists are trained to utilize integrated virtual tractor telemetry suites, automated yield mapping analysis systems, and real-time weather database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern agrarian professionals to navigate unexpected climate anomaly

updates, streamline supply chain logistics, and elevate the overall quality, safety, and economic reliability of their respective cooperative and commercial farming practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, rural leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary agricultural education. Specialists in agricultural pedagogy and farm management must learn to communicate effectively across diverse farming and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar cooperative budgets, and resolve land-use and labor conflicts within multidisciplinary agro-industrial teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, occupational health compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that agricultural extension officers can manage high-pressure rural development environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated agronomic theories and integrated national food security strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary agricultural specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern agronomists and agricultural educators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international precision farming credentials and sustainable land management standards to stay ahead of rapid technological and ecological disruptions. Furthermore, understanding agricultural water conservation legislation, organic farming certification ethics, and carbon-neutral livestock production principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and agricultural enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level farm assistants into visionary agricultural leaders who drive sustainable rural transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary agricultural specialists and vocational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national food security, rural economic vitality, and global environmental sustainability. By combining robust biological and agronomic theory with hands-on field training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern climatic and operational challenges (Newcomb et al., 2025). The resulting development of skilled, adaptable agricultural experts ensures that global food supply ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in autonomous crop harvesting, blockchain-enabled agricultural supply chains, and changing global climate resilience standards will require ongoing refinement of higher education agricultural training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of agricultural professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the rural and agro-industrial sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional agricultural talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Introduction to Agricultural Education, Phipps, L. J., Osborne, E. W., Dyer, J. E., Ryan, A., Boston: Pearson Education, 2023.

2. Precision Agriculture: Technology and Practice, Stafford, J. V., Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2021.

3. Modern Agricultural Pedagogy and Vocational Training Methodologies in Higher Practice, Berdiyev, M. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Agricultural Extension and Rural Development, Swanson, B. E., Bentz, R. P., Sofranko,

A. J., Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020.

5. Agriculture, Diversification and Education, Petherbridge, K., et al., London: Routledge, 2022.

© Besherova N., Shihmammedova G., Durdynazarov A., 2026

УДК 37

Kasimova Abadan,
student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Chommulova Mayagozel,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Jumayeva Ayshohle,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF DIDACTIC DESIGN: ADVANCED INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, COGNITIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR MODERN EDUCATORS

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, educational methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified instructional designers, pedagogical researchers, and professional educators (Matos et al., 2023). As modern schooling systems, digital e-learning platforms, competency-based educational environments, and global academic standards encounter rapid technological transformation, artificial intelligence-assisted adaptive learning modernization, and evolving cross-disciplinary pedagogical requirements, the systematic study of instruction demands a comprehensive integration of advanced cognitive development theory, interactive pedagogical strategies, and rigorous outcome-based assessment principles.

This study investigates how the harmonization of practical classroom teaching training, interactive virtual instructional management simulations, and outcome-based pedagogy optimizes knowledge acquisition and professional teaching adaptability (Al-Thani & Ahmad, 2025). By analyzing the dynamic interplay between classical didactic instruction and cutting-edge digital learning innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes educational workforce readiness and sustainable academic development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern educators to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

instructional methodology, educational pedagogy, teaching and learning, cognitive development, e-learning frameworks, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global educational sector, institutional school networks, and digital learning agencies requires a fundamental paradigm shift in how instructors, curriculum developers, and pedagogical researchers are educated, trained, and prepared for dynamic classroom environments. Historically, instructional practice relied heavily on static textbook memorization, traditional chalkboard recitation, and fragmented lecture drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated adaptive learning analytics, real-time student engagement tracking, and digital collaborative classroom shifts of the twenty-first century (Matos et al., 2023). Today, the widespread proliferation of cloud-based learning management systems, artificial intelligence tutoring assistants, virtual reality immersive classrooms, and adaptive testing software demands a sophisticated, adaptable pedagogical framework. Equipping student teachers and working instructional professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models

that seamlessly bridge theoretical cognitive and psychological principles with real-world classroom execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern instructional and pedagogical training specialists involves cultivating deep analytical flexibility, emotional intelligence awareness, and lifelong technical reflection habits. Educational professionals enter the modern workforce equipped with core academic foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-level student cognitive data, adapting to rapid curriculum design updates, and collaborating in remote, multidisciplinary specialist teams (Abubakar & Muhammed, 2023). Institutional support systems—such as university-based pedagogical research labs, continuous professional digital teaching certification programs, and collaborative instructional design groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on educational software operation and real-world classroom management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise instructional proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global educational sector.

Main Part

At the core of educating modern instructional specialists is the mastery of advanced adaptive learning software, cognitive engagement protocols, and task-specific competencies that maximize knowledge retention while fostering strict psychological safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core memory consolidation properties, student motivation calculations, and regulatory academic achievement standards, enabling them to execute complex classroom evaluations with high precision (Al-Thani & Ahmad, 2025). Instead of relying solely on rote textbook memorization, future pedagogical specialists are trained to utilize integrated virtual instructional suites, automated assessment analysis systems, and real-time student tracking database tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern educational professionals to navigate unexpected

curriculum anomaly updates, streamline academic resource logistics, and elevate the overall quality, safety, and psychological reliability of their respective school and university practices.

Complementing technical and instructional training, the integration of critical pedagogical thinking, collaborative learning methodologies, and interdisciplinary teamwork represents an indispensable component of contemporary education. Specialists in instructional methodology and curriculum design must learn to communicate effectively across diverse student and stakeholder groups, manage complex multi-year educational budgets, and resolve behavioral and instructional conflicts within multidisciplinary academic teams (Abubakar & Muhammed, 2023). Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, educational equity compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that instructional directors can manage high-pressure classroom environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young pedagogical professionals bridge the gap between isolated educational theories and integrated national literacy strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary educators must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern instructors and educational administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international teaching credentials and digital pedagogy standards to stay ahead of rapid technological and scientific disruptions (Matos et al., 2023). Furthermore, understanding student privacy legislation, digital media consumption ethics for learners, and sustainable inclusive classroom design principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and educational enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous improvement, individuals transition seamlessly from entry-level teaching assistants into visionary academic leaders who drive sustainable societal educational transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary instructional specialists and educational educators is a vital strategic endeavor that directly influences national intellectual capacity, lifelong cognitive development, and global academic research innovation. By combining robust psychological and pedagogical theory with hands-on classroom training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern instructional and operational challenges (Al-Thani & Ahmad, 2025). The resulting development of skilled, adaptable teaching experts ensures that global educational ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated instructional design, virtual reality immersive learning environments, and changing global digital literacy standards will require ongoing refinement of higher education pedagogical training programs, incorporating emerging insights from cognitive science and digital education. As new generations of educational professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the teaching and learning sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional educational talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References:

1. Al-Thani, N. J., & Ahmad, Z. (2025). Teaching and Learning with Research Cognitive Theory. SpringerBriefs in Education. https://doi.org/10.1007/978-3-031-87544-1

2. Abubakar, H., & Muhammed, H. B. (2023). A systematic literature review on teaching teachers pedagogy through YouTube video technology. Journal of Digital Educational Technology, 3, ep2301. https://doi.org/10.30935/jdet/12839 Cited by: 26

3. Matos, J. F., Piedade, J., Freitas, A., Pedro, N., Dorotea, N., Pedro, A., & Galego, C. (2023). Teaching and learning research methodologies in education: A systematic

literature review. Education Sciences, 13(2), 173. https://doi.org/10.3390/ educsci 13020173 Cited by: 196

4. Munna, A. S., & Kalam, M. A. (2021). Teaching and learning process to enhance teaching effectiveness: A literature review. International Journal of Humanities and Social Science, 4(1), 1–4.

© Kasimova A., Chommulova M., Jumayeva A., 2026

УДК 37

Абдуджабборов С.А.

преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания факультета русской филологии ГОУ «ХГУ имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Таджикистан

РОЛЬ ЛИДЕРА НАЦИИ В УСТАНОВЛЕНИИ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация

В статье анализируется историческая роль Президента Республики Таджикистан, Основателя мира и национального единства — Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона в прекращении гражданской войны, преодолении глубокого системного кризиса 1990-х годов и консолидации таджикского общества. Рассматриваются ключевые этапы таджикской модели миростроительства, получившей международное признание. Особое внимание уделено современному этапу государственного строительства, где стержневыми задачами выступают повышение личной ответственности каждого гражданина за сохранение независимости, а также жесткая институциональная борьба со злоупотреблениями чиновников и коррупцией как главными внутренними деструктивными вызовами.

Ключевые слова:

Эмомали Рахмон, Лидер нации, Таджикистан, национальное единство, миростроительство, гражданская ответственность, антикоррупционная политика, государственное управление.

Введение

Начало 1990-х годов вошло в новейшую историю Республики Таджикистан как

период глубочайшего геополитического и социально-экономического потрясения. Навязанная извне гражданская братоубийственная война поставила под прямую угрозу территориальную целостность страны и само существование таджикской нации. В условиях паралича центральных институтов власти возникла острая историческая необходимость в сильном политическом лидере, способном консолидировать расколотое общество и запустить процессы постконфликтного восстановления.

1. Историческая миссия XVI сессии Верховного Совета и правовые основы мира

Исторической точкой отсчета на пути спасения таджикской государственности стала XVI сессия Верховного Совета Республики Таджикистан (ноябрь 1992 г., г. Худжанд). Избрание Главой государства Эмомали Рахмона коренным образом изменило вектор развития кризиса. Вступая в должность в условиях масштабных боевых действий, молодой руководитель взял на себя персональную ответственность за судьбу народа, провозгласив доктрину безусловного приоритета мира над любыми политическими амбициями:

«Я начну свою работу с установления мира... Я принесу мир каждому дому, каждой семье, я пожертвую своей жизнью ради мира в своей стране, я верну всех беженцев на Родину».

Реализация этого курса потребовала пяти лет сложнейших итерационных мирных переговоров, кульминацией которых стало подписание 27 июня 1997 года в Москве исторического «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане». В рамках этого процесса государством был осуществлен беспрецедентный в мировой практике комплекс мер по репатриации и реинтеграции более миллиона беженцев из Афганистана и стран СНГ.

Фундаментом новой политической системы послужило принятие на всенародном референдуме в 1994 году [Конституции Республики Таджикистан](http://portalihuquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetai

l=&asosi_id=18257), провозгласившей построение суверенного, демократического, правового и светского государства^1. Осознавая масштабы заслуг Главы государства, парламент страны закрепил за ним конституционный статус «Основатель мира и национального единства — Лидер нации» (Конституционный Закон РТ № 1356).

Позже Лидер нации глубоко охарактеризовал данный исторический транзит:

«Дорога мира была для нас дорогой спасения нации и независимого государства таджиков. К порогу мира мы дошли через боль и страдания, труд и мучения...»

2. От стабилизации к модернизации: стратегические цели

Достижение политического консенсуса позволило руководству страны перенаправить ресурсы на созидательное развитие. Президентом были сформулированы четыре долгосрочные стратегические цели, трансформировавшиеся в государственные программы:

1. Вывод страны из коммуникационного тупика;

2. Обеспечение энергетической независимости (включая флагманский проект — Рогунскую ГЭС);

3. Защита продовольственной безопасности;

4. Ускоренная индустриализация экономики.

Таджикистан трансформировался из объекта международной миротворческой помощи в активного субъекта глобальной дипломатии, чьи инициативы по водным ресурсам и сохранению ледников последовательно одобряются Генеральной Ассамблеей ООН.

3. Современные гражданские вызовы: преодоление дисфункций в государственном управлении

На современном этапе созидательный потенциал государства напрямую зависит от качества работы управленческого аппарата и зрелости гражданского общества. Государственное наследие, завоеванное ценой огромных человеческих

жертв, накладывает строгие обязательства на каждого гражданина. Патриотизм в современных реалиях из абстрактной категории должен трансформироваться в конкретный трудовой и интеллектуальный вклад в развитие родины.

Тем не менее, устойчивое развитие сталкивается с серьезными внутренними барьерами. Одним из главных деструктивных факторов выступает злоупотребление должностными полномочиями, халатность и кумовство со стороны отдельных представителей бюрократического аппарата, которые не оправдывают доверие Президента и ожидания общества.

Лидер нации занимает непримиримую и жесткую позицию по отношению к проявлениям коррупции среди чиновников. В своих официальных выступлениях и ежегодных программных обращениях к Парламенту Глава государства систематически подвергает критике руководителей, ставящих личные интересы выше национальных:

«Коррупция, являясь негативным явлением, подрывающим доверие народа к государству, его авторитет и имидж, создает условия для развития теневой экономики... и способствует попиранию прав человека».

Президент требует радикальной чистки управленческого аппарата от лиц, дискредитирующих государственную службу. Бюрократическое безразличие к нуждам простых граждан трактуется Лидером нации как прямая угроза национальной безопасности и предательство тех идеалов единства, на которых зиждется современный Таджикистан.

Заключение

Установление мира в Таджикистане — это историческая победа таджикского народа, ставшая возможной благодаря мужеству, политической воле и дипломатическому таланту Президента Эмомали Рахмона. Однако сохранение данного наследия — это динамический процесс, требующий постоянных усилий.

Научно-образовательное сообщество и гражданские институты должны транслировать подрастающему поколению понимание того, что подлинный

патриотизм несовместим с коррупцией и правовым нигилизмом. Будущее государственности зависит от способности общества очиститься от внутренних деструктивных элементов и сформировать новую элиту, руководствующуюся принципами меритократии, профессионализма и искренней преданности курсу Лидера нации.

Список использованной литературы:

1. Рахмон, Э. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 16 декабря 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: [president.tj](https:// president.tj/event/news/54185).

2. Рахмон, Э. Таджики на зеркале истории. От арийцев до Саманидов. — Душанбе: Ирфон, 2002. — 214 с.

3. Конституционный Закон Республики Таджикистан «Об Основателе мира и национального единства — Лидере нации» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2016 г., № 11, ст. 872.

4. Шарипов, С.И. Политика мира и национального согласия Эмомали Рахмона: теоретические и практические аспекты / С.И. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. — 2018. — № 4. — С. 45–52.

©Абдуджабборов С.А., 2026

УДК 373.3:796

Буковцова М.А.,

студентка 5 курса факультета дошкольного, начального и специального образования педагогического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,

г. Белгород, РФ

Научный руководитель: Гончарук Я.А.

кандидат социологических наук, доцент ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,

г. Белгород, РФ

ИНТЕГРАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОСНОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Аннотация

В статье рассмотрены возможности интеграции физической культуры в образовательный процесс начальной школы. Раскрыта роль содержательно-смысловых рубрик как педагогического механизма реализации интеграционного процесса. Показано, что систематическое использование интегративного подхода на уроках физкультуры способствует формированию личностных, познавательных, коммуникативных и регулятивных универсальных учебных действий. Определены условия, при которых физическая культура становится действенным средством воспитания основ здорового образа жизни младших школьников. Обоснована необходимость комплексной работы школы и семьи в этом направлении.

Ключевые слова:

физическая культура, интеграция, универсальные учебные действия, здоровый образ жизни, начальная школа, младшие школьники, образовательный процесс, двигательная активность, мотивация, педагогические технологии.

Современная начальная школа ориентирована на достижение не только предметных, но и метапредметных результатов. Физическая культура обладает здесь серьезным потенциалом, который часто используется не полностью. Учителя нередко сводят урок к выполнению нормативов, тогда как развитие мышления, общения и саморегуляции остается на втором плане [2]. Другая проблема связана с низкой двигательной активностью детей и слабой мотивацией к занятиям [5]. Поэтому важно рассмотреть интеграцию физической культуры как средство формирования универсальных учебных действий и основ здорового образа жизни.

В.Г. Федоров описывает интеграционный процесс через содержательно-смысловые рубрики [4]. Рубрики «Рассмотри и расскажи», «Рассмотри и выполни» помогают осмыслить двигательное действие и сравнить его с образцом. «Подумай и расскажи», «Подумай и объясни» учат анализу и установлению причинно-следственных связей. «Выбери, выполни, поделись с другими» создает ситуацию выбора и обсуждения. «Для любознательных» расширяет кругозор, а «Понаблюдай» развивает рефлексию. Такие задания связывают физкультуру с другими предметами и делают урок целостным.

А.И. Кондратюк показывает, как на уроках физкультуры формируются все группы УУД [2]. Личностные связаны с мотивацией, ценностью здоровья, уважением к участникам; регулятивные – с планированием, контролем нагрузки, коррекцией; познавательные – с поиском информации, сравнением упражнений, объяснением их влияния; коммуникативные – с работой в команде, умением договариваться и разрешать споры. В эксперименте рост: личностные УУД – с 7,6 до 30%, регулятивные – с 8,5 до 39,9%, коммуникативные – с 9,2 до 74,3%, познавательные – с 19 до 76,8% [2]. Эти данные говорят о необходимости системного использования потенциала физкультуры.

Формирование здорового образа жизни у младших школьников рассматривают Г.Э. Дементьев и соавторы [3]. Начальные классы являются важным этапом становления привычек. Работа должна идти через уроки, внеурочные

занятия и семью. Полезны современные устройства для контроля активности, пульса и сна. Но решающую роль играет пример взрослых. Если учитель и родители сами соблюдают правила здорового образа жизни, дети перенимают их поведение.

В.Ю. Карпов и соавторы изучили мотивы младших школьников [5]. У мальчиков чаще выражены стремление развить силу, ловкость, освоить приемы самообороны. У девочек – желание укрепить здоровье, сформировать фигуру, уверенно чувствовать себя среди сверстников. Учет этих различий делает занятия более привлекательными. При этом общий двигательный режим детей ниже нормы, поэтому важны физкультминутки, подвижные перемены, прогулки.

В.М. Зорина подчеркивает значение моделирования образовательного процесса [1]. Модель включает цели, содержание, технологии и результаты. Она строится на принципах системности, доступности, индивидуального подхода, сотрудничества с родителями. Модель нужно регулярно обновлять с учетом новых требований.

Соединение интеграционного подхода, работы по формированию УУД и воспитания здорового образа жизни дает заметный результат. Урок физкультуры становится пространством, где ребенок думает, общается, управляет своим поведением и заботится о здоровье. Рубрики Федорова задают структуру, методики Кондратюка обеспечивают развитие УУД, рекомендации Дементьева помогают выстроить здоровьесбережение, данные Карпова уточняют мотивацию, а модель Зориной придает работе системность [1–5].

Интеграция физической культуры в начальную школу формирует УУД и основы ЗОЖ, связывая предмет с другими. Систематические занятия развивают личностные, регулятивные, познавательные и коммуникативные действия. Воспитание ЗОЖ требует участия школы, семьи и примера взрослых; учет мотивов детей повышает эффективность. Моделирование образовательного процесса обеспечивает последовательность, а разработка методических рекомендаций для

учителей остается актуальной.

Список использованной литературы:

1. Зорина, В.М. Моделирование школьного образовательного процесса с направленностью на формирование физической культуры учащихся начальных классов / В. М. Зорина. – Текст: непосредственный // Science Time. – 2024. – № 5 (124). – С. 32-37.

2. Кондратюк, А.И. Формирование универсальных учебных действий обучающихся начальной школы на уроках физической культуры / А.И. Кондратюк. – Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-3. – С. 146-150.

3. Совершенствование работы по формированию здорового образа жизни у обучающихся начальных классов в общеобразовательной школе / Г.Э. Дементьев, Е.Е. Елаева, Н.А. Кайминов, К.А. Елисейкин. – Текст: непосредственный // Science Time. – 2024. – № 4 (123). – С. 5-9.

4. Федоров, В. Г. Физическая культура в интеграционном процессе начальной общеобразовательной школы / В. Г. Федоров. – Текст: непосредственный // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2013. – № 7 (101). – С. 146-150.

5. Характеристика потребностно-мотивационной составляющей в структуре физической культуры личности младшего школьника / В.Ю. Карпов, Г.А. Абрамишвили, А. С. Болдов, М. С. Антонова. – Текст: непосредственный // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 4 (134). – С. 115-120.

© Буковцова М.А., 2026

УДК 374

Винакова А.Н.,
педагог дополнительного образования
МБУДО БДДТ,
г. Белгород, РФ

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА: КАК ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО ФОРМИРУЕТ ЭМПАТИЮ У ДЕТЕЙ

Аннотация

В младшем школьном возрасте (7–10 лет) происходит важнейший психологический сдвиг: ребёнок выходит за пределы семейного круга и начинает выстраивать осознанные связи со сверстниками. В этой статье я рассматриваю бально-спортивный танец не просто как хореографическую дисциплину, а как уникальную лабораторию человеческих отношений. Через понятие «танцевальной рамки» и навыки взаимодействия мы учим детей невербальной эмпатии, умению брать на себя ответственность и, что не менее важно, искусству надёжной поддержки. Партнёрство на паркете становится безопасным пространством, где формируется умение слышать другого без слов и действовать как единый механизм.

Ключевые слова:

Бально-спортивный танец, партнёрство, младший школьный возраст, эмпатия, доверие, танцевальная рамка, невербальная коммуникация, социализация, педагогика, психология развития, взаимная ответственность.

Младший школьный возраст — это время, когда детский эгоцентризм постепенно уступает место потребности в признании и сотрудничестве. Ребёнок начинает остро чувствовать границы свои и чужие, учится договариваться и

мириться. Именно здесь бальный танец раскрывает свой уникальный социальный потенциал: мы учим детей не просто «стоять в паре», а «быть вместе». Для ребёнка 7–10 лет партнёр — это первое зеркало, в котором отражаются его собственные эмоции, и первый союзник, от которого зависит общий успех.

В нашем зале понятие «танцевальной рамки» выходит далеко за пределы физической техники. Это не просто поднятые локти и соединённые руки. Это психологический контур доверия. Когда мальчик (лидер) учится давать четкий, но бережный импульс, он усваивает урок ответственности: «Мои действия влияют на другого, я должен быть внимателен». Когда девочка (фоллоуэр) учится слышать этот импульс и мягко на него откликаться, она постигает искусство поддержки и адаптации. В эпоху, когда дети всё чаще общаются через экраны гаджетов, танец возвращает им утраченный язык прикосновений, взглядов и совместного дыхания.

Особую ценность представляет работа над ошибками. В индивидуальном спорте сбой — это личная неудача. В бальном танце падение или сбой шага одного мгновенно становится проблемой двоих. Моя задача как педагога — научить их тому, что в этот момент нельзя разорвать контакт или начать обвинять. Мы учим детей фразе, которая становится девизом их партнёрства: «Мы — один механизм. Если ты оступился, я подставлю плечо, а не отпущу руку». Этот навык мгновенного прощения и взаимной страховки бесценен. Он переносится из зала в школьные коридоры, в будущие семейные и рабочие отношения, формируя основу здоровой конфликтологии.

Родители иногда переживают: «А вдруг они поссорятся из-за того, что кто-то не выучил фигуру?». Мой ответ таков: танцевальный зал — это идеальная среда для проживания маленьких кризисов. Здесь, под моим присмотром, дети учатся говорить «прости, я ошибся» и «ничего страшного, давай попробуем ещё раз». Они понимают, что идеальных людей не бывает, но бывает идеальное взаимодействие двух несовершенств, спаянное уважением.

Педагог в этом процессе выступает не арбитром, а переводчиком с языка тела

на язык эмоций. Мы помогаем детям увидеть в партнёре не конкурента за внимание судей, а союзника в создании красоты.

Когда после изматывающего тура дети сходят с паркета, и первым делом не бегут за водой, а поправляют друг другу костюм или просто молча обнимаются, разделяя общую усталость и триумф — это и есть победа воспитания. Бальный танец в этом возрасте перестаёт быть просто чередованием шагов. Он становится школой глубокой человеческой эмпатии, где через ритм двух сердец формируется личность, способная к настоящему диалогу и верному плечу рядом.

И если спустя годы, став взрослыми, наши выпускники смогут так же чутко улавливать настроение близкого человека, так же надёжно держать слово и так же красиво «выходить» из любых жизненных па, сохраняя достоинство и уважение к тому, кто идёт рядом, значит, мы танцевали не зря.

Список использованной литературы:

1. Смирнова Е.О. — «Психология общения и эмпатии в детском и подростковом возрасте», Москва, 2021. – 245 с.

2. Богомолова Н.А. — «Педагогика партнёрства в спортивном танце: от техники к этике». Учебно-методическое пособие. – М.: 2022. 168 с.

3. Леушина А.В. — «Социализация детей младшего школьного возраста через хореографическое искусство». – СПб.: 2023. 212 с.

© Винакова А.Н., 2026

УДК 376.112.4

Водяницкая Н.А.

тьютор МОУ «Разуменская СОШ №3»

пгт. Разумное, РФ

Зуборева М.И.

тьютор МОУ «Разуменская СОШ №3»

пгт. Разумное, РФ

Логвинова Р.Ф.

тьютор МОУ «Разуменская СОШ №3»

пгт. Разумное, РФ

КОРРЕКЦИЯ УРОВНЯ АГРЕССИИ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА МЕТОДАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности проявления агрессии у школьников с расстройствами аутистического спектра и возможности ее коррекции средствами арт-терапии. Раскрываются факторы, способствующие возникновению агрессивных реакций, обосновываются принципы организации коррекционной работы. Представлена система арт-терапевтических упражнений, направленных на развитие эмоциональной регуляции, снижение напряжения, формирование приемлемых способов выражения эмоций и улучшение социального взаимодействия.

Ключевые слова:

расстройства аутистического спектра, агрессия, агрессивное поведение, арт-терапия, эмоциональная регуляция, коррекция, школьники.

Vodyanitskaya N. A.

Tutor, MOU «Razumenskaya SOSH № 3», Razumnoe, Russia

Zuboreva M. I.

Tutor, MOU «Razumenskaya SOSH № 3», Razumnoe, Russia

Logvinova R. F.

Tutor, MOU «Razumenskaya SOSH № 3», Razumnoe, Russia

CORRECTION OF AGGRESSION LEVEL IN SCHOOLCHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS USING ART THERAPY METHODS

Annotation

The article considers the manifestations of aggression in schoolchildren with autism spectrum disorders and the possibilities of correcting aggressive behavior through art therapy. The factors contributing to aggressive reactions are analyzed. The principles of correctional work and a system of art therapy exercises aimed at emotional regulation, reduction of tension, development of acceptable ways of expressing emotions and improvement of social interaction are presented.

Keywords:

autism spectrum disorders, aggression, aggressive behavior, art therapy, emotional regulation, correction, schoolchildren.

Введение

Проблема агрессивного поведения детей и подростков занимает значимое место в современной психолого-педагогической практике. Агрессивные реакции могут затруднять обучение ребенка, его взаимодействие со сверстниками и взрослыми, участие в совместной деятельности и освоение социально приемлемых моделей поведения. Особенно сложной данная проблема становится при работе с обучающимися с расстройствами аутистического спектра (РАС), поскольку

проявления агрессии у данной категории детей могут быть связаны не только с особенностями эмоционально-волевой сферы, но и с трудностями коммуникации, сенсорной регуляции, понимания социальных ситуаций и выражения собственных потребностей.

Федеральная адаптированная образовательная программа начального общего образования выделяет четыре варианта обучения обучающихся с РАС, включая вариант 8.4, предназначенный для обучающихся с РАС и умеренной, тяжелой, глубокой умственной отсталостью, тяжелыми и множественными нарушениями развития. Для данной категории детей особенно важны индивидуализация образовательного процесса, учет психофизического состояния, использование доступных средств коммуникации и практическая направленность коррекционной работы.

Важной особенностью сопровождения обучающихся с РАС является необходимость рассматривать нежелательное поведение не только как нарушение дисциплины, но и как возможный способ сообщения о внутреннем состоянии или потребности ребенка. Специалисту необходимо установить возможные причины возникновения агрессивной реакции: сенсорную перегрузку, изменение привычного порядка действий, непонимание инструкции, невозможность выразить просьбу, эмоциональное напряжение, физический дискомфорт, ожидание или отказ в желаемом действии.

В работах О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинг подчеркивается значимость учета особенностей эмоциональной организации ребенка с аутизмом и необходимости создания специальных условий, обеспечивающих постепенное расширение возможностей его взаимодействия с окружающим миром [1]. Современная система сопровождения обучающихся с РАС также предусматривает специальные образовательные условия, комплексную психолого-педагогическую помощь и индивидуализацию коррекционной работы.

Одним из перспективных направлений коррекционной работы является

использование арт-терапевтических методов. Их ценность заключается в возможности предоставить ребенку доступный невербальный способ выражения переживаний, снизить эмоциональное напряжение и постепенно сформировать более приемлемые способы реагирования.

Особенности агрессивного поведения школьников с РАС

Понятие агрессии в психолого-педагогической литературе рассматривается достаточно широко. Агрессивные проявления могут выражаться в физическом воздействии, словесных высказываниях, разрушении предметов, негативизме, протестных реакциях, отказе от взаимодействия и других формах поведения. При этом необходимо разграничивать агрессию как эмоциональную реакцию и агрессивность как относительно устойчивую характеристику поведения.

Агрессивное поведение ребенка не всегда является осознанным стремлением причинить вред другому человеку. В ряде случаев оно выполняет коммуникативную или регуляторную функцию. Например, ребенок может кричать или ударять другого человека, когда не может словами сообщить о своем желании прекратить деятельность, выйти из помещения или получить необходимый предмет.

Исследования агрессивного поведения детей показывают, что его возникновение связано с совокупностью различных факторов. А. А. Реан и А. А. Ставцев отмечают значение семейных факторов в формировании и поддержании агрессивного поведения детей и подростков, подчеркивая необходимость учитывать особенности социальной среды ребенка.

У школьников с РАС причины агрессивного поведения могут иметь специфический характер. К ним относятся:

- нарушение привычного распорядка;
- изменение знакомой последовательности действий;
- непонимание требований взрослого;

- трудности выражения просьб и отказа;
- сенсорная перегрузка;
- чрезмерный шум или большое количество людей;
- неприятные тактильные, слуховые или зрительные стимулы;
- невозможность получить желаемый предмет или выполнить желаемое действие;
- ожидание;
- трудности переключения с одного вида деятельности на другой;
- недостаточная сформированность навыков эмоциональной саморегуляции;
- трудности понимания эмоциональных состояний других людей.

Поэтому коррекция агрессии у школьников с РАС не должна сводиться исключительно к требованию «вести себя правильно». Более продуктивным является комплексный подход, предполагающий выяснение функции поведения, предупреждение ситуаций перегрузки, обучение альтернативным способам коммуникации и формирование навыков эмоциональной регуляции.

Особое значение приобретает работа с эмоциональным состоянием ребенка. Если ребенок не умеет распознавать и обозначать собственные эмоции, ему сложно сообщить взрослому о растущем напряжении до момента возникновения выраженной поведенческой реакции.

Возможности арт-терапии в коррекции агрессивного поведения

Арт-терапия представляет собой направление психологической и психолого-педагогической работы, использующее различные виды творческой деятельности как средство самовыражения, эмоциональной регуляции и взаимодействия.

А.И. Копытин рассматривает арт-терапию как направление, применяемое в лечебно-реабилитационной, педагогической и социальной работе. Значимым

преимуществом арт-терапевтического подхода является возможность использования художественной деятельности для выражения эмоционального опыта, который может быть затруднительно описать словами.

Л.Д. Лебедева подчеркивает, что арт-терапевтическая работа не сводится к обычному рисованию или выполнению творческого задания. Важное значение имеют организация процесса, характер взаимодействия специалиста с ребенком, возможность свободного выражения и последующего обсуждения полученного результата.

Для школьников с РАС это особенно важно, поскольку вербальное описание собственного эмоционального состояния может быть затруднено. Рисунок, лепка, работа с цветом, песком и другими материалами могут выступать промежуточным звеном между внутренним переживанием и его социально приемлемым выражением.

Арт-терапевтическая работа может способствовать решению следующих задач:

1. Снижению уровня эмоционального напряжения;
2. Развитию способности распознавать собственные эмоции;
3. Формированию доступных способов выражения негативных переживаний;
4. Развитию навыков переключения;
5. Формированию произвольной регуляции поведения;
6. Расширению возможностей коммуникации;
7. Развитию положительного опыта взаимодействия со взрослым;
8. Формированию приемлемых способов выражения несогласия;
9. Развитию навыков совместной деятельности.

Таким образом, арт-терапия может рассматриваться не как самостоятельный способ «устранения агрессии», а как компонент комплексной коррекционно-развивающей работы.

Принципы организации арт-терапевтической работы с обучающимися с РАС

При организации занятий необходимо учитывать индивидуальные особенности конкретного ребенка. Особенно это актуально при работе с обучающимися по варианту 8.4, поскольку образовательные результаты и способы их достижения определяются индивидуальными возможностями ребенка. ФАОП НОО для варианта 8.4 предусматривает индивидуализированную оценку результатов и учет степени самостоятельности обучающегося.

Принципы организации арт-терапевтической работы:

1. Принцип безопасности. Ребенок должен понимать структуру занятия и находиться в предсказуемой ситуации. Желательно использовать визуальное расписание: «начало — задание — завершение».

2. Принцип постепенности. Не следует сразу предлагать ребенку сложные задания, требующие длительной самостоятельной работы. Начальный этап должен быть направлен на формирование положительного отношения к творческой деятельности.

3. Принцип доступности. Задания должны соответствовать возможностям ребенка. При необходимости используется совместное действие со взрослым, показ образца, физическая или частичная помощь.

4. Принцип эмоциональной нейтральности взрослого. Специалист не должен критиковать рисунок или оценивать его с позиции «красиво — некрасиво». Важен сам процесс выражения состояния.

5. Принцип функциональности. Каждое занятие должно быть связано с конкретной коррекционной задачей: распознавание эмоций, снижение напряжения, формирование навыка просьбы, развитие способности ждать, переключаться или принимать отказ.

6. Принцип предсказуемости. Для ребенка с рас желательно сохранять общую структуру занятия. Изменения следует вводить постепенно и предварительно обозначать.

Система арт-терапевтических упражнений для коррекции агрессии

На основании анализа психолого-педагогической литературы и практики работы с детьми могут быть выделены несколько блоков арт-терапевтических занятий.

Блок 1. «Узнаю свои эмоции»

Цель блока — формирование первоначального представления об эмоциях и их внешних проявлениях.

1. *Упражнение «Цвет моего настроения».*

Ребенку предлагается выбрать цвет, который соответствует его настроению. На первом этапе взрослый не требует объяснения выбора. Постепенно ребенку предлагаются пиктограммы или фотографии эмоциональных состояний.

2. *Упражнение «Веселый — грустный — сердитый».*

Используются изображения лиц с разными эмоциональными состояниями. Ребенок выбирает соответствующее настроение и затем изображает его с помощью рисунка.

Для обучающихся с ограниченными речевыми возможностями ответ может осуществляться посредством выбора карточки, указательного жеста, взгляда или другого доступного средства коммуникации.

Блок 2. «Выражаю эмоцию безопасно»

Основная задача — предоставить ребенку социально приемлемый способ выражения негативных переживаний.

1. *Упражнение «Сердитая линия».*

Ребенку предлагается провести на листе линии, соответствующие его состоянию: сильные, слабые, прямые, волнистые, прерывистые. Важен не художественный результат, а возможность безопасно выразить напряжение.

После завершения работы специалист может предложить: «Покажи, где здесь злость», «Какая линия самая сильная?», «А теперь сделаем ее маленькой».

2. *Упражнение «Разозлись на бумаге».*

Ребенку предлагается изобразить злость на отдельном листе. После завершения рисунок можно изменить: дорисовать спокойные элементы, превратить изображение в другое или совместно выбрать способ его завершения.

Такой прием позволяет сформировать представление о возможности изменения эмоционального состояния.

Блок 3. «Снижаю напряжение»

На этом этапе используются действия, обладающие выраженным сенсомоторным компонентом.

1. «Рисование губкой»

Ребенку предлагается наносить краску губкой, выполняя повторяющиеся движения. Ритмичность действий может способствовать переключению внимания и снижению возбуждения.

2. «Работа с пластилином»

Ребенок разминает, растягивает, сжимает пластилин, после чего создает простую форму. При необходимости взрослый проговаривает действия: «Сжимаем — отпускаем», «Сильно — слабее».

3. «Рисование крупой или песком»

Материал может использоваться для выполнения простых узоров, дорожек, кругов и других повторяющихся действий. Важно заранее учитывать индивидуальную сенсорную чувствительность ребенка.

Блок 4. «Учусь справляться со злостью»

Цель — постепенное формирование альтернативных способов реагирования.

1. Упражнение «Моя копилка спокойствия».

Создается индивидуальная папка или коробка, в которой находятся изображения действий, помогающих ребенку успокоиться: «попросить паузу», «посидеть в тихом месте», «посмотреть картинку», «порисовать», «обратиться к взрослому».

С помощью рисунков ребенок постепенно формирует собственный набор способов саморегуляции.

2. Упражнение «Когда я злюсь».

Составляется последовательность: Я злюсь → я показываю, что злюсь → я выбираю способ успокоиться → я возвращаюсь к деятельности.

Для ребенка с РАС данная последовательность может быть представлена визуально.

Блок 5. «Учусь взаимодействовать»

На заключительном этапе арт-терапевтические задания постепенно становятся совместными.

1. Упражнение «Общий рисунок».

Взрослый и ребенок создают изображение по очереди. Каждый выполняет одно действие, затем передает материал партнеру.

Задача упражнения — формирование навыков очередности, ожидания, принятия действий другого человека.

2. Упражнение «Давай вместе».

Ребенку предлагается совместно с другим участником создать изображение знакомого предмета или ситуации. Важно не требовать активного взаимодействия сразу. Сначала может быть организовано параллельное рисование, а затем постепенное объединение действий.

Условия эффективности коррекционной работы

Арт-терапевтические методы обладают значительным коррекционно-развивающим потенциалом. Их применение позволяет создать доступное пространство для выражения эмоционального состояния, снизить уровень напряжения, развивать навыки распознавания эмоций и формировать приемлемые способы реагирования.

Наиболее перспективным является сочетание различных арт-терапевтических техник: рисования, работы с цветом, лепки, песочной и сенсорной деятельности, совместного творчества. При этом содержание и продолжительность занятий

должны определяться индивидуальными особенностями конкретного обучающегося.

Важным условием результативности является систематичность работы, предсказуемость образовательной среды, использование визуальной поддержки, согласованность действий специалистов и родителей, а также оценка динамики не только по снижению агрессии, но и по расширению функциональных возможностей ребенка.

Таким образом, арт-терапия может занимать значимое место в комплексной системе коррекционно-развивающего сопровождения школьников с РАС, способствуя формированию эмоциональной устойчивости, развитию доступных способов самовыражения и постепенному переходу от деструктивных реакций к социально приемлемым формам поведения.

Список использованной литературы:

1. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. Аутичный ребенок. Пути помощи. – 2-е изд., стер. – М.: Теревинф, 2000. – 336 с.

2. Копытин А. И. Основы арт-терапии. – СПб.: Лань, 1999. – 255 с.

3. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь, 2003. – 254 с.

4. Можгинский Ю. Б. Агрессивность детей и подростков: распознавание, лечение, профилактика. – 3-е изд. – М.: Когито-Центр, 2019. – 181 с.

5. Реан А. А., Ставцев А. А. Протективные и провокативные семейные факторы агрессивного поведения детей и подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2021. – Т. 11, вып. 2. – С. 137–149.

6. Андреева Г. В., Сафронова Е. М. Коррекция агрессивного поведения младших школьников с интеллектуальными нарушениями средствами арт-терапии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (44). – С. 231–234.

7. Хапова И. Е. Арт-терапия как средство коррекции агрессивного поведения у

младших школьников // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2023. – Т. 4, № 6. – С. 24–29.

8. Никитина А.А., Огородникова Н.П. Психолого-педагогическое сопровождение эмоционального благополучия младших школьников средствами арт-терапии // Нижегородский психологический альманах. – 2026. – № 1.

9. Никольская О.С., Баенская Е.Р. Коррекция детского аутизма как нарушения аффективной сферы: содержание подхода // Дефектология. – 2014. – № 4. – С. 23–33.

10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 24.11.2022 № 1023 «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы начального общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» (с изменениями и дополнениями).

© Водяницкая Н.А., Зуборева М.И., Логвинова Р.Ф., 2026

УДК 37

Киселев Н.В.

ОГБПОУ «Томский лесотехнический техникум»

Преподаватель Специальных дисциплин

г. Томск, РФ

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования критического мышления обучающихся в контексте активной цифровизации образования. Автор анализирует риски клипового восприятия информации и предлагает педагогические стратегии, направленные на развитие аналитических и рефлексивных навыков у студентов. Особое внимание уделяется методам работы с цифровыми источниками, технологиям проблемного обучения и роли преподавателя как фасилитатора познавательной деятельности.

Ключевые слова:

критическое мышление, цифровая трансформация, педагогические технологии, клиповое мышление, информационная грамотность, проблемное обучение, рефлексия.

Современный этап развития системы образования характеризуется глубокими изменениями, вызванными повсеместным внедрением цифровых технологий. Доступность информации стала беспрецедентной, однако это породило новую педагогическую проблему: лавинообразный поток данных, зачастую противоречивых и недостоверных, требует от обучающегося не просто усвоения, но и качественной аналитической переработки. В этих условиях критическое

мышление перестаёт быть просто одним из желательных результатов обучения и трансформируется в базовую компетенцию, необходимую для успешной социализации и профессиональной деятельности. Более того, в эпоху распространения фейковых новостей и манипулятивных технологий именно критическое мышление становится инструментом защиты личности от деструктивного информационного воздействия.

Традиционная знаниевая парадигма, ориентированная на репродуктивное воспроизведение информации, вступает в противоречие с реалиями цифровой среды. Исследователи отмечают феномен «клипового мышления», при котором восприятие материала становится фрагментарным, а глубокая концентрация и последовательный анализ затрудняются. Обучающийся, привыкший к быстрой смене коротких информационных блоков, испытывает сложности при работе с объёмными текстами и необходимостью выстраивать длительные логические цепочки. Следовательно, задача педагога смещается в сторону не столько передачи готового знания, сколько управления процессом его самостоятельного конструирования.

Следует подчеркнуть, что критическое мышление не является врождённой способностью. Это сложный интегративный феномен, включающий когнитивный, метакогнитивный и коммуникативный компоненты. Когнитивный аспект предполагает умение анализировать, сравнивать, обобщать и делать выводы. Метакогнитивный — способность осознавать собственные мыслительные процессы, оценивать их эффективность и корректировать. Коммуникативный — умение аргументировать позицию, воспринимать альтернативные точки зрения и вести конструктивный диалог. Именно комплексность данного феномена определяет сложность его целенаправленного формирования в образовательном процессе.

Формирование критического мышления в цифровой образовательной среде должно носить системный характер и опираться на ряд дидактических принципов.

Прежде всего, необходимо создание проблемных ситуаций, требующих от обучающегося не автоматического поиска ответа, а оценки альтернатив и аргументации собственной позиции. Технологии проблемного обучения, такие как кейс-метод или метод проектов, позволяют моделировать реальные задачи, где сталкиваются различные точки зрения, а информация носит заведомо неполный или противоречивый характер. Например, при изучении исторических событий целесообразно предлагать студентам сопоставить трактовки одного и того же факта из разных источников, выявить расхождения и предложить собственную обоснованную интерпретацию.

Кроме того, актуализируется необходимость целенаправленного развития навыков информационной грамотности. Это подразумевает не только умение находить данные, но и способность верифицировать источники, выявлять манипулятивные техники и отличать факты от интерпретаций. В рамках учебных занятий целесообразно использовать приёмы сопоставительного анализа нескольких источников по одной проблеме, а также обучение методам фактчекинга. Студент должен овладеть алгоритмом критической оценки контента: от проверки авторитетности источника до анализа логической структуры аргументации. Важно также формировать понимание того, как работают алгоритмы рекомендательных систем, создающие «информационные пузыри» и ограничивающие доступ к альтернативным точкам зрения.

Важную роль играет рефлексивный компонент. Цифровая среда создаёт иллюзию быстрого прогресса за счёт мгновенного получения ответов. Педагогическая практика должна возвращать обучающегося к осмыслению собственных мыслительных стратегий. Эффективны в этом плане письменные работы, требующие развёрнутого обоснования выводов, а также групповые дискуссии, в ходе которых сталкиваются различные интерпретации. Именно в коммуникации, при необходимости защищать свою точку зрения и понимать позицию оппонента, критическое мышление проявляется наиболее отчётливо.

Рефлексивные дневники, эссе-размышления и самооценка выполненных заданий способствуют развитию метакогнитивных навыков и формированию устойчивой потребности в анализе собственной познавательной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли преподавателя в процессе формирования критического мышления. В условиях цифровой среды педагог утрачивает монополию на знание, поскольку доступ к информации сегодня практически неограничен. Это требует пересмотра привычных моделей взаимодействия. Преподаватель становится не транслятором истины, а фасилитатором — организатором самостоятельной познавательной деятельности обучающихся. Его задача — создавать условия для продуктивного сомнения, поощрять вопросы и нестандартные решения, помогать студентам ориентироваться в противоречивом информационном пространстве. Такая позиция требует от педагога высокого уровня профессиональной компетентности, готовности к диалогу и способности признавать вариативность истины.

Следует отметить, что формирование критического мышления неразрывно связано с развитием эмоционального интеллекта и толерантности к неопределённости. Обучающийся, сталкивающийся с противоречивой информацией, должен уметь сохранять интеллектуальную честность и не поддаваться эмоциональным манипуляциям. В этом контексте эффективны тренинги по распознаванию манипулятивных стратегий, анализ рекламных и пропагандистских материалов, а также обсуждение этических аспектов работы с информацией.

Таким образом, цифровая трансформация образования не отменяет, а напротив, усиливает значимость критического мышления как целевого ориентира педагогической деятельности. Эффективность его формирования зависит от готовности преподавателя отказаться от роли транслятора информации и перейти к позиции фасилитатора, организующего самостоятельную познавательную деятельность обучающихся в насыщенной и неоднозначной информационной

среде. Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с разработкой диагностического инструментария для оценки уровня сформированности критического мышления в условиях цифрового обучения, а также с изучением возрастных особенностей развития данной компетенции на разных ступенях образования.

Список использованной литературы:

1. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб.: Альянс-Дельта, 2003. – 284 с.

2. Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Русский язык. – 2002. – № 29. – С. 12-14.

3. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

4. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. – 2011. – № 4. – С. 3-12.

© Киселев Н.В., 2026

УДК 373

Легенченко О.Н.,

Воспитатель МДОУ д/с №10

с. Таврово, Белгородский район

КУБИК БЛУМА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ 4–5 ЛЕТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос применения методики «Кубик Блума» в работе с детьми 4–5 лет: раскрываются её возможности для развития критического мышления, связной речи и познавательной активности в рамках ведущей для этого возраста игровой деятельности. Анализируются принципы интеграции инструмента в образовательный процесс детского сада, приводятся варианты игровых заданий, соответствующих возрастным особенностям дошкольников, а также показывается, как с помощью «Кубика Блума» можно стимулировать у детей умение устанавливать причинно-следственные связи и формулировать вопросы типа «почему?» и «зачем?».

Ключевые слова:

кубик Блума, дошкольное образование, дети 4–5 лет, развитие речи, критическое мышление, познавательная активность, игровая деятельность, причинно-следственные связи, методика обучения, образовательный процесс.

Методика опирается на таксономию Бенджамина Блума: на гранях кубика размещаются слова-стимулы, которые задают тип вопроса и, соответственно, уровень мыслительной операции. Для дошкольников формулировки адаптируют под возраст, делая их понятными и короткими.

«Кубик Блума» представляет собой обычный куб, который можно сделать из картона, пенопласта или взять готовую игрушку. На шести гранях пишут или

приклеивают слова-подсказки: «Назови» - простые вопросы на узнавание и воспроизведение, «Почему» - вопросы на установление причинно-следственных связей, «Объясни» - уточняющие вопросы, помогающие раскрыть смысл явления, «Предложи» - практико-ориентированные вопросы о том, как можно использовать предмет или что сделать в конкретной ситуации, «Придумай» - творческие задания и «Поделись» - эмоционально-оценочные вопросы о том, что понравилось, что испугало, что было самым интересным. Для детей четырёх-пяти лет, которые ещё не умеют читать, вместо слов удобно использовать пиктограммы или понятные картинки: например, глаз для «назови», вопросительный знак для «почему», лампочку для «придумай», сердечко для «поделись».

Алгоритм работы с кубиком достаточно прост. Сначала воспитатель выбирает тему занятия - лучше брать те, с которыми дети уже немного знакомы: «Осень», «Транспорт», «Дикие животные», «Посуда», «Профессии». Затем подготавливает кубик с адаптированными гранями и формулирует примерный банк вопросов под каждую грань, что экономит время на занятии и помогает держать фокус. Во время игры ребёнок или группа бросает кубик, а воспитатель задаёт вопрос по выпавшей грани. Важно поддерживать диалог: если ответ краткий, мягко дополнять его наводящими вопросами, но не давать готовый ответ сразу. Чередование индивидуальных и групповых ответов помогает детям учиться слушать друг друга и дополнять высказывания.

На практике «Кубик Блума» хорошо встраивается в разные форматы. Например, на занятии по теме «Дикие животные» воспитатель заранее готовит не только кубик, но и набор фигурок зверей и карточек с простыми ситуациями: «ёжик нашёл гриб», «лиса прячется за кустом». Когда выпадает грань «Предложи», ребёнок не просто отвечает на абстрактный вопрос, а берёт фигурку и показывает, что можно сделать в этой ситуации. Такой приём заметно снижает тревожность у стеснительных детей: им проще действовать руками, а потом уже проговаривать решение. В одной из групп после трёх таких занятий дети, которые раньше отвечали

только «да/нет», стали строить фразы из 3–4 слов и сами предлагали варианты действий.

Ещё один пример практического применения - интеграция кубика в прогулку. Воспитатель берёт небольшой кубик (размером примерно 10×10 см, чтобы ребёнку было удобно бросать) и предлагает бросать его у каждой интересной точки маршрута: у дерева, клумбы, скамейки. Выпала грань «Назови» - дети перечисляют, что видят; «Почему» - обсуждают, почему листья опадают или почему птицы улетают; «Придумай» - сочиняют короткую историю про этот уголок участка. В практике одной группы такой подход позволил за месяц сформировать у детей привычку замечать детали: они сами стали останавливаться у «интересных мест» и предлагать: «Давайте бросим кубик!»

В режимных моментах кубик тоже работает. Перед обедом можно бросить его и по грани «Поделись» спросить: «Что тебе сегодня больше всего хочется съесть и почему?» Это снижает сопротивление у «малоежек»: ребёнок чувствует, что его мнение важно. По грани «Предложи» можно попросить: «Как помочь помощнику воспитателя накрыть на стол?» - и дети охотно берут салфетки или ложки. Примеры вопросов по темам остаются теми же, но на практике их полезно «приземлять» на реальные объекты. По теме «Транспорт»: вместо абстрактного «Придумай новый вид транспорта» дают опору: «Посмотри на эту игрушечную машину. Что в ней можно изменить, чтобы она летала?» По теме «Осень»: «Возьми этот жёлтый листок. Придумай про него одну строчку: “Листик, листик, ты куда…?”» Такие опоры помогают детям быстрее включиться и дают качественный речевой результат даже при невысоком уровне словаря.

При работе с кубиком важно учитывать несколько методических рекомендаций. Сложность вопросов нужно адаптировать: для детей четырёх-пяти лет избегать абстрактных понятий и длинных формулировок, вопросы должны быть конкретными и опираться на жизненный опыт ребёнка. К теме полезно подбирать наглядность - картинки, муляжи, игрушки, что помогает быстрее включиться в

обсуждение. Не стоит торопить с ответом: если ребёнок молчит, можно предложить выбор из двух вариантов - «Это белка или лиса? Расскажи про неё». Инициативу нужно поддерживать: если ребёнок сам задаёт вопросы, поощрять это, можно даже ввести правило, при котором тот, кто задаст хороший вопрос, бросает кубик. Воспитателю полезно фиксировать успехи - отмечать, какие типы вопросов даются детям легче, а какие вызывают затруднения, что пригодится для планирования дальнейшей работы.

«Кубик Блума» легко интегрируется с образовательными областями по ФОП ДО. В познавательном развитии он способствует развитию любознательности, формированию представлений об окружающем мире и установлению простых связей. В речевом развитии обогащает словарь и развивает связную речь, умение формулировать мысли. В социально-коммуникативном развитии формирует навыки общения, умение слушать и учитывать мнение других. В художественно-эстетическом развитии творческие задания стимулируют воображение. Можно добавить и физический компонент: бросать кубик, передавать игрушку по кругу, изображать животных или транспорт.

Таким образом, «Кубик Блума» - это не просто дидактическая игра, а гибкий инструмент, который позволяет воспитателю системно развивать мышление и речь детей четырёх-пяти лет в соответствии с возрастными особенностями и требованиями образовательной программы.

Список использованной литературы:

1. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: утв. приказом Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028.

2. Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке. — М.: Просвещение, 2011. — 223 с.

3. Лунёва Е.А. «Кубик Блума» как приём педагогической технологии для развития речи и критического мышления детей дошкольного возраста // Современный урок. — 2024. — URL:

© Легенченко О.Н., 2026

УДК 37

Леонтьева А.А.

тьютор

МБОУ СОШ №43 г. Белгорода

г. Белгород, РФ

РОЛЬ ТЬЮТОРА В РАЗВИТИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается роль тьюторского сопровождения в развитии самостоятельной образовательной деятельности обучающихся в условиях современной образовательной среды. Раскрывается сущность самостоятельной образовательной деятельности как способности обучающегося самостоятельно определять цели, планировать деятельность, осуществлять поиск информации и оценивать полученные результаты. Рассматриваются основные направления деятельности тьютора: диагностика образовательных интересов и потребностей, помощь в постановке целей, проектирование индивидуального образовательного маршрута, развитие навыков самоорганизации и рефлексии. Особое внимание уделяется использованию цифровых образовательных ресурсов как средства организации самостоятельного обучения. Определяются педагогические условия, способствующие развитию образовательной самостоятельности обучающихся.

Ключевые слова:

тьюторское сопровождение, тьютор, самостоятельная образовательная деятельность, индивидуальная образовательная траектория, индивидуальный образовательный маршрут, самоорганизация, образовательный выбор, цифровая образовательная среда, рефлексия.

Современная образовательная среда предоставляет обучающимся широкие возможности для самостоятельного получения знаний: электронные библиотеки, образовательные платформы, онлайн-курсы и цифровые ресурсы. Однако эффективное использование данных возможностей требует умения самостоятельно определять цели, выбирать необходимые ресурсы, планировать деятельность и оценивать её результаты.

В связи с этим особое значение приобретает развитие самостоятельной образовательной деятельности. Она предполагает способность обучающегося самостоятельно ставить образовательные цели, планировать действия, искать и отбирать необходимую информацию, контролировать процесс и оценивать полученный результат.

Одним из механизмов формирования такой самостоятельности является тьюторское сопровождение. Тьютор помогает обучающемуся осознать собственные образовательные интересы и потребности, определить индивидуальные цели и выбрать способы их достижения.

1. Сущность самостоятельной образовательной деятельности

Самостоятельная образовательная деятельность представляет собой процесс, в котором обучающийся при необходимости используя педагогическую поддержку самостоятельно определяет образовательную цель, выбирает способы её достижения, организует деятельность и оценивает результат.

В её структуре можно выделить несколько основных компонентов: мотивационный, целевой, организационный, информационный и рефлексивный.

Мотивационный компонент связан с интересом обучающегося к определённой области знаний или деятельности. Целевой предполагает способность формулировать образовательную цель. Организационный включает планирование деятельности и рациональное распределение времени. Информационный связан с поиском, отбором и использованием необходимых материалов. Рефлексивный компонент предполагает оценку полученного

результата и определение дальнейших действий.

2. Тьюторское сопровождение в системе индивидуализации образования

Тьюторское сопровождение связано с созданием условий для индивидуального образовательного движения обучающегося. Основная задача тьютора заключается не в передаче готовых знаний, а в помощи обучающемуся при определении собственных образовательных целей и выборе способов их достижения.

Работа тьютора начинается с изучения образовательных интересов, потребностей и возможностей обучающегося. На основе полученной информации определяются направления дальнейшей работы, формулируются образовательные цели и проектируется индивидуальный образовательный маршрут.

Важным направлением является организация образовательного выбора. Тьютор предлагает обучающемуся различные варианты деятельности, помогает сравнить их и определить наиболее подходящие способы достижения поставленных целей. При этом ответственность за окончательный выбор постепенно переходит к самому обучающемуся.

Тьютор также способствует развитию навыков планирования, самоорганизации и рефлексии. Обучающийся учится самостоятельно определять последовательность действий, распределять время, отслеживать продвижение и анализировать возникающие трудности.

3. Педагогические условия развития образовательной самостоятельности

Для эффективного развития самостоятельной образовательной деятельности необходимо создание определённых педагогических условий.

К ним относятся: предоставление обучающемуся возможности образовательного выбора; постановка достижимых и понятных образовательных целей; использование индивидуальных образовательных маршрутов; постепенное увеличение доли самостоятельной деятельности; организация рефлексии и

самооценки; доступ к разнообразным образовательным и цифровым ресурсам; создание ситуации успеха и поддержание положительной мотивации.

Особое значение имеет постепенность. На начальном этапе тьютор оказывает обучающемуся более значительную поддержку: помогает сформулировать цель, подобрать ресурсы и составить план действий. По мере приобретения опыта степень внешней помощи уменьшается.

4. Показатели развития самостоятельной образовательной деятельности

Для оценки развития самостоятельности можно выделить следующие основные показатели: самостоятельность обучающегося может проявляться по нескольким основным показателям. Постановка цели выражается в способности самостоятельно определить образовательную цель. Планирование предполагает определение последовательности действий и рациональное распределение времени. Выбор ресурсов заключается в самостоятельном поиске и выборе необходимых источников информации. Самоконтроль проявляется в отслеживании выполнения поставленных задач. Самооценка связана с оцениванием качества полученного результата. Рефлексия предполагает анализ возникших трудностей и определение дальнейших действий.

Совокупность данных показателей позволяет определить динамику развития самостоятельности обучающегося и своевременно скорректировать содержание тьюторского сопровождения.

Тьютор при этом выступает не контролирующей фигурой, а организатором условий, в которых обучающийся постепенно приобретает опыт самостоятельного образовательного выбора и ответственности за собственное обучение.

Таким образом, тьюторское сопровождение является значимым инструментом развития самостоятельной образовательной деятельности обучающихся. Его основная ценность заключается в создании условий для индивидуального образовательного выбора, постановки целей, планирования деятельности и осознанной оценки полученных результатов.

Список использованной литературы:

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.

2. Кларин, М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. – М.: Арена, 1994. – 222 с.

3. Тьюторское сопровождение в образовании: материалы и методические подходы. – М.: Издательский центр, 2021.

© Леонтьева А.А., 2026

УДК 374

Логачева А.М.,
педагог дополнительного образования
МБУДО БДДТ, г. Белгород, РФ

КЛАССИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Аннотация

На сегодняшний день современный танец является быстро развивающимся направлением в хореографическом искусстве. Современная хореография стремится раскрывать новые темы и сюжеты, обладает чертами непредсказуемости и неприятием правил и канонов. Уникальность этого направления в импровизационной составляющей, как средстве саморазвития личности. Занятия современным танцем дают возможность самовыражения, привлекают отсутствием рутины, учат взаимодействию с партнером, развивают концентрацию, позволяют выбирать музыку и предоставляют свободу движений. Большой популярностью сейчас обладает эстрадный танец как особый вид хореографии, синтезирующий различные направления современной хореографии и спортивные элементы, акробатику, актерское мастерство. Использование классических элементов в эстрадном танце делает его более содержательным, изящным, выразительным, наполненным глубоким смыслом.

Движения классического танца, проникающие в эстрадный танец: положения рук, позы, ракурсы и прыжки придают хореографии эстетическую красоту и изящество.

Ключевые слова:

классический и современный танец, хореография, культура, повышение уровня знаний и практических навыков, нравственно-эстетическое развитие личности, учебный процесс.

Среди множества форм художественного воспитания хореография занимает особое место. Занятия танцем учат понимать и создавать прекрасное, развивают образное мышление и фантазию, дают гармоническое пластическое развитие и физическую нагрузку, равную сочетанию нескольких видов спорта.

Эстрадный танец имеет определенную специфику: легкую приспособляемость к условиям выступления; концентрацию различных выразительных средств, направленных на раскрытие идеи танца; большие затраты сил эмоционального напряжения, нацеленные на мгновенное воздействие на зрителя; сочетание различных стилей. Движения танца способствуют развитию умения владеть своим телом, быстро переключать работу разных мышц.

Одним из основных критериев оценивания выступления коллектива на хореографическом конкурсе является техника исполнения движений - правильная постановка корпуса, вытянутые стопы, координация рук и ног, контроль тела, четкость линий.

Для современной образовательной практики характерно повышение уровня знаний и практических навыков, последовательность овладения техническими приемами и лексикой. Особое внимание «здоровье сберегающим» технологиям, сохраняющим и приумножающим здоровье детей.

Классический танец имеет наиболее совершенную систему обучения танцовщика. Она основана на анатомических и физиологических закономерностях и подготавливает психофизический аппарат человека для занятий танцевальным искусством. Классический танец является основой всей хореографической подготовки и исполнительской культуры для любого вида танцевального искусства, первый этап в обучении танцу.

Экзерсис, основанный на классическом танце, давно доказал право на первое место в освоении танцевального искусства. Этот комплекс наиболее правильно и гармонично развивает тело, активно исправляя физические недостатки, создавая прекрасную манеру танца и осанку. Все элементы классического экзерсиса

основаны на биомеханическом принципе «выворотности ног». Этот принцип создает эстетическое совершенство классического танца. Цель классического тренажа состоит в том, чтобы путем специальных упражнений и их элементов, прививать учащимся навыки, без которых невозможно овладеть техникой танца (выворотность, устойчивость, сила и эластичность суставно-связочного аппарата), и развивать в них техническое танцевальное мастерство наряду с воспитанием выразительности и артистичности.

Использование классических движений в эстрадном танце обогащают его. Важны позиции рук и их различные положения. Пластичные и выразительные руки делают исполнение эстрадного танца красивым и четким. Они сообщают танцу должные линии и рисунок, выполняют техническую функцию. Значение имеет взаимосвязь движений головы, рук и корпуса, которая придает выразительность танцу. Положение корпуса в позах croise, efface, ecartee и arabesque дают возможность для сознательного контроля в движениях, связанных с перемещением по сцене. Выработка эластичности суставно-связочного аппарата при исполнении plie, является необходимым условием для хорошего прыжка и развития ровности и силы мышц спины.

Необходимо создать на занятиях атмосферу творчества и увлеченности, чтобы это способствовало постепенному овладению учащимися высоким качеством техники исполнения движений.

Список использованной литературы:

1. «Сборник научных трудов», Хабаровск, 2004. 79 с.

2. Фадеева Л.С. — «Теория и методика преподавания классического и историко-бытового танца». Учебное пособие. – СПб.: 2000. 114 с.

3. Мориц В.Э., Тарасов Н.И., Чекрыгин А.И. — «Методика классического тренажа». – СПб.: 2009. 383 с.

© Логачева А.М., 2026

УДК 372.881

Овезова Дженнет,

преподаватель,

Международный университет нефти и газа имени Ягшигельды Какаева,

Гулмадова Селби,

преподаватель,

Международный университет нефти и газа имени Ягшигельды Какаева,

Хеббикулиева Огулсурай,

преподаватель,

Международный университет нефти и газа имени Ягшигельды Какаева**,**

Ашхабад, Туркменистан

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются современные методы и технологии обучения иностранным языкам в условиях цифровизации образования. Анализируется влияние цифровых образовательных ресурсов, интерактивных платформ, мультимедийных средств и технологий искусственного интеллекта на повышение эффективности языкового обучения. Особое внимание уделяется развитию коммуникативных компетенций, самостоятельности и мотивации обучающихся. Определяются перспективы дальнейшего применения цифровых технологий в образовательном процессе.

Ключевые слова:

иностранный язык, обучение иностранным языкам, цифровизация образования, цифровые технологии, образовательные платформы.

Методика обучения иностранным языкам представляет собой динамично развивающуюся область педагогического знания, которая изменяется вместе с трансформациями общества и коммуникационной среды. Если на ранних этапах развития методики значительное внимание уделялось преимущественно грамматико-переводному подходу, то в современной образовательной практике центральное место занимает формирование способности использовать иностранный язык как средство реального общения.

Коммуникативная направленность предполагает создание таких образовательных ситуаций, в которых обучающийся не просто воспроизводит изученные языковые конструкции, а использует их для выражения собственных мыслей, решения коммуникативных задач, получения и передачи информации. Такой подход способствует переходу от знания языка к способности действовать посредством языка.

Особую роль в современной методике играет деятельностная концепция. Обучающийся рассматривается как активный субъект образовательного процесса, способный самостоятельно определять цели, выбирать способы решения учебных задач, анализировать результаты и корректировать собственную деятельность. Такой подход соответствует современной концепции CEFR, в которой обучающийся рассматривается как социальный субъект, а обучение ориентируется не только на языковую форму, но и на выполнение коммуникативных действий в конкретных ситуациях.

Современное понимание языковой компетенции также выходит за рамки традиционного разделения на аудирование, говорение, чтение и письмо. В цифровом обществе человек должен уметь взаимодействовать в онлайн-среде, работать с мультимодальными материалами, адаптировать информацию для различных собеседников, осуществлять межъязыковую и межкультурную медиацию. Совет Европы подчеркивает, что онлайн-взаимодействие связано с изменениями языкового поведения, мультимодальностью и использованием

синхронных и асинхронных форм коммуникации.

Таким образом, современная методика обучения иностранным языкам предполагает развитие комплексной коммуникативной компетенции, включающей языковой, социолингвистический, прагматический, межкультурный и цифровой компоненты.

Цифровизация как фактор трансформации языкового образования

Цифровизация существенно расширяет возможности организации учебного процесса. Электронные образовательные платформы, видеоконференции, интерактивные упражнения, цифровые словари, электронные корпуса текстов, подкасты, видеоматериалы и мобильные приложения позволяют создавать многообразную языковую среду. Обучающийся получает возможность обращаться к материалам различного уровня сложности и выбирать индивидуальный темп работы.

Особое значение имеет доступ к аутентичным материалам. Интернет позволяет использовать современные новости, интервью, научно-популярные публикации, видеоблоги, подкасты и другие материалы, созданные носителями языка для реальной коммуникации. Это способствует развитию не только языковых навыков, но и социокультурной компетенции, поскольку обучающийся знакомится с особенностями повседневной жизни, профессиональной коммуникации и культурными нормами страны изучаемого языка.

Цифровые технологии также способствуют расширению пространства языкового общения. Онлайн-коммуникация позволяет организовывать международные проекты, виртуальные языковые обмены и совместную работу обучающихся из разных образовательных учреждений.

Список использованной литературы:

1. Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 1,148 p.

2. Godwin-Jones R. Emerging Technologies: Mobile Apps for Language Learning //

Language Learning & Technology. — 2011. — Vol. 15, No. 2. — P. 2–11.

3. Godwin-Jones R. Emerging Technologies: The Technological Revolution and the Restructuring of Language Education // Language Learning & Technology. — 2018. — Vol. 22, No. 3. — P. 1–12.

© Овезова Дж., Гулмадова С., Хеббикулиева О., 2026

УДК 374

Подорванов А.Ю.,
педагог дополнительного образования
МБУДО БДДТ,
г. Белгород, РФ

ОТ ТЕХНИКИ К ЛИЧНОСТИ: КАК БАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ ФОРМИРУЕТ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗРЕЛОСТЬ ПОДРОСТКА

Аннотация

В период старшего подросткового возраста (15–18 лет) на первый план выходит задача обретения «Я». Перед юношей или девушкой встают кризисы идентичности, давление социума и необходимость осознанного выбора жизненного пути. В этой статье я рассматриваю бально-спортивный танец на этапе перехода во «взрослые» категории не просто как спорт высших достижений, а как уникальную среду для личностного самоопределения. Мы разберем, как переход от слепого копирования техники к созданию собственного сценического образа помогает подростку сформировать внутреннюю опору, а глубокое танцевальное партнерство становится школой эмоциональной зрелости и осознанных отношений.

Ключевые слова:

бально-спортивный танец, подростковый возраст, самоопределение, сценический образ, личностный рост, партнерство, психология взросления, стрессоустойчивость, педагогика, эмоциональный интеллект, профориентация, идентичность.

Старший подростковый возраст — это время радикального самопознания и поиска своего места в мире. Тело уже достигло физической зрелости, но психика

находится в состоянии бурной реконструкции. Подростку уже недостаточно просто «правильно исполнить фигуру»; ему жизненно необходимо ответить на вопрос: «Кто я на этом паркете?». Именно здесь бальный танец раскрывает свой deepest философский и педагогический потенциал: мы перестаем учить просто «как двигаться» и начинаем учить «как выражать себя». Переход из категории «Юниоры» во «Взрослые» — это не просто смена правил ФТСА, это настоящий обряд инициации, где танцор должен найти свой уникальный художественный голос в море стереотипов.

В отличие от индивидуальных дисциплин, где подросток часто бьется за личное эго, в бальном танце этого возраста вызов становится многограннее: нужно синтезировать два «Я» в единое «МЫ», не потеряв при этом собственной индивидуальности. Партнерство здесь перестает быть просто механическим соединением рук; оно становится глубоким психологическим зеркалом. Умение слышать партнера, договариваться, принимать его настроение и физическое состояние — это мастер-класс по эмоциональной зрелости. Моя задача как педагога — помочь им понять, что истинная сила не в том, чтобы подавить партнера или раствориться в нем, а в способности создать пространство, в котором расцветают оба. Умение сохранить свою «рамку» и стержень под давлением финального выхода — это прямая метафора умения отстаивать свои личные границы под давлением мнения толпы или сверстников.

Особое место в нашей работе с подростками занимает понятие «авторства» и ответственности за собственный образ. Если маленькие дети копируют чемпионов, то шестнадцатилетний танцор должен творить. Выбор музыки, участие в создании костюма, понимание подтекста латинской или стандартной программы — это первый опыт осознанной самопрезентации. Сцена становится безопасным полигоном для примерки разных социальных масок и ролей: страстного любовника, строгого аристократа, бунтаря. Проигрывая эти роли через танец, подросток на практике понимает, какая из них близка его истинному «Я», а какую

стоит оставить на паркете.

Родители старших танцоров часто спрашивают: «Стоит ли жертвовать временем на танцы, ведь нужно готовиться к ЕГЭ и поступлению?». Мой ответ прост: паркет — это лучший и безопасный симулятор взрослого стресса. Здесь, под руководством наставника, подросток учится управлять не только своим телом, но и своим временем, ресурсами и психологическим состоянием. Педагог на этом этапе выступает уже не как строгий тренер, а как ментор и профориентатор. Мы учим их анализировать свои неудачи не как личные трагедии, а как ценные данные для роста.

Когда подросток, проиграв финал, выходит с паркета, стирает слезы, но тут же спрашивает: «Что я упустил? Как мы можем сделать это лучше в следующий раз?» — это и есть победа воспитания. Бальный танец в этом возрасте перестает быть просто спортом или хобби. Он становится школой осознанной взрослости, где через преодоление себя и красоту дуэта формируется личность, готовая к ответственному выбору.

И если спустя годы, выбрав свой жизненный путь, наши выпускники смогут так же уверенно отстаивать свои границы, так же глубоко чувствовать красоту мира и так же гармонично сочетать в себе силу и нежность в отношениях, как они делают это в танцевальном дуэте, значит, мы танцевали не зря.

Список использованной литературы:

1. Слабодчиков И.В. — «Психология подросткового возраста и искусство самоопределения: кризисы роста и пути их преодоления», Москва, 2021. – 284 с.
2. Богомаз А.Р. — «Педагогика спортивного танца: от юниоров к взрослым. Методика подготовки и психология партнерства». Учебное пособие. – М.: 2022. 210 с.
3. Ильин Е.П. — «Психология взросления и эмоциональный интеллект в хореографическом искусстве». – СПб.: 2023. 256 с.

© Подорванов А.Ю., 2026

УДК 373

Романова Е.А.

Старший преподаватель, ДГТУ

г. Ростов-на-Дону, РФ

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЗАТРУДНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ У ШКОЛЬНИКОВ-МИГРАНТОВ

Аннотация

В данной статье обоснован языковой барьер как детерминанта затруднений в формировании универсальных учебных коммуникативных действий у школьников-мигрантов. В статье показано, что ограниченность понимания и употребления средств русского языка препятствует сотрудничеству школьников-мигрантов, формированию умения задавать вопросы, учитывать позицию собеседника и формулировать связное высказывание.

Ключевые слова:

языковой барьер, универсальные учебные коммуникативные действия, школьники-мигранты, образовательная среда, учебное сотрудничество, речевая адаптация.

Образовательная среда школы предъявляет обучающемуся из семьи мигрантов требование не только владеть русским языком на бытовом уровне, но и осуществлять речевые действия учебного характера: согласовывать способы работы, формулировать вопрос, удерживать предмет обсуждения, аргументировать позицию и передавать содержание текста своими словами. В логике федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) указанные умения входят в состав коммуникативных универсальных учебных

действий [5]. Эмпирические наблюдения со стороны учителей в поликультурных классах обнаруживают иное распределение: обучающийся понимает обиходно-бытовое высказывание, однако в парной работе не распределяет функции, на открытый вопрос отвечает невербально, а в конфликтной ситуации избегает речевого взаимодействия либо переходит к аффективной реакции. Подобные проявления нередко интерпретируются как личностная закрытость или застенчивость. Мы считаем, что языковой барьер ограничивает коммуникативные действия школьников и тем самым детерминирует характер их затруднений в образовательной среде.

Мы понимаем языковой барьер не как полное отсутствие владения русским языком. В практике современной школы такое состояние встречается реже, чем недостаточность языковых средств относительно требований учебной коммуникации. Речь идёт о расхождении между языком повседневного общения и языком, необходимым для усвоения материала на уроке. Расхождение может быть фонетическим: искажения звукового состава слова затрудняют понимание и снижают речевую активность детей-мигрантов. Недостаточность лексического запаса проявляется в отсутствии словаря, необходимого для учебной просьбы и оценки действия. Грамматические особенности мигрантов связаны с интерференцией моделей родного языка, вследствие чего высказывание не соответствует учебной норме. Социокультурные особенности выражаются в несформированности этикета, в неразличении учебной иронии и замечания, в неготовности к развёрнутому ответу. К перечисленным особенностям можно добавить психологический компонент – тревожность школьников-мигрантов обычно связана с возможной ошибкой и предшествующим опытом негативной оценки речи. Согласно А.А. Леонтьеву, речь не тождественна совокупности языковых единиц: это деятельность, обладающая мотивом, целью и ориентировочной основой [3]. При нарушении ориентировки речевое действие либо не инициируется, либо реализуется в редуцированной форме.

В концепции А.Г. Асмолова и соавторов универсальные учебные коммуникативные действия включают планирование учебного сотрудничества, постановку вопросов, разрешение конфликтов, управление поведением партнёра, полноту и точность выражения мысли, владение монологической и диалогической речью [1]. Для обучающегося, у которого русский язык не является родным, каждый из названных компонентов зависит от языковой опоры. Планирование сотрудничества невозможно без устойчивых формул согласования последовательности действий, запроса пояснения и сохранения своей речевой очереди. Точное выражение мысли невозможно при наличии замысла и отсутствии соответствующих средств. Л.С. Выготский рассматривал речь и мышление не как параллельные процессы, а как взаимное оформление: слово не только обозначает содержание, но и удерживает его [2]. При отсутствии рабочего словаря учебного общения коммуникативное действие остаётся намерением и не становится освоенным способом деятельности.

Наблюдения учителей в классах поликультурного состава подтверждает указанную зависимость. Обучающийся, находящийся в российской школе в течение одного-двух лет, как правило, выполняет задание по готовому образцу и даёт краткий ответ на закрытый вопрос. Затруднение возникает при необходимости преобразовать образец: запросить обоснование выбора партнёра, выразить несогласие в нормативно приемлемой форме, передать содержание абзаца своими словами. В подобной ситуации педагог нередко снижает требование. Учебный процесс формально продолжается, однако коммуникативное взаимодействие не осуществляется. Следовательно, языковой барьер является скорее не абсолютным препятствием общения, а выступает своеобразным фильтром: он пропускает репродуктивные формы речевого общения и ограничивает те действия, на которых формируется универсальный характер коммуникативных умений.

Мы дифференцировали затруднения школьников-мигрантов по компонентам

так как обобщённая характеристика «недостаточное владение русским языком» не помогает сформулировать направления педагогической помощи. Данные затруднения представлены в таблице 1.

Таблица 1

Языковой барьер и затруднения в компонентах универсальных учебных коммуникативных действий (УУКД)

Компонент УУКД	Проявление языкового барьера	Наблюдаемое затруднение
Учебное сотрудничество и постановка вопросов	Отсутствие устойчивых формул просьбы, уточнения и распределения ролей	Снижение инициативы, воспроизведение действий партнёра, отказ от вопроса
Полнота и точность высказывания	Ограниченный учебный словарь, интерференция родного языка	Односложный ответ, обрыв высказывания, искажение смысла
Учёт позиции собеседника	Недостаточное владение нормами вежливости, интонацией и учебным контекстом	Буквальное понимание реплики, неадекватная ответная реакция
Разрешение конфликта и монологическая речь	Несформированность средств объяснения мотива и логических связок	Уход от диалога либо аффективная реакция; нарушение последовательности пересказа

Один и тот же обучающийся может обладать относительной свободой бытового общения и одновременно не владеть речью учебного сотрудничества. Повседневное взаимодействие опирается на жест, краткую реплику и общий контекст деятельности. Учебное же взаимодействие требует от школьника удержания позиции собеседника и конструкции обоснования собственного мнения. Именно эта конструкция, по нашему мнению, подвергается ограничению в первую очередь.

Аналогичная зависимость обнаруживается и в ситуации конфликта. Межличностный конфликт в детском коллективе не сводится к языковому фактору, однако язык определяет, сохранится ли конфликт в речевой форме. При наличии средств выражения мотива разногласие может быть удержано в диалоге. При их отсутствии поведение смещается на невербальный или аффективный уровень. Положение Е.И. Пассова о том, что коммуникация осваивается в коммуникации, а

не в предварительном заучивании правил, непосредственно применимо к рассматриваемому контингенту обучающихся [6]. Этикетная формула, отработанная вне конфликтной ситуации, слабо переносится в реальное взаимодействие. Она начинает функционировать, когда произносится в момент необходимости и когда партнёр принимает смысловое содержание, а не фиксируется на акцентных особенностях речи.

Из изложенного следует, что формирование УУКД не следует откладывать до достижения нормативного владения языком. Подобная отсрочка на практике превращается в длительный подготовительный курс, по завершении которого обучающийся включается в обычный урок, не располагая средствами сотрудничества. Более продуктивным, на наш взгляд, является наращивание языковой опоры внутри тех действий, которые ФГОС относит к универсальным. Данное соотношение и составляет педагогические условия, а не отдельное компенсирующее занятие, не связанное с учебной деятельностью класса.

Так, первое условие состоит в наличии кратких и воспроизводимых речевых опор учебного, а не бытового общения. Достаточным является набор из пяти-семи формул: запрос повторения, предложение собственного варианта, выражение несогласия, возвращение речевого хода партнёру. Как показывают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, опора эффективна при соотнесении с конкретной задачей, а не в виде общего перечня полезных выражений [4]. Образец вводится перед парной работой и снимается после того, как формула употребляется без внешней поддержки. Повторное выполнение без опоры имеет большее значение, чем первичное чтение образца, в обратном случае формула не усваивается.

Второе условие, по нашему мнению, относится к позиции педагога в момент речевых ошибок школьников. Немедленная грамматическая коррекция каждой ненормативной формы формирует стратегию избегания речевого риска. Коррекцию целесообразно переносить на отдельный этап, а на этапе сотрудничества принимать смысловое содержание и лишь затем предлагать

нормативно более точную оболочку. А.Н. Щукин отмечает, что исправления со стороны педагога не должна прерывать коммуникативное намерение [7]. В массовой практике данное требование выполняется непоследовательно, поскольку педагог ориентирован на немедленное исправление ошибки. В классе с обучающимися-мигрантами такая ориентация снижает не столько грамотность, сколько готовность вступать в диалог.

Третье условие, по нашему мнению, связано с составом пары и группы. Постоянное объединение обучающегося-мигранта только с высокоуспешным сверстником организационно удобно, однако закрепляет распределение ролей, при котором один участник осуществляет высказывание за двоих, а второй остаётся исполнителем. Более продуктивно чередование составов. В одном случае обучающийся воспринимает развёрнутую речь и опирается на образец. В другом он сам объясняет относительно простой шаг партнёру, готовому к восприятию. Объяснение, даже при неполной нормативности, продвигает монологическую речь в большей степени, чем повторный пересказ абзаца педагогу. Языковой барьер при этом не устраняется, однако высказывание получает адресата, для которого ответ функционально необходим.

И, наконец, четвёртое условие выходит за пределы урока русского языка. Коммуникативные действия формируются на математике, на предметах естественно-научного и обществоведческого циклов, в технологической и внеурочной деятельности. Если языковая поддержка локализована у учителя-словесника, на остальных предметах барьер вновь выполняет функцию фильтра. Предметнику достаточно удерживать два-три оборота учебного рассуждения и на начальном этапе не требовать развёрнутого устного ответа без предварительной подготовки. Письменная заготовка ограниченного объёма перед устным ответом снижает тревожность и не приводит к существенным затратам учебного времени. Согласование с семьёй дополняет названные условия: опора на родной язык в бытовом общении при параллельном наращивании русского языка в школе

обеспечивает более устойчивую динамику, чем требование полного и немедленного переключения [8].

Для исследования педагогических условий формирования коммуникативных универсальных учебных действий у школьников-мигрантов из изложенного следуют три положения. Во-первых, языковой барьер целесообразно фиксировать не общей характеристикой недостаточного владения русским языком, а по компонентам коммуникативных действий (особенностей учебного сотрудничества, полноты и точности высказывания, учёта позиции собеседника, сформированности монологической речи). Показателем динамики УУКД школьников-мигрантов следует считать не только расширение словаря, но и появление инициативного вопроса, удержание роли в совместной работе, способность переводить спор в диалогическую форму.

Таким образом, языковой барьер у детей мигрантов правомерно рассматривать как детерминанту затруднений в формировании универсальных учебных коммуникативных действий. Он ограничивает постановку вопросов, точность высказывания, учёт позиции собеседника и перевод спора в диалог. Преодоление барьера не сводится к дополнительному курсу обучения русскому языку. Оно предполагает речевые опоры внутри сотрудничества, отсроченную коррекцию, смену ролей в совместной работе и согласованную поддержку на разных учебных предметах. При такой организации русский язык перестаёт выступать предварительным условием допуска к учебному взаимодействию и становится средством этого взаимодействия.

Список использованной литературы:

1. Асмолов, А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская [и др.]. – Москва: Просвещение, 2008. – 151 с.

2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. — 352 с.

3. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. — Москва: Просвещение, 1969. – 214 с.

4. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – Москва: Академия, 2006. — 336 с.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107050028 (дата обращения: 01.10.2026).

6. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – Москва: Просвещение, 1991. – 223 с.

7. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / А. Н. Щукин. – Москва: Высшая школа, 2003. — 334 с.

8. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – Москва: Аспект Пресс, 2009. — 368 с.

© Романова Е. А., 2026

УДК 37.025.8

Стаброва Н.А.

магистрант 3 курса КГПУ им В.П. Астафьева,

г. Красноярск, РФ

Научный руководитель: Маковец Л.А.,

Кандидат педагогических наук, доцент

КГПУ им В.П. Астафьева

г. Красноярск, РФ

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЭКСКУРСИЙ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Статья посвящена методике организации экскурсий по изобразительному искусству для учащихся начальной школы как эффективному средству музейной педагогики и эстетического воспитания. Рассмотрены виды и формы экскурсий, а также дидактические принципы и приёмы работы с младшими школьниками

Ключевые слова:

музейная педагогика, экскурсия, изобразительное искусство, начальная школа, эстетическое воспитание, системно-деятельностный подход.

Stabrova N.A.

3rd-year Master’s student,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev,

Krasnoyarsk, Russian Federation

Scientific supervisor: Makovets L.A.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev,

Krasnoyarsk, Russian Federation

SYSTEMIC-ACTIVITY APPROACH IN MUSEUM PEDAGOGY: ORGANISING ART EXCURSIONS FOR YOUNGER SCHOOLCHILDREN

Abstract

The article is devoted to the methodology of organising art excursions for primary school students as an effective means of museum pedagogy and aesthetic education. The paper examines types and forms of excursions, as well as didactic principles and teaching techniques for working with younger schoolchildren.

Keywords:

museum pedagogy, excursion, fine arts, primary school, aesthetic education, creative thinking, systemic-activity approach.

Изобразительное искусство не только помогает познавать мир, но и формирует личность, развивая творческое мышление и духовные ценности. Младший школьный возраст — ключевой этап для этого процесса, так как именно тогда закладываются основы мировоззрения и культурного уровня ребенка.

Несмотря на наличие классической теоретической базы (Л.И. Божович, Б.М. Неменский и др.), [2] современное образование нуждается в поиске новых методик. Внедрение инновационных идей и средств обучения усилит влияние изобразительного искусства на всестороннее развитие подрастающего поколения.

Наиболее эффективным средством в музейной педагогике можно назвать экскурсию, которая дает реальную возможность осуществить знакомство с языком искусства более качественно и глубоко.

Целью статьи является описание методики проведения экскурсий для учащихся начальной школы по изобразительному искусству.

Экскурсия в начальной школе — важный инструмент воспитания, целью которого является вызвать у ребенка эмоциональный отклик и научить его самостоятельно размышлять об искусстве. Согласно А.В. Бакушинскому, успех

зависит от тщательной подготовки и фокуса на развитии личного восприятия ученика.[1]

Однако часто экскурсии превращаются в сухой перечень фактов, что не затрагивает чувства детей. Чтобы избежать этого, необходимо внедрять новые подходы, где приоритетом станет не просто информирование, а формирование у школьников живой потребности в культуре.

Младший школьный возраст отличается высокой познавательной активностью, любознательностью и эмоциональностью. В то же время учащимся начальных классов свойственны неустойчивое внимание, слабая волевая регуляция и потребность в постоянном движении. В связи с этим учителю необходимо уделять пристальное внимание детальному планированию и подготовке каждого выхода. Успех экскурсии во многом зависит от педагога, его личной увлеченности искусством и умения создать доброжелательную атмосферу. В основе такой работы должны лежать ключевые дидактические принципы: системность, доступность, убедительность и неформальный подход к подаче материала.

Методика организации экскурсий по изобразительному искусству классифицируется по их месту в учебном плане: вводные, текущие и итоговые. При этом формы взаимодействия могут быть разнообразными: от традиционных посещений музеев до интерактивных форматов, таких как пресс-конференции, экскурсии-сказки или виртуальные туры. Основная цель любого типа экскурсии — формирование интереса к искусству и стимулирование собственной творческой деятельности учащихся.[3]

Процесс проведения художественной экскурсии традиционно включает три этапа: подготовительный, основной (непосредственное посещение и усвоение материала) и заключительный (подведение итогов). Для активизации внимания школьников перед началом занятия рекомендуется проводить предварительную беседу и выдавать задания (маршрутные листы, вопросники или карты

наблюдений). Результатом такой работы становятся отчеты, где учащиеся фиксируют свои впечатления и выводы. При этом важно применять дифференцированный подход, подбирая задания разного уровня сложности.

Временной регламент для младших школьников обычно составляет 40–60 минут, однако на начальных этапах достаточно 30 минут. Для формирования навыков музейного этикета первые занятия (особенно в 1-м классе) целесообразно проводить в школьном пространстве — библиотеке или холле. Тематика может варьироваться от изучения жанров (пейзаж, книжная иллюстрация) до виртуальных путешествий в крупнейшие музеи мира. Также эффективны выездные экскурсии к городским памятникам и архитектурным объектам.

Основным методом на экскурсии является рассказ, который имеет ряд особенностей относительно детской аудитории:

– достаточная краткость и логичность переходов;

– использование зрительных подтверждений и доказательств;

– доступность и эмоциональность;

– включение в содержание вопросов и заданий к детям.

Важную роль играет система вопросов: от аналитических (Как называется?, Почему художник дал такое название?) до направленных на развитие воображения (Хотелось бы вам попасть в картину?, Что вы почувствуете внутри картины?). Такие приемы активизируют восприятие через задействование различных органов чувств и эмоциональных ассоциаций.

Итогом занятия становится обобщающая беседа, позволяющая систематизировать полученные знания. Для закрепления опыта применяются разнообразные формы домашних заданий: создание альбомов и путеводителей, написание творческих эссе и сказок о произведениях искусства.

Реализация потенциала музейной педагогики в рамках ФГОС нового поколения существенно расширяет образовательные возможности, способствуя формированию у учащихся ценностного отношения к культурному наследию.

Интеграция музейного компонента не только обогащает интеллектуальный опыт ребенка, но и выступает эффективным инструментом познания действительности, повышая общую гуманитарную культуру личности.

Таким образом, духовная, когнитивная и творческая эволюция личности, осуществляемая под влиянием искусства на основе системно-деятельностного подхода, является закономерным результатом целенаправленного взаимодействия обучающихся, педагогов и музейных работников.[5] В этой системе экскурсия, объединяющая эстетическое пространство и информационный диалог, выступает универсальной и наиболее перспективной формой приобщения младших школьников к художественной культуре.

Список использованной литературы:

1. Бакушинский А.В. Исследования и статьи. Избранные искусствоведческие труды. М.: Советский художник, 1981. 348 с.

2. Неменский Б.М. Педагогика искусства. М.: Просвещение, 2007. 156 с.

3. Ребенок в музее: новые векторы детского музейного движения / отв. ред. М.Ю. Юхневич. М.: Академический проект; РИК, 2006. 176 с

4. Столяров Б.А. Музей в пространстве художественной культуры и образования: учеб. пособие. СПб., 2007. 340 с.

5. Урок в музее: проект единого образовательного пространства музея и школы. / Сост. М.В. Мацкевич. М.: Московский центр музейного развития, 2016. 110с.

© Стаброва Н.А., 2026

УДК 37.08:376.1

Чужакина Е.Л.,

преподаватель Центра развития универсальных компетенций

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ К РЕАЛИЗАЦИИ АРТ-ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается проблема готовности педагогов к реализации арт-практик в инклюзивном образовании. Цель — обосновать содержание и структуру данной готовности. Использованы теоретический анализ, сравнение, систематизация, обобщение и моделирование. Уточнено авторское определение готовности; выделены мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностно-технологический и рефлексивно-оценочный компоненты, раскрыты их функции и взаимосвязь.

Ключевые слова:

готовность педагога, арт-практики, культурная социализация, инклюзивное образование, профессиональная деятельность, культурно-творческая деятельность.

Введение

Современное образование ориентировано не только на достижение предметных результатов, но и на создание условий для включения обучающегося в культурную и социальную жизнь. Особую значимость эта задача приобретает в инклюзивном образовании, где образовательная среда должна обеспечивать

участие детей с различными образовательными потребностями в общей деятельности, коммуникации и освоении культурного опыта. В связи с этим возрастает потребность в педагогических средствах, способных объединять познавательные, коммуникативные, ценностные и творческие аспекты взаимодействия.

Одним из таких средств могут выступать арт-практики. В рамках настоящего исследования арт-практики понимаются как педагогически организованные формы культурно-творческой деятельности, основанные на обращении к художественным образам, символам, текстам, предметам и различным способам творческого выражения и обеспечивающие освоение, интерпретацию и создание культурных смыслов в процессе взаимодействия участников образовательных отношений. Такое понимание принципиально отличает арт-практику от простого выполнения художественного задания и от использования искусства исключительно в терапевтических целях.

Реализация арт-практик в инклюзивной образовательной среде предъявляет к педагогу специальные требования. Недостаточно владеть отдельными приемами рисования, работы с пластическими материалами, текстом, фотографией, предметной композицией или театрализацией. Педагог должен понимать культурно-социализирующую функцию организуемой деятельности, учитывать разнообразие образовательных потребностей, обеспечивать вариативность участия, проектировать взаимодействие и оценивать не только внешний художественный результат, но и изменения в характере включенности обучающегося в культурное и социальное взаимодействие.

Материалы и методы исследования

Цель статьи — теоретически обосновать содержание и структуру готовности педагогов к реализации арт-практик в процессе культурной социализации обучающихся в условиях инклюзивного образования. Для достижения цели использованы анализ, сравнение, систематизация и обобщение научных

представлений о профессиональной готовности педагога, а также теоретическое моделирование ее структурных компонентов применительно к исследуемому виду педагогической деятельности.

Результаты исследования

Теоретические основания профессиональной готовности

Категория «готовность» традиционно рассматривается в психологии и педагогике как характеристика, обеспечивающая успешное включение субъекта в определенный вид деятельности. М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович связывали готовность с комплексом психических особенностей и качеств личности, необходимых для результативного осуществления деятельности [4]. В педагогических исследованиях данная категория получила дальнейшее развитие применительно к конкретным видам профессиональной деятельности [5, с. 42–49].

Современные исследования подтверждают, что структура готовности не является универсальным набором неизменных компонентов: она конкретизируется в зависимости от содержания профессиональной задачи. Так, В.В. Володин и Е.Ю. Лукина при исследовании готовности будущих учителей к проявлению педагогической заботы выделяют когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельно-практический компоненты [2, с. 116–122]. В исследовании Д.А. Валишиной готовность педагога-наставника раскрывается через мотивационно-ценностный, когнитивный, операционально-деятельностный, рефлексивный и личностный компоненты [1, с. 781–782]. Э.Л. Воищева, рассматривая профессиональную готовность будущего педагога в условиях цифровой трансформации, выделяет гностический, проектировочный, конструктивный, коммуникативный и организаторский компоненты [3, с. 633–634].

Сопоставление указанных подходов позволяет сделать два принципиальных вывода. Во-первых, профессиональная готовность имеет интегративный характер и не сводится к объему знаний или совокупности отдельных умений. Во-вторых, содержательное наполнение ее структуры определяется спецификой той

деятельности, готовность к которой исследуется. Следовательно, перенос готовой компонентной модели на сферу арт-практик и культурной социализации методологически недостаточен: необходимо выявить характеристики, обусловленные одновременно культурно-смысловой направленностью арт-практик и условиями инклюзивного образования.

Специфика готовности к реализации арт-практик в инклюзивной среде

Специфика исследуемой деятельности проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Первый аспект — культурно-смысловой. Педагог организует не просто творческую активность, а взаимодействие обучающегося с культурными образами, ценностями, символами и способами их интерпретации. Второй аспект — инклюзивный. Участники образовательного процесса различаются по темпу деятельности, способам восприятия, коммуникации, уровню самостоятельности и доступным формам самовыражения. Третий аспект — вариативно-технологический: одна и та же культурная задача должна допускать разные способы включения в общее действие. Четвертый аспект — рефлексивный: педагог оценивает не только качество продукта, но и характер участия, взаимодействия, выбора и освоения культурного опыта.

На основании проведенного анализа готовность педагогов к реализации арт-практик в процессе культурной социализации обучающихся в условиях инклюзивного образования определяется нами как интегративное профессионально-личностное качество педагога, выражающееся в ценностном принятии культурно-социализирующего и инклюзивного потенциала арт-практик, системе необходимых культурологических, психолого-педагогических и методических знаний, способности проектировать и реализовывать вариативные культурно-творческие практики с учетом разнообразия образовательных потребностей обучающихся, а также осуществлять рефлексивную оценку их процесса и результатов.

Предлагаемое определение фиксирует принципиальное положение

исследования: готовность педагога не тождественна владению набором художественных техник. Профессионально значимым является способность педагога связывать выбранную арт-практику с задачами культурной социализации, адаптировать способы участия без обеднения культурного содержания и создавать условия, в которых различия обучающихся не исключают их из совместной деятельности.

Компонентная структура готовности педагогов

В структуре исследуемой готовности выделены четыре взаимосвязанных компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностно-технологический и рефлексивно-оценочный. Их содержание представлено в таблице 1.

Таблица 1

Содержание компонентов готовности педагогов к реализации арт-практик

Компонент	Содержательная характеристика	Функция
Мотивационно-ценностный	Принятие ценности культуры, инклюзивного участия и культурно-творческого взаимодействия; профессиональный интерес к арт-практикам; ориентация на субъектность и достоинство обучающегося.	Смыслообразующая
Когнитивный	Знания о культурной социализации, инклюзивном образовании, особых образовательных потребностях, педагогическом потенциале искусства, принципах проектирования и адаптации арт-практик.	Информационно-ориентировочная
Деятельностно-технологический	Умения отбирать культурный материал, проектировать и адаптировать арт-практики, организовывать вариативное участие и взаимодействие, применять художественные и культурные ресурсы.	Проектировочно-реализационная
Рефлексивно-оценочный	Способность анализировать включенность обучающихся, выявлять барьеры участия, оценивать соответствие практики поставленным задачам, корректировать собственные действия и способы организации деятельности.	Аналитико-коррекционная

Источник: разработано автором

Мотивационно-ценностный компонент определяет направленность

профессиональной деятельности. Его содержание включает признание культуры как ресурса развития и социализации личности; принятие права каждого обучающегося на участие в общем культурно-образовательном пространстве; интерес к культурно-творческим формам педагогической работы; готовность учитывать различия и поддерживать индивидуальные способы самовыражения. Данный компонент отвечает на вопрос, ради каких педагогических и культурных смыслов педагог обращается к арт-практикам.

Когнитивный компонент образует содержательную основу профессионального действия. Он включает знания о сущности социализации и культурной социализации, механизмах освоения и интерпретации культурного опыта; принципах инклюзивного образования; особенностях обучающихся с различными образовательными потребностями; возможностях разных видов искусства и культурно-творческой деятельности; способах адаптации инструкции, материала, темпа, формы предъявления и участия. Его специфика состоит в междисциплинарном характере: педагог должен соотносить культурологическое содержание с психолого-педагогическим и специальным педагогическим знанием.

Деятельностно-технологический компонент отражает способность преобразовывать ценностные установки и знания в профессиональные действия. Он включает умения формулировать педагогическую задачу арт-практики, выбирать культурный материал, проектировать индивидуальные и групповые формы деятельности, создавать несколько доступных способов участия, организовывать взаимодействие и культурный диалог, поддерживать творческую инициативу и при необходимости изменять технологию проведения практики. Ключевой характеристикой здесь выступает вариативность: единое культурно-смысловое пространство не предполагает одинаковых действий или одинакового продукта у всех участников.

Рефлексивно-оценочный компонент обеспечивает анализ процесса и результатов. Его содержание связано со способностью педагога оценивать степень

включенности обучающихся, характер их взаимодействия, проявление инициативы и самостоятельности, возникающие коммуникативные или организационные барьеры; соотносить фактический ход практики с поставленной целью и корректировать собственные профессиональные действия. Такой подход смещает оценку с эстетического качества продукта на педагогически значимые изменения в опыте участия и взаимодействия.

Выделенные компоненты образуют систему. Мотивационно-ценностный компонент задает смысл и направленность деятельности; когнитивный обеспечивает ее теоретическую ориентировку; деятельностно-технологический позволяет реализовать замысел в конкретной образовательной ситуации; рефлексивно-оценочный обеспечивает обратную связь и профессиональную коррекцию. Недостаточная выраженность одного из компонентов ограничивает готовность в целом: ценностное принятие без знаний не обеспечивает обоснованного действия, знания без технологических умений остаются декларативными, а деятельность без рефлексии не становится управляемым процессом профессионального развития.

Предложенная структура имеет значение не только для теоретического описания исследуемого феномена. Она создает основание для последующей разработки критериального аппарата. Каждому компоненту могут быть поставлены в соответствие критерии и показатели, позволяющие диагностировать состояние готовности педагога, определять уровни ее развития и проектировать содержание профессионального сопровождения. При этом критерии должны отражать не абстрактную «готовность к творчеству», а способность решать конкретные профессиональные задачи культурной социализации в инклюзивной среде.

Заключение

Таким образом, готовность педагогов к реализации арт-практик в процессе культурной социализации обучающихся в условиях инклюзивного образования представляет собой специальный вид профессиональной готовности, содержание

которого определяется интеграцией культурно-социализирующих, инклюзивных и культурно-творческих задач педагогической деятельности. Научная значимость предложенного подхода состоит в конкретизации категории профессиональной готовности применительно к данному виду деятельности и в обосновании ее четырехкомпонентной структуры. Практическая значимость связана с возможностью использовать выделенные компоненты при разработке критериев, показателей и уровней готовности, диагностического инструментария, модели и педагогических условий ее развития.

Перспективой дальнейшего исследования является разработка критериально-диагностического аппарата и экспериментальная проверка педагогических условий развития готовности педагогов к реализации арт-практик в процессе культурной социализации обучающихся в условиях инклюзивного образования.

Список использованной литературы:

1. Валишина Д.А. Структура и содержание готовности педагогов-наставников к сопровождению обучающихся в конкурсной деятельности // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11. Вып. 4. С. 779–786. DOI: 10.30853/ped20260093.

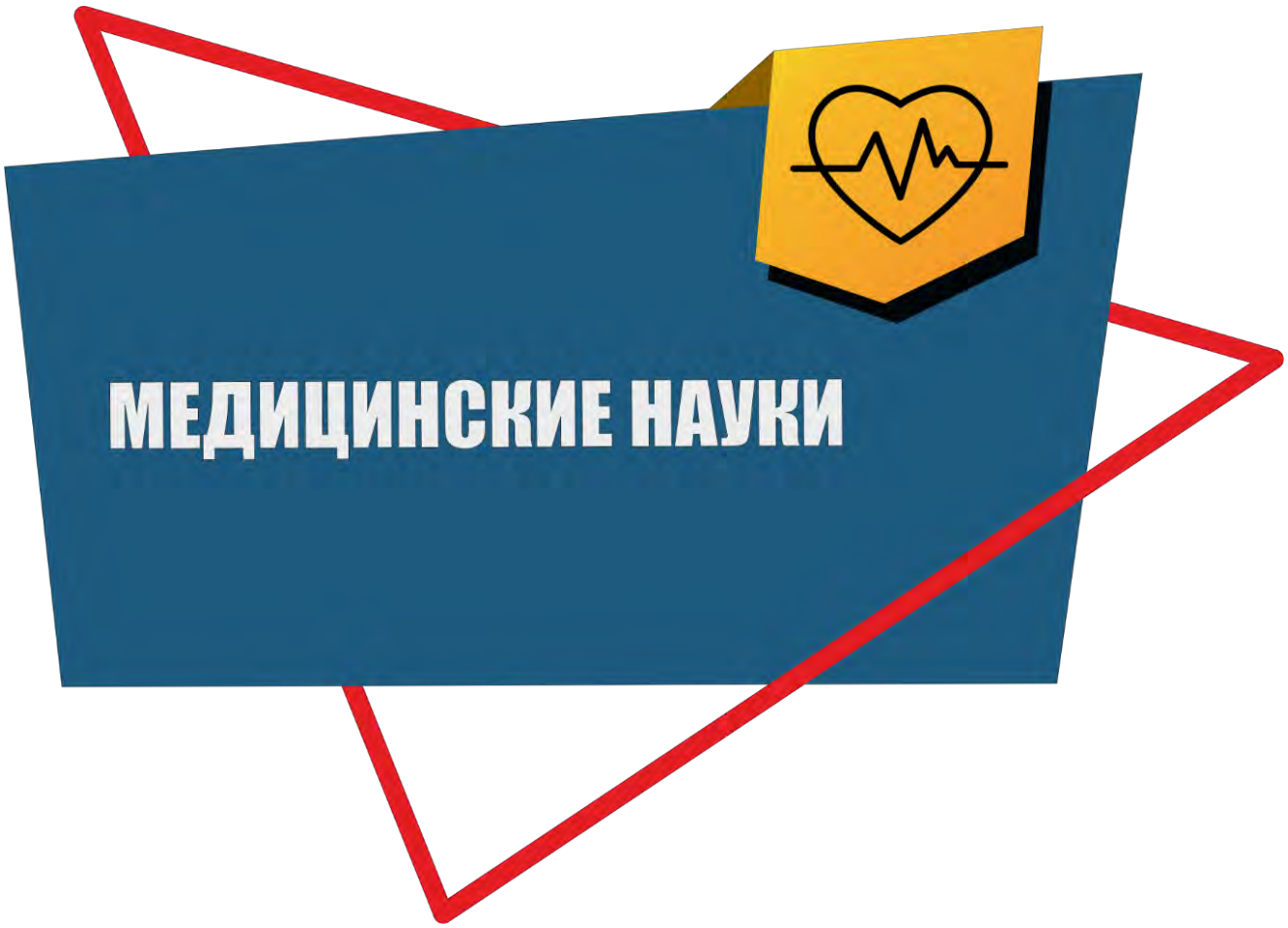
2. Володин В.В., Лукина Е.Ю. Компоненты готовности будущих учителей к проявлению педагогической заботы // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. Вып. 1. С. 116–122. DOI: 10.30853/ped210001.

3. Воищева Э.Л. Профессиональная готовность будущего педагога к деятельности в условиях цифровой трансформации образования: структура, критерии, педагогические условия формирования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11. Вып. 3. С. 630–639. DOI: 10.30853/ped20260077.

4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 175 с.

5. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Готовность педагога к инновационной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1. С. 42–49.

© Чужакина Е.Л., 2026


МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 61

Atayeva Enejan,
student
Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Shihmammedova Gulsona,
student
International Horse Breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan
Muhammetgulyyeva Tazegul,
lecturer
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

SYSTEMATIC DIMENSIONS OF NATIONAL HEALTHCARE: ADVANCED CLINICAL ADMINISTRATION, HEALTH SYSTEMS ENGINEERING, AND PROFESSIONAL TRAINING MODELS FOR PUBLIC HEALTH INFRASTRUCTURE

Abstract

This article examines the theoretical frameworks, healthcare administration methodologies, and professional training models essential for preparing highly qualified public health directors, clinical systems analysts, and medical infrastructure managers (Birkhead et al., 2020). As modern global health networks, telemedicine platforms, biomedical research institutions, and international disease surveillance systems encounter rapid technological transformation, electronic health record modernization, and evolving global clinical standards, the systematic administration of public health demands a comprehensive integration of advanced epidemiological tracking, evidence-based health policy formulation, and rigorous medical ethics principles. This study

investigates how the harmonization of practical clinical management training, interactive virtual healthcare facility simulation software, and competency-based pedagogy optimizes patient outcome delivery and professional administrative adaptability. By analyzing the dynamic interplay between classical public health sanitation protocols and cutting-edge artificial intelligence-driven diagnostic innovations, the paper highlights how targeted professional education revolutionizes healthcare workforce readiness and sustainable medical infrastructure development. Ultimately, the research demonstrates that mastering this multidisciplinary synthesis equips modern medical leaders to design resilient, highly effective technical learning ecosystems.

Keywords:

healthcare administration, public health education, epidemiological methodology, digital medicine, health systems management, professional competencies.

Introduction

The rapid modernization of the global healthcare sector, municipal hospital administration networks, and international epidemiological research agencies requires a fundamental paradigm shift in how medical care specialists, public health directors, and clinical researchers are educated, trained, and prepared for dynamic operational environments. Historically, healthcare management relied heavily on paper-based patient records, static administrative protocols, and traditional hierarchical hospital oversight drills, which, while foundational, are entirely insufficient to address the fast-paced automated electronic health record analysis, real-time contagion tracking, and telemedicine delivery shifts of the twenty-first century. Today, the widespread proliferation of artificial intelligence-assisted diagnostic tools, cloud-based patient monitoring platforms, predictive epidemiological modeling software, and virtual hospital management simulation systems demands a sophisticated, adaptable educational framework. Equipping student medical administrators and working healthcare professionals with modern competencies requires moving beyond traditional lecture-

based classroom instruction, immersing them instead in practical, technology-integrated training models that seamlessly bridge theoretical biomedical principles with real-world clinical execution.

Furthermore, preparing the next generation of modern public health and healthcare administration specialists involves cultivating deep analytical flexibility, patient safety awareness, and lifelong technical reflection habits. Medical care professionals enter the modern workforce equipped with core clinical and biological foundations, yet they frequently encounter operational challenges in managing complex multi-system hospital data, adapting to rapid regulatory healthcare policy updates, and collaborating in remote, multidisciplinary clinical and engineering teams. Institutional support systems—such as university-based medical simulation centers, continuous professional digital health certification programs, and collaborative epidemiological research groups—play a vital role in easing this professional transition. By providing learners with hands-on health informatics tool operation and real-world emergency response management simulation practice, educational institutions ensure that young specialists develop not only precise administrative proficiency, but also the innovative problem-solving mindset necessary for enduring career resilience in the global medical sector.

Main Part

At the core of educating modern healthcare administration specialists is the mastery of advanced electronic health record software, biostatistical analysis protocols, and task-specific competencies that maximize patient care efficiency while fostering strict medical safety workflows. Professional training programs must guide learners in understanding core epidemiological transition properties, hospital resource allocation calculations, and regulatory public health safety standards, enabling them to execute complex clinical facility evaluations with high precision. Instead of relying solely on rote textbook memorization, future healthcare specialists are trained to utilize integrated virtual hospital resource suites, automated disease tracking analysis systems, and real-

time patient outcome database tracking tools to optimize their output. This methodological versatility empowers modern medical professionals to navigate unexpected public health crisis updates, streamline supply chain logistics for pharmaceuticals, and elevate the overall quality, safety, and operational reliability of their respective clinical and administrative practices.

Complementing technical and operational training, the integration of critical systems thinking, healthcare leadership methodologies, and collaborative teamwork represents an indispensable component of contemporary public health education. Specialists in healthcare administration and medical systems must learn to communicate effectively across diverse clinical and stakeholder groups, manage complex multi-million-dollar hospital budgets, and resolve patient care and regulatory compliance conflicts within multidisciplinary medical teams. Training curricula increasingly focus on how to cultivate leadership capability, medical ethics compliance, and agile problem-solving strategies, ensuring that hospital directors can manage high-pressure clinical environments successfully. By mastering these essential collaborative skills, young technical professionals bridge the gap between isolated administrative theories and integrated national public health strategies, creating dynamic, highly resilient operational frameworks.

Beyond technical proficiency and team collaboration, effective training for contemporary healthcare specialists must emphasize continuous self-education, adaptability, and ethical professional responsibility. Modern clinicians and public health administrators are encouraged to embrace lifelong learning frameworks, regularly updating their international medical credentials and digital health management standards to stay ahead of rapid technological and epidemiological disruptions. Furthermore, understanding patient privacy legislation, medical AI ethics, and sustainable healthcare facility operation principles equips professionals to navigate institutional and moral responsibilities with confidence. When training institutions and medical enterprises foster a culture of open-minded inquiry and continuous

improvement, individuals transition seamlessly from entry-level hospital assistants into visionary healthcare leaders who drive sustainable societal medical transformation.

Conclusion

In conclusion, the systematic preparation of contemporary healthcare administration specialists and public health educators is a vital strategic endeavor that directly influences national health security, population well-being, and global medical research innovation. By combining robust biomedical and administrative theory with hands-on clinical facility training, collaborative skill development, and a commitment to lifelong learning, educational institutions empower future professionals to overcome modern epidemiological and operational challenges. The resulting development of skilled, adaptable healthcare experts ensures that global medical service ecosystems remain dynamic, secure, and responsive to rapid societal transformations.

Looking forward, the continuous evolution of artificial intelligence in automated diagnostic screening, telemedicine-enabled remote care delivery, and changing global health resilience standards will require ongoing refinement of higher education medical training programs, incorporating emerging insights from data science and digital pedagogy. As new generations of healthcare professionals enter the workforce equipped with modern competencies and resilient mindsets, the overall efficiency and problem-solving capacity of the public health and medical sector will reach new heights. Ultimately, an unwavering commitment to nurturing professional healthcare talent guarantees a prosperous, technologically advanced, and well-prepared society for future generations.

References List:

1. Essentials of Public Health, Birkhead, G. S., Morrow, C. B., Pirani, S., Boston: Jones & Bartlett Learning, 2020.

2. Handbook of Healthcare Management, Fottler, M. D., Malvey, D., Johnson, D. J., Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014.

3. Modern Healthcare Administration and Public Health Methodologies in Higher

Practice, Orazov, A. K., Ashgabat: Ylym Publishing House, 2026.

4. Health and Healthcare Systems: A Global View, Foley, T., Tresidder, A. F., Bozeman, L., New York: Springer Publishing, 2025.

5. Understanding Global Health, Markle, W. H., Fisher, M. A., Smego, R. A., New York: McGraw-Hill Education, 2014.

© Atayeva E., Shihmammedova G., Muhammetgulyyeva T., 2026

УДК 61

Аманова Дж.О.

преподаватель кафедры,

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени М. Гаррыева, г. Ашгабат

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИЕТОТЕРАПИИ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА

Аннотация

В последние годы пристальное внимание уделяется разработке персонализированных подходов к лечению заболеваний с учетом индивидуальных показателей пациента, мониторинга биомаркеров различной молекулярной природы, полиморфизма генов, контролирующих обмен глюкозы и липидов, в том числе и при СД 2 типа

Ключевые слова:

роль генетических факторов и факторов окружающей среды.

В соответствии с рекомендациями Международного экспертного комитета по диагностике и классификации СД (1997), комитета экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ, 1999), СД – это группа метаболических (обменных) заболеваний, характеризующихся хронической гипергликемией, которая является результатом нарушения секреции инсулина, действия инсулина или обоих этих факторов [4, 38]. Хроническая гипергликемия при СД сопровождается повреждением, дисфункцией и недостаточностью различных органов, особенно глаз, почек, сердца и кровеносных сосудов. В развитие СД вовлечены несколько патогенетических процессов: от аутоиммунного повреждения β-клеток поджелудочной железы с последующим дефектом

секреции инсулина до нарушений, вызванных резистентностью к инсулину. В 1999 г. комитетом экспертов ВОЗ наряду с новыми диагностическими критериями была рекомендована этиологическая классификация СД, включающая СД 1 и 2 типа, другие специфические типы диабета, гестационный СД [4, 7, 38].

СД 1 типа характеризуется деструкцией β-клеток поджелудочной железы, обычно приводящей к абсолютной инсулиновой недостаточности [38]. В зависимости от механизма развития СД 1 типа подразделяется на два подтипа:

аутоиммунный с наличием признаков нарушения клеточноопосредованного иммунитета поджелудочной железы и лимфотической инфильтрацией ее островков с последующей деструкцией β-клеток;

идиопатический, при котором отсутствуют аутоиммунные механизмы развития СД, однако наблюдается снижение функции β-клеток с прекращением секреции инсулина.

Единственным методом лечения СД 1 типа является заместительная инсулинотерапия, при этом коррекция дозы инсулина должна осуществляться ежедневно с учетом данных самоконтроля гликемии в течение суток и количества содержащихся в пище углеводов, до достижения индивидуальных целевых показателей углеводного обмена.

СД 2 типа составляет до 90% всех случаев диабета, к которому относятся нарушения углеводного обмена, вызванные преимущественной инсулинорезистентностью и относительной инсулиновой недостаточностью или преимущественным нарушением секреции инсулина с инсулинорезистентностью или без нее. СД 2 типа является гетерогенным и полигенным заболеванием, в патогенезе которого участвуют несколько генетических и факторов окружающей среды. Гены, определяющие предрасположенность к этому типу диабета, вовлечены в процессы секреции инсулина, а также в обмен глюкозы в β-клетках, печени и в других тканях организма. К другим специфическим типам диабета относятся:

а) генетические дефекты функции β-клеток (MODY-диабет взрослого типа, митохондриальный диабет и др.);

б) генетические дефекты действия инсулина (инсулинорези- стентность типа А, лепрехаунизм, синдром Рабсона-Мендехолла, липоатрофический диабет и др.);

в) заболевания экзокринной части поджелудочной железы (панкреатит, опухоли, муковисцидоз, гемахроматоз и др.), эндокринопатии (акромегалия, синдром Кушинга, гипертиреоз и др.);

г) СД, индуцированный лекарственными препаратами или химическими веществами (никотиновая кислота, глюкокортикоиды, тиреоидные гормоны и др.);

д) инфекции, вероятно, участвующие в воспалительных процессах островка поджелудочной железы и последующей деструкции β-клеток (врожденная краснуха, цитомегаловирус и др.);

е) необычные формы иммунологически опосредованного диабета (антитела к инсулину и рецепторам к инсулину и др.);

ж) другие генетические синдромы, иногда сочетающиеся с СД (синдромы Дауна, Клайнфельтера, Прадера-Вилли, атаксия Фридрейха и др.).

Список использованной литературы:

1. Аметов А.С. Сахарный диабет 2 типа. Проблемы и решения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., ГЕОТАР-Медиа, 2013. – 1032 с.

2. Аметов А.С., Мельник А.В. Управление сахарным диабетом:
роль постпрандиальной гипергликемии и возможности ее коррекции // РМЖ. – 2007. – Т.15. – № 27 (308). – С. 2053–2058.

3. Балоболкин М.И. Диабетология. – М.: Медицина, 2000. – 672 с.

© Аманова Дж.О., 2026

УДК 61

Гылычмаммедова М.Ш.

преподаватель кафедры, Государственный медицинский университет Туркменистана имени М. Гаррыева, г. Ашгабат

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ АУТОИММУННОГО ТИРЕОИДИТА

Аннотация

Цель статьи изложение современных представлений о диагностике и лечении аутоиммунного тиреоидита (АИТ). Актуальность темы связана с необходимостью формирования единых подходов к рассматриваемым в данной работе вопросам. Аутоиммунным тиреоидитом страдают примерно 3-4% населения. АИТ обнаруживается примерно у 20% женщин пожилого возраста. В последние годы клиницисты многих стран отмечают увеличение числа больных АИТ среди детей и подростков. В настоящее время в постановке диагноза аутоиммунного тиреоидита ведущую роль играет констатация гипотиреоза, наличие в крови высоких титров антитиреоидных антител и характерных признаков при ультразвуковом исследовании щитовидной железы.

Ключевые слова:

аутоиммунный тиреоидит, диагностика, лечение.

Аутоиммунный тиреоидит (хронический лимфоматозный тиреоидит, тиреоидит Хасимото) это хроническое воспалительное заболевание щитовидной железы аутоиммунного генеза, заканчивающееся нарушением её функции, морфологическим субстратом которого является обширная лимфоидная инфильтрация. Аутоиммунный тиреоидит (АИТ) чаще встречается у женщин в возрасте 40-50 лет [17,18]. Соотношение женщин и мужчин с диагнозом АИТ составляет 4-15:1 [1, 6]. Аутоиммунным тиреоидитом страдают примерно 3-4%

населения, причём с возрастом число больных увеличивается [2]. Аутоиммунный тиреоидит обнаруживается примерно у 20% женщин пожилого возраста [17]. В то же время, по данным эпидемиологических исследований, распространённость гипотиреоза в Великобритании составляет 7,8 среди мужчин старше 60 лет [15], а среди женщин старше 60 лет колеблется от 3,3 [16] до 20,5 [15]. Частота клинически выраженных форм АИТ составляет 1% [18]. Распространённость носительства антитиреоидных антител достигает 26% у женщин и 9% у мужчин [16]. Риск развития гипотиреоза у женщин с изолированным повышением титров антител к структурным компонентам щитовидной железы (ЩЖ) без нарушения её функции составляет от 2,1 до 5 % в год [16, 17]. В последние годы клиницисты многих стран отмечают увеличение числа больных аутоиммунным тиреоидитом среди лиц молодого возраста, особенно среди детей и подростков [5]. Распространённость АИТ у детей колеблется от 0,1 до 1,2% [13].

Диагностика. Клинически различают гипертрофическую, атрофическую, фокальную (очаговую) и латентную формы аутоиммунного тиреоидита [6].

При гипертрофической форме АИТ больные жалуются на увеличение щитовидной железы, затруднение при глотании, слабость, чувство сдавления шеи. При осмотре определяется диффузная гиперплазия щитовидной железы. При пальпации она плотная, имеет дольчато-эластичную консистенцию, не спаяна с кожей. По мере прогрессирования заболевания плотность железы увеличивается, возможно появление её бугристости, симптома качания (при пальпации одной доли покачивается другая). Болезненность щитовидной железы бывает при сочетании с подострым тиреоидитом. У 5% больных гипертрофической формой наблюдается гипертиреоз, что даёт картину так называемого «хаситоксикоза». Больных беспокоят сердцебиение, чувство жара, потливость, похудание, раздражительность. «Хаситоксикоз» имеет свои особенности: 1) протекает волнообразно, с периодами ухудшения и улучшения; 2) тиреотоксикоз поддаётся лечению лучше, чем при диффузном токсическом зобе (ДТЗ); 3) характерно

наличие офтальмопатии; 4) наблюдается обычно в начале заболевания; 5) рецидивы гипертиреоза провоцируются острыми респираторными инфекциями, психическими и физическими перегрузками, беременностью, родами, абортами. Щитовидная железа при атрофической форме АИТ не прощупывается. При этом определяется клиника гипотиреоза. Атрофическая форма развивается постепенно, в течение десятилетий. При этом возможна галакторея - аменорея в связи с избытком тиреолиберина [6].

Фокальная (очаговая) форма АИТ характеризуется поражением одной доли, которая становится маленькой и плотной. Пункционная биопсия выявляет в этой доле признаки аутоиммунного тиреоидита [6].

При латентной форме АИТ выявляются лишь иммунологические признаки заболевания без клинических проявлений. Размеры щитовидной железы нормальные. Латентная форма часто сочетается с узловым зобом.

В зависимости от функционального состояния щитовидной железы при любой форме аутоиммунного тиреоидита может быть эутиреоз, гипертиреоз (редко) или гипотиреоз [6].

АИТ имеет доброкачественное течение. Однако возможно сочетание АИТ и рака щитовидной железы. Исключительно редко встречаются аденокарциномы и лимфомы щитовидной железы (10-15%) на фоне АИТ [1].

Список использованной литературы:

1.Балаболкин М.И. Эндокринология. М.: Универсум паблишинг, 1998. 582 с.

2.Болезни щитовидной железы. Пер. с англ./Под ред. Браверманна Л.И. М.: Медицина, 2000. - 432 с.

3.Дедов И.И., Трошина Е.А., Антонова С.С. и др. Аутоиммунные заболевания щитовидной железы:

© Гылычмаммедова М.Ш., 2026

УДК 61

Розыев Х.А.

ассистент кафедры, Государственный медицинский университет Туркменистана имени М. Гаррыева, г. Ашгабат

ОРГАНЫ ВЫДЕЛЕНИЯ (ПОЧКА, ЛЕГКИЕ, КОЖА, ПИЩЕВАРИТЕЛЬНЫЙ ТРАКТ И ГРУДНЫЕ ЖЕЛЕЗЫ), ИХ УЧАСТИЕ В ПОДДЕРЖАНИИ ГОМЕОСТАЗА ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ

Аннотация

Знать функцию органов выделения, их участие в поддержании гомеостаза.

а) указать на выделительную функцию легких, кожи, пищеварительного тракта;

б) раскрыть элементы нефрона, как морфофункциональной единицы почек;

в) показать процессы, происходящие в нефроне (фильтрация, секреция, реабсорбция, инкреция) и их механизмы;

г) дать понятие о несахарном диабете.

Ключевые слова:

органы выделения, физиология органов выделения, почки, физиология мочевыделения, лекции по нормальной физиологии.

Выделение – это процесс освобождения организма от продуктов обмена, которые не могут использоваться организмом, чужеродных и токсических веществ, избытка воды, солей, органических соединений. К органам выделения относятся почки, легкие, кожа (потовые и сальные железы), пищеварительный тракт и грудные железы. Из перечисленных органов грудные и сальные железы относятся к особым органам выделения, так как они выделяют полезные для организма вещества. Продукты выделения сальных и молочных желез – кожное сало и молоко

имеют самостоятельное физиологическое значение – молоко как продукт питания для новорожденных, а кожное сало для смазывания кожи. Основное значение органов выделения состоит в поддержании постоянства состава и объема жидкостей внутренней среды организма, прежде всего крови.

Легкие выводят из организма:

1) CO2 и тем самым участвует в поддержании постоянства pH крови (при уменьшении pH усиливается выделение CO2, а при увеличении pH – уменьшается выделение CO2). Гиповентиляция способствует возникновению дыхательного (газового) ацидоза, а гипервентиляция – возникновению дыхательного алкалоза;

2) воду и тем самым участвует в поддержании температуры тела путем отдачи тепла испарением;

3)токсические вещества (избыток наркотических веществ и паров алкоголя).

Слюнные и желудочные железы выделяют: 1) тяжелые металлы; 2) ряд лекарственных препаратов (морфий, хинин, салицилаты); 3) чужеродные органические соединения.

Печень выводит из крови ряд продуктов азотистого обмена, избыток желчных пигментов и кислот с желчью.

Поджелудочная железа и кишечные железы выводят тяжелые металлы и лекарственные вещества.

Железы кожи за счет потовых желез выделяется:

1) вода (ее испарение с поверхности кожи способствует поддержанию температуры тела);

2) некоторые органические вещества, в частности, мочевина;

3) молочная кислота, особенно при напряженной мышечной работе. Сальные железы выделяют кожное сало для смазывания кожи.

Грудные железы выделяют грудное молоко как продукт питания для новорожденных.

Функция почек. Почки являются главными выделительными органами.

Основные функции почек:

1) участвуют в регуляции объема крови и других жидкостей организма, ионного состава жидкостей внутренней среды, кислотнощелочного равновесия, артериального давления и эритропоэза;

2) Участвуют в экскреции конечных продуктов азотистого обмена и избытка органических веществ, поступающих с пищей или образовавшихся в процессе метаболизма;

3) участвуют в инкреции ферментов и физиологически активных веществ (гемопоэтинов, ренина, брадикинина, простогландинов, витамина Д3). Структурно-функциональной единицей почки является нефрон, который состоит из следующих элементов: 1) приносящая артериола; 2) клубочек нефрона (первичная капиллярная сеть); 3) выносящая артериола; 4) вторичная капиллярная сеть; 5) венула; 6) полость капсулы Баумана-Шумлянского; 7) извитой каналец первого порядка, или проксимальный извитой каналец; 8) прямой нисходящий каналец; 9) петля Генле; 10) восходящий прямой каналец; 11) извитой каналец второго порядка, или дистальный извитой каналец; 12) собирательная трубка.

В нефроне происходят следующие процессы:

1) фильтрация;
2) реабсорбция;
3) секреция;

Список использованной литературы:

1. Физиология человека: Учебник/ В 2-х томах. Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. —М.: Медицина, 1997. — Т. 1. — С. 326–394.

2. Шмидт Р., Тевс Г. Физиология человека. — М.: Мир, 1986. — Т. 2. — С. 454–565.

3. Косицкий Г.И. Физиология человека. — М.: Медицина, 1985. — С. 239–287.

© Розыев Х.А., 2026

УДК 61

Розыев Х.А.

ассистент кафедры, Государственный медицинский университет Туркменистана имени М. Гаррыева, г. Ашгабат

СВОЙСТВА НЕРВНЫХ ЦЕНТРОВ. ПРИНЦИПЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация

Политика постоянного нейтралитета Туркменистана является краеугольным камнем его международных отношений с момента ее принятия Организацией Объединенных Наций в 1995 году. В этой статье рассматривается, как приверженность Туркменистана нейтралитету вносит позитивный вклад в глобальный мир, региональную безопасность и социально-экономическое развитие. В ней анализируются принципы, лежащие в основе этого статуса, его преимущества для страны и ее соседей, а также его роль в содействии дипломатическому диалогу и сотрудничеству. В статье Туркменистан рассматривается как модель мирного сосуществования, подчеркиваются возможности, создаваемые его нейтральной позицией в сложной геополитической обстановке.

Ключевые слова:

Туркменистан, нейтралитет, международные отношения, мир, региональная безопасность, дипломатия, глобальная стабильность.

1. Введение

Постоянный нейтралитет Туркменистана является уникальной и образцовой политикой в современном геополитическом ландшафте. Признанный Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1995 году, этот статус лежит в

основе внешней политики и международного участия страны. В отличие от многих стран, вовлеченных в региональные конфликты или глобальную конкуренцию за власть, Туркменистан выбрал путь неприсоединения, мирного сосуществования и активной дипломатии. Такой подход не только обеспечивает собственную стабильность страны, но и вносит вклад в более широкие региональные и международные рамки мира.

В эпоху, отмеченную геополитической напряженностью и конфликтами, нейтралитет Туркменистана обеспечивает стабильную платформу для диалога, экономического сотрудничества и культурного обмена. В этой статье исследуется многогранное влияние нейтралитета Туркменистана, подчеркивая его преимущества для глобальной стабильности и устойчивого развития.

2. Историческая справка о нейтралитете Туркменистана

После распада Советского Союза в 1991 году Туркменистан столкнулся с критической задачей установления своего суверенитета и отличительной внешнеполитической идентичности. Осознавая нестабильную геополитическую обстановку в Центральной Азии, руководство выбрало уникальный подход — постоянный нейтралитет. Это решение было формализовано в 1995 году, когда Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единогласно признала статус Туркменистана как постоянно нейтрального государства посредством резолюции 50/80.

Это признание не только подчеркнуло поддержку международным сообществом мирных устремлений Туркменистана, но и выделило роль страны как поборника глобального мира и безопасности. На протяжении многих лет Туркменистан сохранял непоколебимую приверженность этому статусу, что позволяло ему избегать региональных конфликтов и сложных военных союзов. Политика сформировала дипломатическую идентичность страны и направляла ее взаимодействие с мировыми державами, уравновешивая отношения, не принимая чью-либо сторону.

Нейтралитет Туркменистана стал определяющей чертой его государственности, помогая ему решать такие проблемы, как безопасность границ, энергетическая геополитика и региональное сотрудничество. Это историческое обязательство отражает стратегическое видение, которое ставит мир, стабильность и конструктивное международное взаимодействие на первое место.

3. Принципы и столпы нейтралитета

Нейтралитет Туркменистана основан на четких и четко определенных принципах, которые служат основой его внутренней и внешней политики. Прежде всего, страна придерживается строгой политики невмешательства в военные конфликты или союзы. В отличие от многих государств в геополитически чувствительных регионах, Туркменистан намеренно избегает втягивания в военные блоки, такие как НАТО или ОДКБ, тем самым защищая свой суверенитет и мир. Еще одним ключевым принципом является уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран. Туркменистан выступает за мирное урегулирование споров посредством диалога и правовых рамок, укрепляя нормы, установленные Уставом Организации Объединенных Наций. Это обязательство способствует взаимному уважению и доверию между Туркменистаном и его соседями.

Нейтралитет также проявляется в активном содействии Туркменистана многостороннему диалогу и сотрудничеству. Выступая в качестве беспристрастного посредника и посредника, Туркменистан создает возможности для диалога между конфликтующими сторонами, помогая снижать напряженность и строить устойчивые партнерские отношения.

В экономическом плане Туркменистан принимает открытость, сохраняя нейтралитет, что позволяет ему развивать взаимовыгодные торговые и инфраструктурные проекты. Этот прагматичный подход сделал страну критически важным узлом для региональных энергетических коридоров и международных торговых путей. Вместе эти принципы гарантируют, что нейтралитет — это не

просто пассивная позиция, а активная структура для содействия миру, стабильности и процветанию.

4. Положительное влияние на региональную безопасность

Центральная Азия долгое время была перекрестком конкурирующих интересов и периодической нестабильности, что делало региональную безопасность первостепенной проблемой. Нейтральная политика Туркменистана сыграла стабилизирующую роль, способствуя созданию атмосферы доверия и сотрудничества. Его позиция снижает потенциальные очаги напряженности и создает буфер против побочных эффектов конфликтов в соседних странах.

Нейтралитет Туркменистана позволяет ему эффективно сотрудничать по ключевым вопросам безопасности, таким как борьба с терроризмом, контроль над незаконным оборотом наркотиков и управление границами, не выглядя предвзятым или предвзятым. Он участвует в региональных форумах по безопасности, таких как встречи наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества и другие многосторонние платформы, внося ценные идеи, сохраняя при этом свою нейтральную идентичность.

Кроме того, роль Туркменистана как надежного и мирного соседа укрепляет трансграничное сотрудничество. Его приверженность нейтралитету способствовала соглашениям о демаркации границ и мирным отношениям с Афганистаном, Ираном, Казахстаном и Узбекистаном — странами, с которыми он разделяет стратегические экономические и военные интересы.

Подход страны способствует принятию мер по укреплению доверия на региональном уровне, которые укрепляют коллективную безопасность и снижают риски конфликтов, способствуя более мирному развитию Центральной Азии.

5. Вклад в глобальный мир и дипломатию

Нейтралитет Туркменистана выходит за рамки региональных границ и находит отклик на мировой арене. Придерживаясь принципов неприсоединения и мирного сосуществования, Туркменистан является примером того, как малые и средние

государства могут оказывать положительное влияние на международные дела.

Страна активно поддерживает инициативы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, разоружению и гуманитарной помощи. Она предоставила персонал и ресурсы для миротворческих миссий, подчеркивая свою приверженность усилиям по обеспечению глобальной безопасности. Более того, Туркменистан содействует диалогу по нераспространению ядерного оружия и запрету химического оружия, соответствуя международным нормам и договорам.

В дипломатическом плане Туркменистан использует свой нейтралитет, чтобы выступать в качестве надежного собеседника между конфликтующими сторонами. Его столица, Ашхабад, принимала многочисленные международные конференции, направленные на содействие миру и экономическому сотрудничеству. Нейтралитет страны позволяет ей предоставлять открытую площадку, где различные страны чувствуют себя комфортно, участвуя в конструктивном диалоге, не опасаясь политической предвзятости. Таким образом, Туркменистан вносит существенный вклад в более сбалансированный и мирный мировой порядок, подавая пример другим странам, стремящимся к мирному сосуществованию в условиях сложных геополитических вызовов.

6. Социально-экономические преимущества нейтралитета

Стабильная и мирная обстановка в Туркменистане, основанная на его нейтральном статусе, обеспечивает плодородную почву для социальноэкономического развития. Политическая стабильность является важнейшим фактором привлечения прямых иностранных инвестиций, развития инфраструктуры и расширения торговых сетей.

Нейтралитет страны укрепил ее репутацию надежного партнера в поставках энергии, особенно в экспорте природного газа, где Туркменистан сотрудничает с несколькими странами без давления со стороны союзников. Этот нейтралитет позволяет Туркменистану диверсифицировать свои рынки и формировать стратегические партнерства в Европе, Азии и за их пределами.

Кроме того, участие Туркменистана в крупных региональных инициативах, таких как Транскаспийский международный транспортный маршрут и Ашхабадское соглашение, отражает его приверженность интеграции в мировые экономические системы при сохранении политической автономии. Эти проекты способствуют взаимодействию и открывают новые возможности для торговли и инвестиций, принося пользу более широкому региону.

Список использованной литературы:

1. Akiner, Shirin. The Caspian: Politics, Energy and Security. Routledge, 2004.

2. Blank, Stephen. “Turkmenistan’s Foreign Policy and Its Implications for Regional Security.” Central Asia-Caucasus Analyst, 2010.

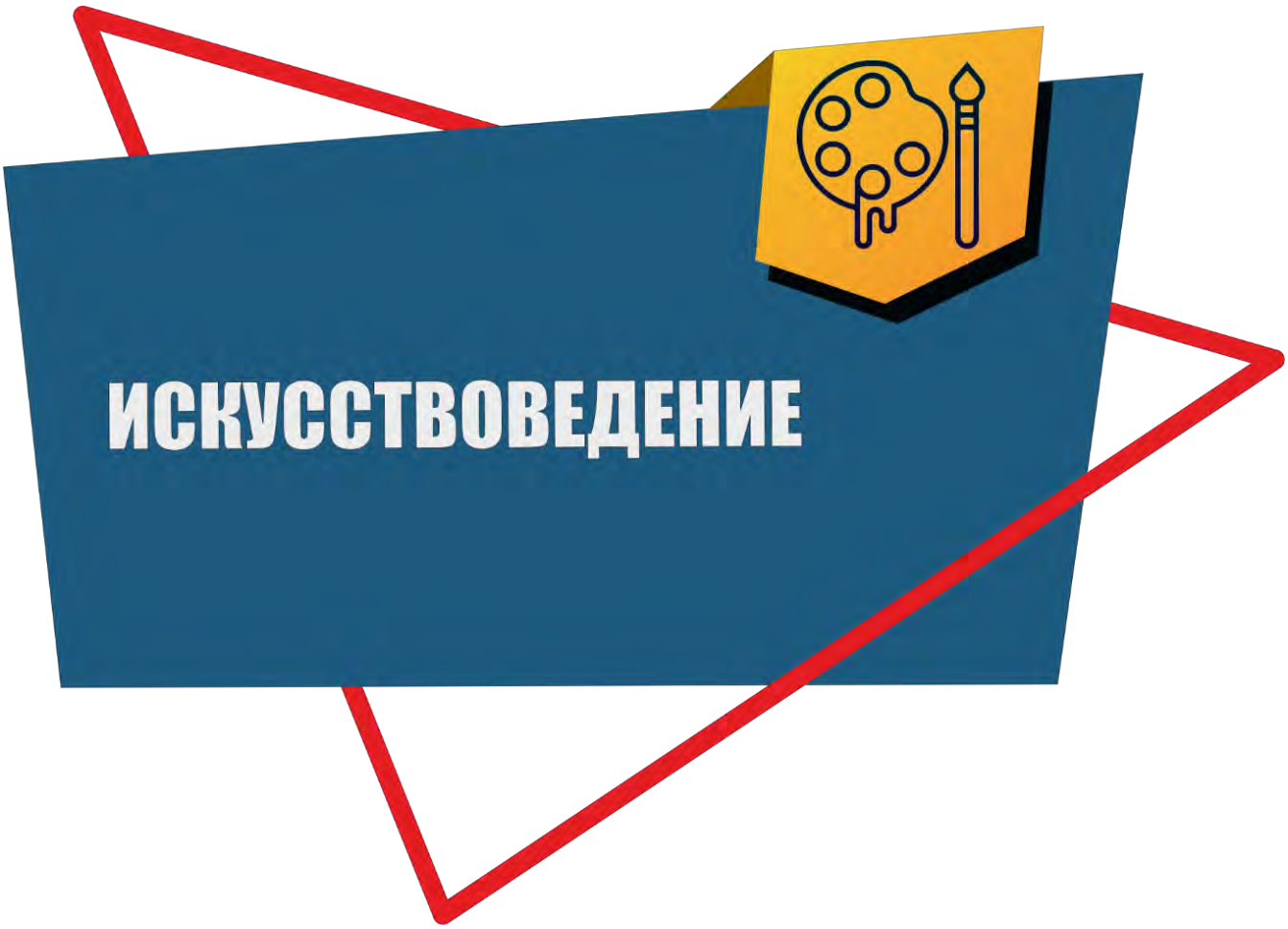
3. Cooley, Alexander. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford University Press, 2012.

4. Fumagalli, Matteo. The Politics of Regional Cooperation in Central Asia: EU and Chinese Approaches to Turkmenistan. Palgrave Macmillan, 2016.

5. Guliyev, Farid. “Neutrality and Its Relevance in the Modern International System: The Case of Turkmenistan.” Journal of Eurasian Studies, vol. 8, no. 2, 2017, pp. 125–134.

6. Khalilov, Timur. Security Challenges in Central Asia: Turkmenistan's Approach to Neutrality. Springer, 2019.

© Розыев Х.А., 2026


ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 37.018

Гончаров М.Ю.
магистрант 3 курса МГИК
г. Химки, РФ

АДАПТАЦИЯ УЧАЩИХСЯ ДЕТСКИХ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСТАНОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Целью данной работы является рассмотрение адаптации учащихся детского хореографического коллектива, как педагогического фактора выявления подходов к постановочной деятельности. Рассмотрены такие подходы, как художественно-эстетический, образно-игровой, социально-психологический, гуманистический. Анализ подходов раскрывает явление постановочной деятельности, как комплекс мер улучшения педагогических условий для целостного формирования личности ребенка. Данная статья будет интересна педагогам дополнительного образования, студентам хореографических специальностей.

Ключевые слова:

адаптация, постановочная деятельность, хореограф-постановщик, детский хореографический коллектив, подход.

Постановочная деятельность в детском хореографическом коллективе – это сложный и многогранный творческий процесс, который не ограничивается только разучиванием движений. Перед руководителем детского коллектива, который выступает одновременно в нескольких ролях: как педагог, балетмейстер-постановщик, репетитор и организатор, открывается целый комплекс художественно-педагогических задач, направленных на создание хореографического произведения с учетом возрастных и психологических

особенностей детей. Проблема состоит в том, что при работе над хореографической постановкой в детских коллективах отдается приоритет демонстрации танцевальных технических умений и навыков, упуская задачи развития творческих способностей, социальных и коммуникативных навыков, и формирования художественного восприятия. Рассмотрение адаптации, способствует пониманию явлений таких, как социализация и профессионализация учеников в детских хореографических коллективах, что в свою очередь оптимизирует образовательный процесс, как его организацию, так и само обучение.

Вопросы специфики постановки хореографического произведения получили освещение в трудах Алескидзе Г.Д., Захарова Р. В., Мелехова А.В., Мурашко М.П., Никитина В.Ю., Устиновой Т.А. Понятия «социальная» и «профессиональная» адаптация, как с позиции хореографического искусства, так и психологии в рамках детского хореографического коллектива рассматривали: Г.Ф. Богданов, Р.Р. Лыкова, И.Г Соснина, Л.Д. Столяренко, О.С. Трапезникова, Р.Ю. Сергеева.

Постановочная деятельность педагога-хореографа в детском коллективе не только является средством, с помощью которого достигаются творческие цели, также данный вид деятельности является весомым инструментом для социальной и профессиональной адаптации ребенка. Через хореографический язык и взаимодействие в группе, дети развивают свои индивидуальные качества. [1, с. 142-143]

Существует множество подходов постановочной деятельности, рассмотрим их с позиции наилучшего раскрытия потенциала учащихся и их успешной адаптации.

1) **художественно-эстетический подход.** Через данное направление происходит выражение эмоций и чувств ребенка посредством раскрытия художественного образа в танцевальном произведении. Здесь задачей постановщика выступает развитие у учащихся эмоциональной выразительности. Педагогом выполняется демонстрация того, как через танец можно передать

эмоцию гнева, печали или наоборот ликования и торжества. Так же не менее важным аспектом является обсуждение с детьми танцевальной драматургии. Участникам нужно хорошо понимать идею номера, который они исполняют, это помогает им лучше вникнуть в исполняемую роль, что наилучшим образом влияет на итоговое качество исполнения.

Отличным приемом для глубокого погружения в роль является визуализация. Учитель на своем примере произносит задаваемые условия (картинку) и после демонстрирует конкретную эмоцию и то как эта эмоция выражается в хореографическом тексте.

2) **образно-игровой подход.** Постановочная деятельность с использованием такого подхода наиболее эффективна для работы со школьниками начальных классов и дошкольниками. В таком возрасте детям присуще образный вид мышления, поэтому использование игр, как способ познания, будет способствовать лучшему запоминанию материала и большей фокусировке внимания на занятиях. Например, игра с соревновательным уклоном, где участники делятся на две команды и ловят воображаемого комара который на них сел, задача наиболее ритмично и звонко исполнить хлопушку в попытках прихлопнуть назойливое насекомое, чья команда наиболее качественно произведет хлопушку становится победителем. Здесь хорошо работает прием от простого к сложному, сначала ритм хлопков должен быть максимально примитивным и легким, чтобы участники могли привыкнуть, но далее идет постепенное усложнение. В дальнейшей работе данный эпизод можно внедрить в драматургию хореографического номера. Также отличную динамику в работе с детьми дает сюжетно-ролевой показ. Детям предлагается перевоплотиться в растения, зверей, героев мультфильмов и сказок. Такое изображение и подражание воплощенное через хореографию развивает у учеников образное мышление, а сама деятельность становится занимательной. Еще одним приемом, с помощью которого у детей совершенствуется самовыражение и самостоятельность, является импровизация. Учитель дает

возможность ученикам придумывать движения самим, такой процесс позволяет постановочной работе стать совместным продуктом работы педагога-постановщика и участников коллектива.

3) **социально-психологический подход.** Данный подход в работе с хореографическим коллективом подходит для всех возрастных групп. Он направлен на выстраивание коммуникаций между детьми. Во время репетиций и концертов участники коллектива взаимодействуют друг с другом, работают в парах, производят перестроение из рисунка в рисунок и двигаются в едином темпе. Также выступления на сцене помогают танцовщикам обрести внутреннюю уверенность и преодолевать страх проявлять себя перед большой публикой, что отлично сказывается на качестве социализации их личности. Использование коммуникативного метода помогает детям быстрее влиться в коллектив и почувствовать ответственность. Данный метод может проявляться следующим образом: деление на малые группы при постановочной работе, с целью изучения или отработки танцевальной лексики, когда участники танца одновременно исполняют движения. Проектная деятельность: подготовка к отчетному концерту, или концерту, посвященный какому-либо празднику, где ребята не только танцуют, но и участвуют в создании сценария или афиши. Это способствует развитию навыков сотрудничества и сплочения.

4) **гуманистический подход.** Подход, основанный на идее централизации личности ребенка в процессе обучения и сотрудничество с педагогом. Поэтому в первую очередь тема и идея хореографической композиции базируется на интересах детей. Разучивание движений не с позиции «надо/нельзя», а с позиции «как и зачем это нужно для образа». Создание экологичного микроклимата, то есть организация процесса без боязни, насмешек и жесткой критики. Также актуален прием, где дети становятся участниками постановочного процесса, предлагая свои варианты движений или сюжетного поворота.

Таким образом, педагогу-хореографу важно учитывать такие явления, как

социальная и профессиональная адаптация так, как помимо всестороннего развития детей, они могут нести в себе функцию оптимизации процесса постановочной деятельности с целью комплексного развития ребенка.

Список использованной литературы:

1. Богданов Г.Ф. Руководитель хореографического любительского коллектива: природа профессии, круг деятельности, обучение – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 132с.

2. Захаров Р.В. – Сочинение танца: Страницы педагогического опыта – Москва: Искусство, 1983. – 237 с.

3. Мелехов А. В. Мастерство хореографа. Композиция танца Учебное пособие 5-е издание, дополненное, переработанное Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – 177 с.

4. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 703 с.

© Гончаров М.Ю., 2026

УДК 8

Зайкова А.А.

Магистрант, Хореографическое искусство, Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПРЕПОДАВАНИЯ ТАНЦА МОДЕРН ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация

В статье рассматривается преподавание танца модерн детям среднего школьного возраста как культурный феномен, в котором соединяются художественная, образовательная и воспитательная функции хореографии. Танец модерн анализируется не только как система технических приемов, но и как особый способ работы с телом, движением, индивидуальной выразительностью и творческой свободой исполнителя, а особое внимание уделяется возрастной группе 11-16 лет, для которой современная хореография может выступать пространством телесного, эмоционального и художественного самоопределения. На основе культурологического и педагогического подходов раскрываются принципы постепенности, систематичности, возрастной доступности, осознанного движения, индивидуализации и творческой активности и рассматривается значение базовых элементов техники модерн, работы с дыханием, партерной практики, перемещения в пространстве и импровизации, также показано, что педагогическая адаптация модерна требует сочетания технической дисциплины с возможностью самостоятельной интерпретации движения. Делается вывод о том, что преподавание модерна детям среднего школьного возраста является формой включения обучающихся в современную танцевальную культуру и способствует развитию художественного восприятия, телесной осознанности, коммуникативности и

творческой самостоятельности. Отдельно обозначается связь такой практики с задачами дополнительного образования, ориентированного на развитие способностей ребенка с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей.

Ключевые слова:

танец модерн, современная хореография, культурный феномен, хореографическое образование, средний школьный возраст, подростки, импровизация, телесность, дополнительное образование, творческое развитие.

Zaykova A. A.

Master's Degree Student, Choreographic Art, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation

CULTURAL PHENOMENON OF TEACHING MODERN DANCE TO MIDDLE-SCHOOL-AGE CHILDREN

Abstract

The article examines the teaching of modern dance to middle-school-age children as a cultural phenomenon combining artistic, educational and developmental functions of choreography. Modern dance is considered not only as a system of technical skills, but also as a specific way of working with the body, movement, individual expressiveness and creative freedom. Particular attention is paid to learners aged 11-16, for whom contemporary choreography can become a space for bodily, emotional and artistic self-determination. Using cultural and pedagogical approaches, the article discusses gradual progression, systematic training, age appropriateness, conscious movement, individualisation and creative activity as key teaching principles. The role of basic modern dance elements, breathing, floor work, movement in space and improvisation is analysed. It is shown that the pedagogical adaptation of modern dance requires a balance between technical discipline and the learner's ability to interpret movement

independently. The article concludes that teaching modern dance to middle-school-age children is a form of inclusion in contemporary dance culture and can support artistic perception, bodily awareness, communication skills and creative independence.

Keywords:

Mmodern dance, contemporary choreography, cultural phenomenon, choreographic education, middle school age, adolescents, improvisation, corporeality, supplementary education, creative development.

Введение

Современная хореография занимает особое место в художественной культуре, потому что ее развитие связано не только с появлением новых танцевальных направлений и техник, а потому что менялось и само отношение к телу, движению и личности исполнителя. Особенно заметно это проявилось в танце модерн, который сформировался на рубеже XIX-XX веков, в отличие от академического танца, где большое значение имели установленные правила и каноны, модерн стремился к более свободной и естественной пластике, ведь движение должно было передавать внутреннее состояние человека, а не просто соответствовать заданной форме, так, Е.Л. Озджевиз отмечает, что представители модерна пытались создать новую хореографию, которая отвечала бы духовным потребностям человека XX века и большое значение при этом получили отказ от жесткого канона, внимание к дыханию и непосредственная выразительность тела [5], поэтому обучение детей модерну нельзя сводить только к разучиванию движений, через такие занятия обучающиеся знакомятся и с особым художественным языком, и с культурой современного танца в целом.

Современный танец вообще трудно рассматривать как одно строго определенное направление, ведь он постоянно развивается, включает в себя разные техники, способы сценического выражения и варианты работы с движением, например, Ю. В. Белова рассматривает современную хореографию как

многогранное культурное явление, которое формируется под влиянием исторических, социальных и культурных процессов [1]. Это хорошо видно и на примере фолк-модерна, где С. В. Устяхин показывает, что современная хореография может обращаться к традиционной культуре, но при этом не просто повторять ее, а перерабатывать и включать в новый сценический контекст [9]. Для преподавателя это имеет важное значение из-за того, что задача состоит не только в том, чтобы ребенок точно повторил показанное движение, но и в том, чтобы он постепенно начал понимать, зачем оно выполняется, какой образ передает и как связано с общей идеей танца.

Особенно актуальной эта тема становится при работе с детьми среднего школьного возраста. В используемых в работе хореографических программах к этой возрастной группе относятся обучающиеся от 11 до 16 лет [2; 4]. В этот период происходят заметные изменения не только в физическом развитии, но и в эмоциональной сфере, самооценке и восприятии собственного тела, подросток уже способен не просто механически повторять комбинацию за педагогом, а понимать ее настроение, образный смысл, связь с музыкой и пространством. Одновременно в одной группе дети могут заметно различаться по уровню подготовки, координации, темпу физического развития и уверенности в себе, поэтому преподавателю важно учитывать эти различия и не требовать одинакового результата от всех сразу. В таком возрасте особенно важно постепенно развивать технику, музыкальность и самостоятельность, сохраняя при этом комфортную рабочую атмосферу на занятии.

Культурный смысл преподавания танца модерн

Культурная особенность преподавания модерна заключается в том, что на занятии ребенок осваивает не просто набор движений. Вместе с техникой передается определенное отношение к телу, музыке, пространству и самому процессу творчества. В классическом танце большое значение имеет школа как достаточно строгая система технических и эстетических требований. Г. А.

Папашвили, анализируя педагогическое наследие А.Я. Вагановой, обращает внимание на последовательность обучения, целостность подготовки и научный подход к формированию исполнителя [6]. Для современного танца этот принцип тоже важен. Свобода движения не означает отсутствие системы, наоборот, импровизация и более свободная пластика становятся осмысленными только тогда, когда ребенок уже умеет контролировать тело и понимает основные технические принципы.

В модерне меняется и само отношение к телу, там оно рассматривается не только как инструмент, который должен точно выполнить заданную форму, но и как средство передачи переживания и смысла, в свою очередь В. М. Розин рассматривает музыкальное движение как целостную практику, где соединяются музыка, движение, эмоциональное состояние и личностное развитие [8]. Такой подход позволяет по-другому посмотреть и на обычное хореографическое занятие, потому что ребенок постепенно учится воспринимать собственное тело не просто как объект, который нужно поставить в правильное положение, а как средство выражения и общения, а в подростковом возрасте это особенно важно, поскольку в этот период дети обычно начинают гораздо внимательнее относиться к собственной внешности, движениям и реакции окружающих.

Сама техника модерна хорошо подходит для развития такого осознанного отношения к движению. В методической разработке «Искусство в движении» обучение предлагается начинать с базовых положений корпуса и работы в партере, а затем переходить к более сложным комбинациям, передвижениям и пространственным заданиям [4], так, основным элементам относятся contraction, release, curve, arch, spiral и tilt, например, в технике Марты Грэхем contraction и release напрямую связываются с дыханием: сжатие происходит на выдохе, а последующее раскрытие - на вдохе [4], а для ребенка же здесь важно не просто запомнить название и форму элемента, нужно почувствовать, как одновременно работают дыхание, мышцы, направление корпуса и эмоциональная окраска движения.

Возрастная адаптация методики

При работе с детьми среднего школьного возраста материал модерна необходимо специально адаптировать, так в методических рекомендациях для подростков подчеркивается, что постановочный материал должен соответствовать возрасту ребенка, его уровню хореографической подготовки и способности понять содержание номера [4], поэтому одного критерия «может физически выполнить движение» недостаточно, потому что ребенок должен еще понимать, что он делает и какой смысл заложен в комбинации, ведь если просто переносить взрослый репертуар в подростковую группу без изменений, занятие легко превращается в механическое копирование, а самостоятельность и художественное мышление практически не развиваются.

Постепенность здесь касается не только технической сложности, но и творческих задач, поэтому в начале логичнее уделить больше внимания положению корпуса, чувству опоры, координации дыхания и движения, а также упражнениям в партере, а когда эти основы становятся более устойчивыми, можно переходить к работе на середине зала, смене уровней, поворотам, спиралям, падениям и перемещениям. В методике модерна занятие обычно делится на три основные части: floor work - работа в партере, centre work - упражнения на середине класса и moving in space - движение в пространстве [4]. Такая последовательность помогает сначала подготовить тело, а уже потом использовать знакомые элементы в более динамичной форме.

Отдельное внимание необходимо уделять безопасности - в подростковом возрасте нельзя ориентироваться только на то, насколько эффектно выглядит движение со стороны, поэтому педагогу важно следить за распределением веса, положением позвоночника и коленей, качеством опоры, степенью растяжения и общим утомлением ребенка. В методических материалах, например, отдельно отмечается, что при работе на коленях вес корпуса должен правильно распределяться на голень, а усложнять элемент следует только после того, как

освоена его базовая форма [4], поэтому культура преподавания модерна включает и ответственное отношение к телу. Хороший визуальный результат не должен достигаться за счет чрезмерной нагрузки или попытки выполнить элемент раньше, чем ребенок к нему готов.

Опыт дополнительного образования также показывает, что наиболее эффективным оказывается комплексный подход, как например в программе Г. В. Жидких «Джаз-модерн танец», рассчитанной на детей 11-16 лет, современная хореография сочетается с элементами классической подготовки, сольной и контактной импровизацией [2] и среди задач программы выделяются развитие координации, двигательной активности, музыкальности, самостоятельности, уверенности и ответственности. Получается, что техническая подготовка здесь не существует отдельно от творческого и воспитательного развития, поэтому все эти направления работают вместе и постепенно формируют у ребенка более целостное отношение к танцу.

Импровизация как способ культурного освоения движения

Одним из самых полезных средств при обучении модерну является импровизация, потому что ее значение состоит в том, что ребенок перестает только повторять готовую комбинацию за педагогом и начинает самостоятельно искать подходящее движение. Такое задание может строиться по-разному: на основе музыки, литературного текста, какого-либо зрительного образа, работы с предметом, партнером или всей группой [2]. При этом импровизация не означает полной свободы без правил, педагог все равно задает определенные рамки: тему, пространство, характер движения, ритм или способ взаимодействия и благодаря этому ребенок получает возможность проявить себя, но при этом не теряет учебную задачу.

Для культуры модерна импровизация особенно важна, потому что современный танец изначально связан с поиском индивидуального способа выражения, но настоящая самостоятельность появляется не сразу, ведь если

ребенок плохо чувствует опору, не умеет работать с дыханием, уровнями и координацией, его импровизация часто остается случайным набором движений, и исходя из этого мы можем сказать, что чем увереннее освоена техническая база, тем интереснее и содержательнее становится творческая работа, поэтому, на мой взгляд, противопоставлять технику и творчество неправильно, поскольку техника дает ребенку необходимый материал, а импровизация помогает использовать его уже по-своему.

В групповой работе импровизация выполняет еще и коммуникативную функцию, например, при взаимодействии с партнером приходится учитывать его движение, направление, темп и изменение веса, а также соблюдать личное пространство. В групповых заданиях ребенок учится замечать не только себя, но и общий рисунок композиции, собственное движение приходится соотносить с тем, что делают остальные участники. В этом проявляется и социальная сторона хореографии: исполнитель сохраняет свою индивидуальность, но одновременно учится действовать вместе с другими.

Нормативные основания и образовательная направленность

Такая работа соответствует и общим задачам дополнительного образования. Статья 75 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» связывает дополнительное образование детей с развитием творческих способностей, удовлетворением индивидуальных потребностей, физическим и нравственным совершенствованием, укреплением здоровья и организацией свободного времени, важно, что при этом дополнительные программы должны учитывать возраст и индивидуальные особенности обучающихся [10]. Для хореографии это особенно важно, потому что дети одного возраста могут заметно отличаться по физической подготовке, координации и эмоциональной готовности.

Организация занятий по дополнительным общеобразовательным программам осуществляется на основании Порядка, утвержденного приказом Минпросвещения России от 27 июля 2022 г. № 629 [7], кроме того, Концепция

развития дополнительного образования детей до 2030 года ориентирована на повышение качества и доступности программ, обновление их содержания и технологий, развитие творческой активности и учет интересов самих детей [3], поэтому занятия модерном нельзя рассматривать только как досуг. В системе дополнительного образования это полноценная художественная практика, которая решает одновременно образовательные, творческие и воспитательные задачи.

Роль педагога в таком процессе намного шире обычного показа движений, ведь он, как педагог, должен организовать безопасное пространство, подобрать материал, соответствующий возрасту группы, объяснить смысл упражнения и помочь ребенку связать движение с музыкой, образом и собственным эмоциональным состоянием, кроме этого, преподаватель создает задания, где обучающийся может самостоятельно искать решение, а не только копировать готовую форму. Большое значение имеет и способ оценивания, потому что сравнивать детей между собой не всегда правильно, поскольку физические возможности и темп развития у подростков могут сильно различаться. Гораздо полезнее обращать внимание на индивидуальный прогресс конкретного ребенка, его технический рост, уверенность и способность более осознанно относиться к собственному телу.

Выводы

Преподавание танца модерн детям среднего школьного возраста нельзя сводить только к разучиванию отдельных движений и комбинаций, ведь в процессе занятий ребенок знакомится с определенной художественной культурой, учится по-другому воспринимать собственное тело, музыку и пространство, а также постепенно получает возможность выражать через движение собственное состояние и замысел, поэтому обучение модерну одновременно включает техническую подготовку, творческую работу и воспитательное взаимодействие между педагогом и обучающимися.

При построении занятий особенно важно учитывать возраст детей и различия

в их физической и хореографической подготовке. Материал должен усложняться постепенно: от базовых положений корпуса, работы с дыханием и упражнений в партере к более сложным комбинациям, работе на середине зала и перемещению в пространстве. Большое значение при этом имеет импровизация. Она позволяет ребенку использовать уже освоенные элементы самостоятельно и постепенно искать собственный способ выражения, но творческая свобода в данном случае не противопоставляется технике и чем увереннее обучающийся владеет основами движения, тем более осмысленной становится его импровизация.

В результате занятий важным становится не только умение правильно выполнить комбинацию или выступить в сценическом номере. Ребенок учится чувствовать положение и возможности собственного тела, слышать музыку, взаимодействовать с партнером и группой, понимать выразительное значение движения и самостоятельно принимать творческие решения, одновременно со всем формируется более ответственное отношение к физической нагрузке и собственной безопасности.

Таким образом, педагогическая ценность модерна заключается в сочетании дисциплины и свободы. С одной стороны, занятия требуют регулярной технической работы, внимания к безопасности и последовательного освоения материала, а с другой - они дают подростку возможность проявлять самостоятельность и постепенно формировать собственное отношение к движению. Именно такое сочетание позволяет рассматривать преподавание модерна не просто как обучение танцевальной технике, а как способ включения ребенка в современную хореографическую культуру.

Список использованной литературы:

1. Белова Ю.В. Современная хореография как культурный феномен // Инновационная наука. 2024. № 10-1. С. 152-155.

2. Жидких Г.В. Дополнительная общеразвивающая программа художественной направленности по хореографии «Джаз-модерн танец». Кемерово, 2019. 36 с.

3. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 678-р (ред. от 30.04.2026) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413581/ (дата обращения: 03.10.2026).

4. Кувшинская С.В., Каргина В.С., Иванова В.С., Орлова Н.А. Методика преподавания танца модерн: методическая разработка к дополнительной общеразвивающей программе «Искусство в движении». Санкт-Петербург: ГБУ ДО ДЮТЦ «Васильевский остров», 2025. 39 с.

5. Озджевиз Е.Л. Модерн и постмодерн в танцевальной культуре : учебно-методическое пособие. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2015. 95 с.

6. Папашвили Г.А. О сохранении педагогического наследия в классическом танце // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 283-286.

7. Приказ Минпросвещения России от 27.07.2022 № 629 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам» (зарегистрирован в Минюсте России 26.09.2022 № 70226) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427531/ (дата обращения: 03.10.2026).

8. Розин В.М. «Музыкальное движение» как антропопрактика и жизненный путь (принципы организации и теоретическое осмысление) // Культура и искусство. 2026. № 7. DOI: 10.7256/2454-0625.2026.7.77676.

9. Устяхин С. В. Феномен фолк-модерн танца в современной хореографии: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2006.

10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 03.10.2026).

© Зайкова А. А., 2026

УДК 378

Маякова Е.Д.

магистрант 3 курса МГИК

г. Химки, РФ

СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ В ОБУЧЕНИИ НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОМУ ТАНЦУ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Статья посвящена проблеме подготовки студентов-хореографов в процессе обучения народно-сценическому танцу в вузах культуры. В работе анализируются современные подходы такие, как системный, деятельностный, проблемный, поисковый, голографический, направленные на многомерное и комплексное развитие и становление студента-хореографа, как востребованного специалиста. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения предложенных подходов в учебном процессе вузов культуры.

Ключевые слова:

народно-сценический танец, подход, высшие учебные заведения, студент-хореограф, педагог, хореографическое образование.

На протяжении многих десятилетий народно-сценический танец формировался, как отдельное направление в хореографическом искусстве, соответственно на сегодняшний день сложилась определенная методика и концепция обучения народно-сценическому танцу. В настоящее время на уроках по народно-сценическому танцу усиленно обращают внимание на технические навыки и уделяют приоритетное количество времени на их развитие, что является важным при обучении народно-сценическому танцу, но тем самым не происходит полноценный процесс подготовки студента-хореографа к профессиональной

деятельности. В связи с меняющимися условиями жизни профессиональной среды, более высокими, как запросами, так и требованиями к специалистам возникает потребность в пересмотре подходов обучения народно-сценическому танцу. При этом система высшего хореографического образования должна опираться не только на педагогический опыт, но и интегрировать современные подходы в систему подготовки будущих педагогов-хореографов с целью оптимизации процесса становления личности студента-хореографа, как профессионала и актуализации его, как востребованного кадра. Поэтому, на наш взгляд, чтоб процесс обучения был более емким и содержательным необходимо рассмотреть своеобразие современных подходов.

Методику обучения по народно-сценическому танцу на разных этапах его развития разрабатывали и описывали такие авторы, как Г.Ф. Богданов, Г.П. Гусев, И.Г. Есаулов, К.С. Зацепина, Н.И. Заикин, А.А. Климов, А. Лопухов, И.А. Моисеев, М.П. Мурашко, Т.С Ткаченко, Т.А. Устинова, А. Ширяев и др. Сложности процесса обучения студентов-хореографов рассматривали в своих работах Н.И. Заикин, Н.А. Заикина, Е.В. Смелковская, И.М. Смелковская, С.А. Щекотихина и др.

Для реализации учебного процесса в высших учебных учреждениях существует **системный подход,** где программа является системой, по которой осуществляется обучение по народно-сценическому танцу, состоящая в свою очередь из разделов, тем и их содержания. Каждый педагог самоорганизовываясь, создает свою подсистему, то есть распределяет учебный материал в течение обучения, а также определяет подходы и методику преподавания с целью качественного образовательного процесса. Данный подход позволяет в первую очередь широко увидеть, каким должен быть студент-хореограф, выпускаясь из учебного заведения, соответственно учебные программы составляются таким образом, что не смотря на разный уровень подготовки абитуриентов, поступив в вуз они поэтапно и системно укрепили в сознании, предлагаемый учебный материал.

Деятельностный подход на уроке народно-сценического танца реализуется в учебно-тренировочном процессе. Именно вовремя занятий достигается новый уровень осознанности студентов, что танцевальная техника является не целью, а средством к наиболее яркому и выразительному исполнению. Вырабатываются технические навыки, достигается выразительность и музыкальность исполнения, без которого невозможно достичь высокого уровня исполнительской культуры. Практический показ является частью деятельностного подхода. Педагогу важно иметь высокий уровень исполнительской культуры, так как показ педагога на прямую влияет на студентов, а именно на их мотивационные, когнитивные, творческие показатели. С помощью деятельности педагога студенты осознают важность и механизм необходимых им качеств в будущем для реализации педагогических условий.

Часто на занятии может возникнуть проблемная ситуация с изучением какого-либо элемента, но педагог может специально создать данную ситуацию. Это делается с целью включить студента в творческий процесс и подтолкнуть его к самостоятельному поиску новых вариантов и приемов в применении освоенных знаний. Это пример использования **проблемного подхода**. Явления, обозначаемые понятием проблемная ситуация, в отличие от задачи, на взгляд Матюшкина А.М., включают три главных компонента: познавательная потребность в новом, неизвестное, которое должно в итоге быть раскрытым, возможности учащихся [4, с.60]. Например, возникла проблемная ситуация с усвоением нового материала, (изучением основных элементов танца какой-либо национальности). Студенты технически демонстрируют танцевальные элементы, но недостаточно выразительно, как это должно быть, очень поверхностное и безотносительное исполнение. Традиционные практические подходы у педагога недостаточно эффективны. Можно дать самостоятельное теоретическое задание, чтоб они нашли информацию об истории и быте данной народности, и чтоб они сопоставили, изучаемые движения с бытом и историей, это даст более глубокое понимание и

«проживание» данных движений или же педагогу самому провести проблемную беседу, чтоб студенты усвоили данную информацию и тут же применили ее на практике.

Поисковый подход. Основа поискового подхода – это творчество. Применяя поисковый подход, преподаватель должен: побуждать студентов формулировать и высказывать их идеи и мнения, представлять студентам явления, которые находятся в диссонансе с имеющимися знаниями, побуждать студентов рассуждать и высказывать свои предположения. На уроке народно-сценического танца поисковый подход можно применить, дав задание учащимся самостоятельно изучить ту или иную народность, например, схожую с той, которая идет по программе их обучения. Тут задание может заключаться еще в том, чтоб учащийся нашел главные отличительные черты данных народностей и продемонстрировал. Это позволит учащимся детально вникнуть в суть народности как с точки зрения техники исполнения, так и выразительной составляющей исполнительской культуры.

На наш взгляд, следует еще рассмотреть **голографический подход.** Данный подход предложил А.С. Белкин, его название обусловлено процессом интеграции наук, так как произошло перемещение подходов из одной науки в другую. В педагогике с точки зрения А.С. Белкина, данный подход стремится к многоуровневому изучению знания в соответствии с внешним миром и собственным жизненным опытом. На наш взгляд, голографический подход актуален на уроке народно-сценического танца в высших учебных заведениях, так как студенты за время обучения по одному направлению, должны освоить разные потоки информации. Дисциплина «Методика преподавания народно-сценического танца» направлена на формирование компетенций в соответствии ФГОС ВО и ОПОП ВО совмещает в себе несколько направлений: балетмейстер, педагог, репетитор, исполнитель.

Учитывая данные направления, преподавателю следует обращать внимание

на подачу учебного материала. Согласно голографическому подходу, важно объединить интеллектуальный, телесный и эмоциональный опыт учащихся. Суть подхода заключается в: проникновении культуры, изучаемой народности (костюм, традиции, быт); интеграции знаний из других предметов (истории, географии, народного творчества); соединения жизненного опыта студента с предоставляемыми знаниями. Осуществляется голографический подход через следующие проекции. Витагенная проекция (опыт ученика): обращение к жизненному опыту, представлением о танце, телесным ощущениям. Стереопроекция (знание учителя): трансляция научной и методически выверенной информации об изучаемом танце. Голографическая проекция: привлечение аутентичных записей, видео-эталонов, искусствоведческого анализа для создания объемного образа. Данный подход будет позволять многомерно изучать методику преподавания народно-сценического танца, и рассматривать, предлагаемый материал с разных сторон и ролей.

Современные подходы на уроке народно-сценического танца в высших учебных заведениях совмещают традиционные методы обучения, педагогический опыт прошлых лет и современные условия и веяния жизни. Данные подходы помогают систематизировать и адаптировать учебный материал под нынешнее поколение, выделять ценность и осмысленность народно-сценического танца, как наследия, а также полноценно подготавливать студентов к будущей профессиональной деятельности. Задача хореографического образования высшей ступени состоит в том, чтоб студент видел не только себя, как исполнителя в танце, но и, как педагога, балетмейстера, репетитора.

Список использованной литературы:

1. Абулъханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980 – 336 с.

2. Белкин, А.С. Теория и практика витагенного обучения с голографическим методом проекций - Н. Тагил, 1998. - 12 с.

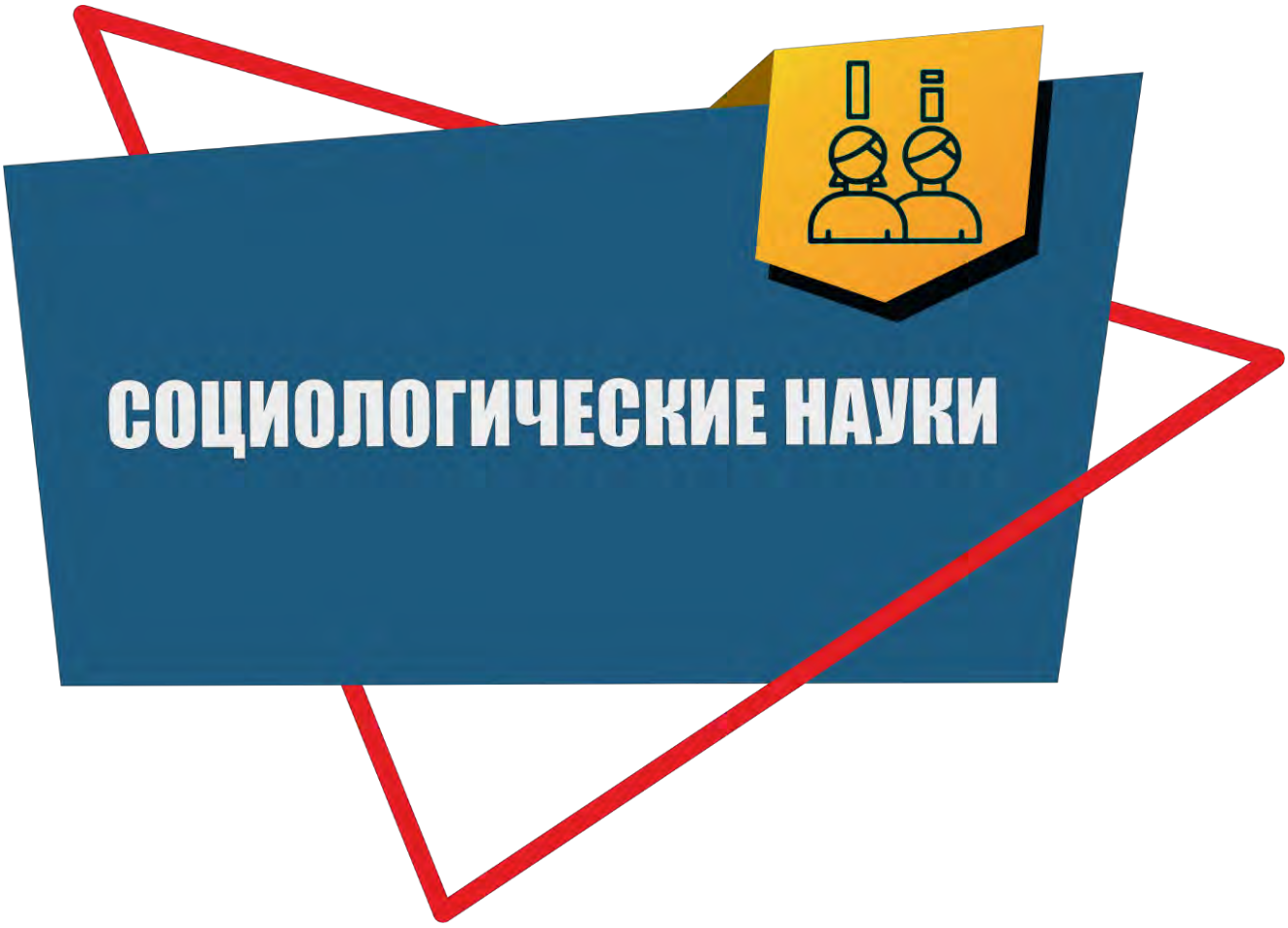
3. Есаулов, И.Г., Народно-сценический танец / И. Г. Есаулов, К. А. Есаулова. — 6-е,

стер. — Санкт-Петербург: Планета музыки, 2020. — 208 с.— ISBN 978-5-8114-4808-1. — Текст: электронный // Лань: электронно- библиотечная система.

4. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М.: "Педагогика", 1972. – 209 с.

5. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. – М.: Народное образование, 2005. – 556 с.

© Маякова Е.Д., 2026


СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.025

Рожков Е.В.

Специалист АО АКИБ «Почтобанк»

г. Пермь

ПРОБЛЕМЫ ПЕРМСКОГО МАРАФОНА (2026)

В статье рассматриваются теоретические особенности проведения марафонского забега в городе Пермь и основные проблемы в привлечении большего числа участников. Основной особенностью проведения соревнований под общим названием «Пермский марафон» является большое количество предлагаемых дистанций (500 м, 1000 м, 2500 м, 5000 м, 10000м, 21098 м, 42196 м и эстафета).

Автор статьи обращает внимание на то, что одними лозунгами, такими как: «за здоровый образ жизни, «за спорт» и т.д., не привлечь большого количества людей, чтобы всем собраться в один – два дня и пробежать по городу. Чтобы такая идея была реализована, необходимо не только строить инфраструктуру, но и давать возможность бесплатного посещения населением. Необходима организация бесплатных тренировок под присмотром профессиональных тренеров и (или) профессиональных спортсменов.

Ключевые слова:

Бег, марафон, Пермский марафон,5 вёрст, парк «Балатово», стадион, 5000 м, Чемпионат России по лёгкой атлетике Мастерс.

CHALLENGES FACING THE 2026 PERM MARATHON

This article examines the theoretical aspects of organizing the Perm Marathon and

the primary challenges involved in attracting a larger number of participants. A key feature of the events held under the "Perm Marathon" banner is the wide range of race distances offered (500 m, 1,000 m, 2,500 m, 5,000 m, 10,000 m, 21,098 m, 42,196 m, and a relay race).

The author notes that slogans alone—such as "for a healthy lifestyle" or "for sports"—are insufficient to draw the large crowds needed to gather over a day or two and run through the city. Realizing this concept requires not only developing infrastructure but also ensuring public access free of charge. It is also essential to organize free training sessions supervised by professional coaches and/or professional athletes.

Keywords:

Running, marathon, Perm Marathon, 5 Versts, Balatovo Park, stadium, 5,000 m, Russian Masters Athletics Championships.

Данная статья посвящена серии публикаций автора о спорте, здоровом образе жизни, сдаче норм ГТО [1], спортивных клубах и обществах, соревнованиях по лёгкой атлетике и различных массовых забегах. Сегодня, в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом должно быть увеличено до 70 %. И, чтобы исполнить это требование, необходимо не только строить стадионы и спортивные площадки, но и привлекать людей заниматься физкультурой. Так, например, в городе Пермь, в 2026 году для населения стало платным посещение стадиона «Динамо» (200 руб. за одно занятие) (федеральная собственность). Также, после прошедшей реконструкции, с 2026 года стало платным посещение стадиона «Юность» (100 руб. за одно занятие) (муниципальная собственность).

С 01 июня по 31 августа 2026 года в Перми продолжилась работа проекта «Тренер нашего двора» (организатор – ГАУ Пермского края «Управление по организации и проведению Спортивных и физкультурных мероприятий»), а именно: на спортивных площадках по адресу: ул. Мира, 70б – проводится тренировка по ОФП; ул. Лихвинская, 29 - волейбол; переулок Урожайный – футбол и в ЗАТО «Звёздный» - флорбол и бокс. С физическими лицами (тренер или спортсмен) были заключены договора, в соответствии с которыми, они предоставляли эти услуги населению – 2 раза в неделю по 45 мин.

За свою работу (в течении 3-х месяцев), эти наставники получили не заработную плату, а они могли приобрести спортивное оборудование и инвентарь на общую сумму не более чем на 30 тыс. руб. на одну организационную группу граждан по виду спорта или ОФП. При этом, на такое муниципальное образование как Пермь, город «милионник», не нашлось ни одного тренера или профессионального спортсмена, который бы захотел бесплатно, в течении всего лета тренировать людей как правильно надо бегать.

Необходимо отметить, что клуб любителей бега «Вита» является старейшим городским беговым сообществом, участники которого не только на протяжении 35 лет участвуют в различных забегах, но и проводят их. Например, до 2017 года, клуб «Вита» организовывал забег «Пермский осенний» марафон. А с 2017 года, «эстафету» приняли местные органы власти, которые организовали «Пермский» марафон, который проводится ежегодно в сентябре.Цель органов власти состоит в том, чтобы привлечь на марафон как можно больше любителей бега, а сам марафон, чтобы получил статус «Международного».

В 2017 году количество заявок на забег для любителей бега зарегистрировалось более 6000 человек. В 2018 году, количество участников составило более 7000 человек и т.д.[2]. Учитывая тот факт, что Пермский марафон в последнее время проводится ежегодно, а с людьми желающими тренироваться

бегать правильно и быстро не проводятся тренировки (на любительском уровне) интерес к бегу у них снижается. Также, на снижение к интересу тренироваться бегать является платный вход на стадионы. Количество зарегистрированных участников Пермского марафона за последние годы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количество зарегистрированных участников Пермского марафона (2021 – 2026 г.г.)*

2021	2022	2023	2024	2025	2026
9219	11101	11958	12912	16977	16715

* - составлено автором.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, количество участников которые зарегистрировались на все дистанции (500 м, 1000 м, 2500 м, 5000 м, 10000м, 21098 м, 42196 м и эстафета) в 2026 году составило - 16715 человек, это на 1,5 % меньше, чем в 2025 году, т.е. динамика ежегодного увеличения приостановилась.

Сам автор – участник забега на 5000 м (результат – 18:48). Но, одного только желания пробежать недостаточно. Соответственно, приходится искать какие-нибудь беговые сообщества, в которых люди собираются и проводят вместе время и праздники и не забывают про беговую подготовку.

К одному из не многих сообществ в городе Перми относится забег «5 вёрст», который проводится в парке «Балатово» еженедельно по субботам в 9:00 (рис. 1) [3].

Рисунок 1 – «5 вёрст» в парке «Балатово» [3].

Кроме бегового сообщества «5 Вёрст» (более 100 участников) (забег 1 раз в неделю), можно участвовать в забеге на 2 мили с клубом любителей бегом «Вита» и беговым сообществом «Самопревосхождение59» (более 60 участников) (1 раз в месяц – каждое третье воскресенье в парке «Балатово»). Кроме того, в городе Перми, беговое сообщество состоит и из других клубов: «TechnoRunTeam», школа бега «Люблю Бег», «Первое Пермское Беговое», «RunFactory» и других[4].

Но подготовка к забегу на 5000 метров совместно с любителями бега не

достаточно. По этому, тренировки должны проводиться совместно и с профессиональными спортсменами. Автор статьи в 2026 году был участником Всероссийских соревнований по лёгкой атлетике (категория 35+) «Чемпионат России по лёгкой атлетике Мастерс» в городе Челябинск (рис. 2) [5].

Рисунок 2 – Забег на 3000 м с/п (автор статьи – номер 432 (крайний с права))[5].

Вывод

Для увеличения количества людей, которых можно привлечь в городе Перми на забег Пермского марафона, по мнению автора статьи, необходимо сделать следующее:

1. Обеспечить бесплатное посещение стадионов «Динамо» и «Юность» в городе Перми для населения;

2. Возобновить бесплатные тренировки по бегу с 1 июня по 31 августа в 12-15 локациях на территории города в разных микрорайонах под контролем тренера (профессионального спортсмена). И, этим тренерам, в течении 3-х месяцев, за их работу платить минимальную заработную плату (официально по заключённому трудовому договору);

3. В список дистанций на Пермском марафоне добавить дополнительно 3000 метров или 2 мили;

4. При награждении участников занявших 1 место на какой-нибудь дистанции Пермского марафона, изменить возрастные группы, а именно: до 18 лет; до 20 лет; 20-24 года; 25-29 лет; 30-34 года; 35-39 лет; 40-44 года; 45-49 лет; 50-54 года; 55-59 лет; 60-64 года; 65-69 лет; 70-74 года; 75-79 лет; 80-84 года; 85 лет и старше.

Список использованной литературы:

1. Рожков Е.В. Регулярно заниматься физической культурой или как сдать нормы ГТО в городе Перми // Академическая публицистика. 2024. № 8-2. С.**1**63-167.

2. Рожков Е.В. Пермь – «марафонская» столица России // Академическая публицистика. 2025. № 9-2. С. 281-286.

3.Рожков Е.В. В каком возрасте необходимо задуматься, чтобы в 50 лет выглядеть на 25 лет//Академическая публицистка. 2024. № 9-1. С. 151-157.

4. Рожков Е.В. Регулярное занятие физической культурой – это участие в спортивных клубах (на примере города Перми) // Академическая публицистика. 2024. № 9-2. С. 497-502.

5. Рожков Е.В. Сдать нормы ГТО на «золото» и стать чемпионом России – это по-нашему! // Академическая публицистика. 2026. № 8-2. С. 163-168.

© Рожков Е.В., 2026

УДК 31

Ткаченко М.М.

Студент 3 курса Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

г. Санкт-Петербург, РФ

Научный руководитель: Джалилов П.Б.

канд. пед. наук, доцент, СПбГУПТД

МОТИВАЦИЯ ТРУДА И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности мотивации труда и формирования карьерных стратегий современной молодежи на рынке труда. Проанализированы изменения трудовых приоритетов молодых работников, связанные с распространением принципа work-life balance, удаленной и гибкой занятости. Рассмотрена роль материальных и нематериальных стимулов в выборе места работы, а также развитие фриланса и самозанятости как альтернативных форм трудового поведения. Сделан вывод о переходе молодежи к более гибким и индивидуализированным моделям построения профессиональной карьеры.

Ключевые слова:

молодежь, рынок труда, мотивация труда, карьерные стратегии, трудовые ценности, удаленная занятость, фриланс, самозанятость.

Современный рынок труда характеризуется изменением требований к работникам, условий занятости и подходов к построению профессиональной карьеры. Особое значение в этих условиях приобретает молодежь, находящаяся на этапе профессионального становления и формирования карьерных стратегий. Для

молодых работников труд выступает не только источником дохода, но и средством профессиональной самореализации и достижения жизненных целей.

Исследования показывают, что трудовые ценности современной молодежи включают как материальные стимулы, так и возможности профессионального развития, самореализации и карьерного роста [3]. При этом карьерные стратегии становятся более гибкими: молодые люди готовы менять место работы и профессиональное направление в зависимости от условий рынка труда и собственных целей [4].

В связи с этим актуальным является изучение взаимосвязи между мотивацией труда и выбором карьерных стратегий молодежи. Цель исследования заключается в выявлении основных мотивов трудовой деятельности современной молодежи и определении их влияния на формирование карьерных стратегий на рынке труда.

Одной из заметных тенденций современного рынка труда является изменение приоритетов молодежи в отношении организации трудовой деятельности. Если традиционная модель занятости предполагала фиксированный рабочий график и длительную работу в одной организации, то в настоящее время возрастает значение гибкости и возможности совмещать профессиональную деятельность с личной жизнью. Исследования трансформации трудовых установок молодежи показывают, что развитие информационных технологий способствует распространению удаленной и гибкой занятости, позволяющей работникам самостоятельно определять место и в определенной степени режим выполнения работы [5]. В связи с этим принцип work-life balance становится одним из значимых факторов при выборе работодателя и построении профессиональной траектории.

При этом материальная мотивация сохраняет существенное значение. Уровень заработной платы, стабильность дохода и наличие социальных гарантий продолжают выступать важными критериями выбора работы. Вместе с тем для современной молодежи все большее значение приобретают нематериальные стимулы: гибкий график, возможность удаленной работы, профессиональное

развитие, комфортная рабочая среда и соответствие ценностей организации личным установкам работника. Таким образом, мотивация труда приобретает комплексный характер, при котором материальные и нематериальные факторы рассматриваются во взаимосвязи.

Изменение трудовых предпочтений способствует распространению альтернативных форм занятости, в том числе фриланса и самозанятости. Фриланс предоставляет работнику возможность самостоятельно выбирать проекты, заказчиков и режим работы, а дистанционный формат снижает зависимость от территориальной привязанности к работодателю [2]. В России развитие самозанятости также сопровождается расширением профессиональных сфер, в которых используется данная форма занятости. Исследование О.В. Забелиной показывает, что в 2022–2024 гг. самозанятость получила развитие не только в традиционных сферах, но и в новых профессиональных и отраслевых сегментах [1].

Таким образом, современные карьерные стратегии молодежи становятся более гибкими и индивидуализированными. Выбор профессионального пути определяется не только уровнем дохода и возможностью карьерного роста, но и стремлением к автономии, профессиональному развитию и балансу между трудовой и личной сферами. Расширение фриланса, удаленной работы и самозанятости свидетельствует о постепенной трансформации моделей трудового поведения молодежи и ее адаптации к изменяющимся условиям рынка труда.

Проведенное исследование показывает, что мотивация труда и карьерные стратегии современной молодежи претерпевают существенные изменения под влиянием трансформации рынка труда и условий занятости. Наряду с традиционными материальными мотивами все большее значение приобретают нематериальные факторы: гибкий график, возможность удаленной работы, профессиональное развитие, комфортные условия труда и баланс между профессиональной и личной жизнью.

Современная молодежь демонстрирует более гибкий подход к построению

профессиональной карьеры, рассматривая смену места работы, освоение новых компетенций, фриланс и самозанятость как допустимые инструменты профессионального развития. При этом выбор карьерной стратегии определяется совокупностью экономических, профессиональных и личностных факторов.

Таким образом, современные тенденции свидетельствуют о переходе от преимущественно стабильной модели трудового поведения к более гибкой и индивидуализированной. Учет изменяющихся мотивационных установок молодежи имеет важное значение для работодателей при формировании системы мотивации, условий занятости и возможностей профессионального развития молодых специалистов.

Список использованной литературы:

1.Забелина О.В. Тенденции изменения масштабов и характеристик сферы самозанятости населения России // Экономика труда. 2025. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-masshtabov-i-harakteristik-sfery-samozanyatosti-naseleniya-rossii

2.Ралдугина А.О. Гибкие формы организации трула персонала: фриланс и дистанционная занятость // E-Scio. 2021. №8 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gibkie-formy-organizatsii-truda-personala-frilans-i-distantsionnaya-zanyatost

3.Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-tsennosti-i-ustanovki-sovremennoy-studencheskoy-molodyozhi

4.Хашаева С.В. Карьерные стратегии молодежи как отражение амбиций и соревновательных практик в профессиональной деятельности URL: https://rrsociology.ru/journal/article/3279/

5.Чаплашкин Н. В. Трансформация поведенческих установок молодежи на рынке

труда и занятости: влияние пандемии и переоценка работниками своих трудовых приоритетов URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-povedencheskih-ustanovok-molodezhi-na-rynke-truda-i-zanyatosti-vliyanie-pandemii-i-pereotsenka-rabotnikami-svoih

© Ткаченко М.М., 2026

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.582

Смерек Ю.Л.

к.ф.-м.н., доцент

Северо-Кавказский федеральный университет,

г. Ставрополь

ГРОЗЫ В СУХОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Настоящая работа посвящена рассмотрению режима гроз в сухостепной зоне Центрального Предкавказья в современных климатических условиях. Информационной базой являются данные метеонаблюдений метеорологической станции Буденновск, расположенной на территории Левокумского ландшафта сухих степей, за 2001-2025 годы.

Всего за четверть века метеостанцией Будённовск зафиксировано 599 дней с грозой: 4 дня в марте, 25 дней в апреле, 104 дня в мае, 175 дней в июне, 136 дней в июле, 102 дня в августе, 45 дней в сентябре и 8 дней в октябре. С ноября по февраль гроз не было. Таким образом, на весну пришлось 22.3 %, на лето – 68.9 % и на два осенних месяца – 8.8 % общего числа дней с грозой.

В таблице представлены современные характеристики режима гроз. Обозначения характеристик следующие: *N* – число дней с грозой, *P* – суммарная продолжительность гроз в часах (среднее, максимальное и минимальное значения соответственно), *P1* – средняя продолжительность одного грозового процесса.

Характеристики режима гроз

Показатель	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Год
Nср	*	1	4	7	6	4	2	0	24
Nмакс	1	4	9	13	11	9	4	2	33
Nмин	0	0	0	3	2	0	0	0	13
Pср	0.2	1.3	7.1	14.0	11.7	8.5	3.7	0.3	46.8
Pмакс	1	7	18	33	32	25	13	4	73
Pмин	0	0	0	5	3	0	0	0	23
P1	0.8	1.3	1.7	2.0	2.1	2.1	2.0	1.0	2.0

В среднем за год отмечается 24 дня с грозой. Из рассматриваемых 25 лет в 16 годах число дней с грозой было в пределах от 20 до 30 дней, в четырех годах было менее 20, а в пяти годах – более 30 дней с грозой.

Абсолютное большинство гроз отмечается с мая по август: на эти месяцы приходится 86 % годового числа дней с грозой. Однако ежегодно грозы фиксировались только в июне и июле, причем в июне в четырех годах, а в июле в трех годах было зафиксировано 10 и более дней с грозой за месяц. В мае и августе зафиксировано по одному году без гроз: в 2022 и 2018 годах соответственно. В сентябре не было гроз в 6 годах, в апреле – в 11. В марте и октябре грозы отмечались редко: в 4 и 6 годах соответственно.

В Буденновске грозы в основном одиночные, на них приходится три четверти годового числа дней с грозой. Но однажды зафиксирован 5-дневный период с ежедневными грозами: с 5 по 9 августа 2002 года.

Суммарная продолжительность гроз составила 1169 часов: 3 часа в марте, 32 часа в апреле, 178 часов в мае, 351 час в июне, 292 часа в июле, 213 часов в августе, 92 часа в сентябре и 8 часов в октябре. 88 % суммарной продолжительности гроз пришлись на май – август. Средняя годовая продолжительность гроз составила 47 часов, наименьшая – 23 часа (2022, 2025 гг.), наибольшая – 73 часа (2002 г.). Менее 30 часов продолжалась грозовая деятельность в 3 годах, от 31 до 40 часов – в 6 годах, 41 – 50 часов – в 4 годах, 51 – 60 часов – в 9 годах, 61 – 70 часов – в 2010 г., более 70 часов – в 2002 и 2004 гг. По средней продолжительности гроз в течение месяца «лидируют» июнь (14.0 часов) и июль (11.7 часа). Наибольшая месячная продолжительность гроз также отмечалась в июне (2020 г. – 33 часа) и июле (2003 г. – 32 часа).

Средняя годовая продолжительность одного грозового процесса 1,95 часа. Средняя продолжительность одного процесса летом – 2.06 часа, осенью – 1.5 часа, весной – 1.3 часа. При этом средняя продолжительность одного грозового процесса с июня по сентябрь – 2 часа и более, весной – от 1 часа в марте до 1, 71 часа в мае, в октябре – 1 час.

Сравнение современных данных с данными за 1936-1965 гг. [6] и с данными за 1961-2000 гг. [2] показывает, что среднее годовое число дней с грозой в эти периоды было практически одинаковым (23 и 25 дней по периодам XX века). При этом вторая половина XX века все же отличается несколько более высокой грозовой активностью, чем два других рассматриваемых периода, за счет более частых гроз летом (19 дней с грозой против 17 дней в остальных двух периодах). Впрочем, эти различия не очень значимы, наиболее заметны они в июле – августе, в наибольшем числе дней с грозой. Так, в первой половине XX века наибольшее месячное число дней с грозой было 12, во второй половине – 16, а в новом веке – 11. Для августа эти показатели равны 10, 13 и 9 дней соответственно. В апреле и мае современные показатели несколько выше показателей прошлого века.

Что касается суммарной продолжительности гроз, то она росла от периода к периоду, составив 36 часов в первой половине XX века, 40 часов в его второй половине и 47 часов в первой четверти XXI века.

Начало периода грозовой активности чаще всего приходится на вторую декаду апреля. Однако повышение средних апрельских температур воздуха с 10.1^{o}C в первом пятилетии нового века до 13.0^{o}C в 2021-2025 гг. привело не только к увеличению среднего месячного числа дней с грозой с 4 до 6, но и к смещению начала периода грозовой активности на более ранние даты [3]. Повышение температуры воздуха в сентябре и октябре обусловило более позднее окончание периода грозовой активности, но и возрастание повторяемости сентябрьских и октябрьских гроз, хотя октябрьские грозы – всё же явление очень редкое [5].

В августе гроз стало столько же, сколько в мае. Причем в 2001-2015 гг. их было даже больше, но беспрецедентный рост температуры воздуха (на 1.7^{o}C за 5 лет) и столь же значительное уменьшение количества осадков в последние годы привело к ухудшению условий атмосферного увлажнения (и почвенного, соответственно, тоже), учащению возникновения засушливых и суховейных явлений [1, 4], угнетенному состоянию сельхозкультур, которое можно наблюдать как при

традиционных методах обследования, так и с использованием современных технологий для оценки вегетационного индекса растений на больших площадях [7, 9, 10].

Список использованной литературы:

1. Бадахова Г.Х., Каплан Г.Л. Синоптические условия возникновения и повторяемость суховеев в Ставропольском крае// Мат. регион, научно-практ. конф.«Состояние и перспективы развития агропромышленного комплекса Южного Федерального округа». Ставрополь. 2007. С. 297-300.

2. Бадахова Г.Х., Кнутас А.В. Ставропольский край: современные климатические условия. Ставрополь: Краевые сети связи, 2007. 272 с.

3. Волкова В.И., Бадахова Г.Х., Барекова М.В., Каплан Г.Л. Особенности атмосферной циркуляции переходного периода и колебания дат начала весны в Центральном Предкавказье//Наука.Инновации.Технологии.2021.№ 1.С.125-138.

4. Каплан Г.Л. Анализ количества облачности в степных ландшафтах Ставропольского края// Проблемы экологической безопасности и сохранения природно-ресурсного потенциала». Ставрополь, 2009.С.160-163.

5. Каплан Г.Л., Бадахова Г.Х., Барекова М.В., Лашманов Ю.К. Особенности грозоградовой активности над Центральным Предкавказьем в 21 веке// Докл. Всероссийской открытой конф. по физике облаков и активным воздействиям на гидромет. процессы. Нальчик: Принт-Центр, 2021**.** С. 251-256.

6. Справочник по климату СССР. Вып. 13. Ч. 5. Облачность и атмосферные явления. Л.: Гидрометеоиздат, 1968. 363 с.

7. Чекмарёв М. М. Использование спутников в сельском хозяйстве // Саратов: ООО «Цесаин». Агрофорсайт. 2025. № 6. С. 64-72.

8. Badakhova G.Kh., Barekova M.V., Kaplan G.L., Kravchenko N. A. Modern investigations of synoptic conditions of thunderstorm processes in central region of Pre-Caucasus// XII Science, Technology and Higher Education: materials of the XI international research and practice conference. Westwood, Canada, 2016. 183-187 p.

9. VS Manivasagam, G Kaplan, O Rozenstein. Developing transformation functions for VENµS and Sentinel-2 surface reflectance over Israel// Remote Sensing, 2019. V. 11. No 14. P. 1710.

10. E Perry, J Davenport. Spectral and spatial differences in response of vegetation indices to nitrogen treatments on apple. Comput. Elect. Agric. 2007, No.5. P. 17-41.

© Смерек Ю.Л., 2026.